

ИВАН ПРОХОРОВ

МЕТРО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Прохоров

Метро

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66583260

SelfPub; 2023

Аннотация

Пятеро незнакомцев спешат на последний поезд метро. Один торопится покинуть страну. Второй бежит от полиции. Третий пытается оттолкнуться от дна. Четвертая убегает от прошлого. А пятая – от самой себя. Внезапная остановка в туннеле перечеркивает их планы... А где-то на поверхности погружающийся в маниакальную шизофрению капитан следкома получает странное задание – разыскать исчезнувшую при загадочных обстоятельствах дочь влиятельного генерала. Следы ведут его в метро. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	50
Глава 3	81
Глава 4	93
Глава 5	100
Глава 6	112
Глава 7	121
Глава 8	144
Глава 9	157
Глава 10	177
Глава 11	195
Глава 12	213
Глава 13	235
Глава 14	244
Глава 15	257
Глава 16	278
Глава 17	299
Глава 18	314
Глава 19	321
Глава 20	331
Глава 21	348
Глава 22	360

Глава 23

369

Конец ознакомительного фрагмента.

382

Иван Прохоров

Метро

Пролог

Июнь 1991 года. За 30 лет до...

Подперев щеки кулачками, Саша наблюдал за крохотной птичкой, прыгавшей по толстой ветке за окном. Повадками птичка напоминала воробья, но сияла на солнце как настоящий попугай, переливаясь диковинным пепельно-ржавым оперением. Раздув красную грудку, она затрясла огненным хвостом, превратив его в крохотное пламя.

– Го-ри-хвост-ка, – тихо проговорил Саша, не догадываясь даже, что точно угадал ее название.

Птица будто услышала его, посмотрела на него боком, поптичьи и, задрвав белолобую головку, выдала в вечерний зной знакомый тревожный перелив.

Так вот кто будил его по утрам.

Чувствуя обнаженными коленями холод батареи, Саша сидел на тумбочке, придвинутой к подоконнику, словно затаившийся охотник, но предметом его интереса была отнюдь не птица. Он ждал, когда затихнут шаги в коридоре. На его беду шаги затихли прямо за его спиной.

– Ты что! – прозвенел возмущенный голосок.

Мальчик мгновенно обернулся.

За кроватями, в дверном проеме стояла девочка. На пухлых щеках горел матерый загар, в округлившись карих глазах сияло заходящее солнце.

– Тебе нельзя его надевать!

– Почему? – Саша проследил за ее возмущенным взглядом и тронул перебинтованными пальцами тесемку под подбородком.

– Это только для тех, у кого день рождения!

По правде говоря, ему самому это не нравилось. Полчаса назад Ирина Петровна вручила ему дурацкий колпак из цветной бумаги, велела надеть и идти на спортплощадку. Сегодняшняя суббота оказалась богатой на дни рождения. Во всем лагере сразу у троих, включая Сашу. Ему достался самый потрёпанный колпак, обклеенный выцветшей розовой бумагой и усеянный почерневшими от времени серебряными блестками.

– У меня сегодня день рождения.

– У тебя?! Сегодня?! – девочка быстро и как-то по-рыбьи, не поворачивая головы, оглядела спальную комнату четвертой группы и снова посмотрела на него.

Саша увидел, как взгляд ее широко расставленных глаз теплеет. Он знал, что причина в его ясных красивых глазах. Они нравились людям. Особенно когда он смеялся или как сейчас – приподнимал брови, пытаясь понять, что у других на уме.

– Сегодня.

– Почему тогда ты здесь один?

Саша задумался. Наверное, дело в колпаке. Конечно, можно было его снять и пойти ко всем на спортивную площадку, куда родители другого именинника Алика выгрузили целый кузов угощений, включая невиданный им белый шоколад. Но Саша знал – где-то там среди всех Ирина Петровна, которая тут же вспомнит о нем и заставит надеть идиотский колпак. Все это было сложно объяснить десятилетней девочке, и Саша просто пожал плечами.

– И сколько тебе лет?

– Девять, – Саша снова приподнял брови – привычка, унаследованная от матери, которой он никогда не видел.

– Малявка! – фыркнула девочка и шагнула в спальню. – Как тебя зовут?

– Саша.

– Марина, – девочка примирительно улыбнулась, взмахивая пухлыми руками. – Ну? И где угощения?

Саша слез с тумбочки, достал из нее надорванный пакет с овсяным печеньем и положил на кровать.

Марина нахмурилась.

– Овсяное печенье? – маленькие пальцы через пакет пренебрежительно пощупали одно печенье. – Да еще черствое! Дурацкая шутка!

Полукруглые брови снова взлетели над слишком усталыми для девятилетки глазами. Он и забыл, где находится. В

этом лагере у всех были родители.

Саша посмотрел на пакет с печеньем. Его лучший друг Вадик обожал овсяное печенье. Как и Гарик. Но дело обстояло так, что Саша вряд ли бы когда-нибудь оказался в одном из лучших пионерлагерей страны, если бы все что осталось от Вадика и Гарика не хранилось сейчас в холодильной камере главного центра судебно-криминалистических экспертиз Московской области.

– Тебе что, родители ничего не привезли? – Марина только сейчас заметила заплатку на рукаве его рубашки.

– А у него нет родителей, – в дверном проеме возник худой темноволосый мальчик из старшей группы.

Мальчик окинул Сашу высокомерным взглядом и откусил наполовину обглоданное яблоко.

– Он детдомовский.

Для Марины это прозвучало как прямое покушение на ее представление о мироздании.

– Нет родителей?! А что с ними?

– Отказались от него.

– Почему? – Марина ошеломленно смотрела на Сашу.

– Наверное, сделал что-то плохое, – с видом эксперта заверил мальчик. – И вообще нельзя играть с ним!

Марина хмуро посмотрела на перебинтованные сашины ладони и пальцы – все, на обеих руках, кроме больших. Саша молчал, покачивая ногой. Развязавшийся шнурок скользил по линолеуму.

– Правда? – Марина явно хотела уцепиться за последнюю попытку сохранить свой мир целостным. Слишком уж этот мальчик был симпатичным, чтобы делать что-то «плохое». Черные волнистые непослушные волосы и огромные сияющие глаза делали его похожим на большого щенка. – Почему... Почему от тебя отказались?

Мальчик с яблоком подошел к Марине и стал шептать ей что-то на ухо. Глаза Марины широко раскрылись, и Саша увидел в них испуг.

– Родители Алика всем раздают по целой пачке жвачек, – уже в полный голос заявил мальчик.

– Правда?

– Бежим!

Марина бросила на Сашу еще один недоверчивый взгляд и несостоявшиеся сашины друзья покинули его.

Когда их топот окончательно растворился в далеких криках и смехе, Саша встал, краем глаза заметив, как мелькнула в зеркале на стене помятая вершина колпака. Мальчик был немного маловат для своего возраста, но ладно сложен. Он уперся предплечьем в колонну возле своей кровати и, прижавшись к руке лбом, стал по-мальчишески болтать ногой, описывая полукруг на полу. На его симпатичное лицо на миг легла тень – дрогнули пухлая нижняя губа и подбородок, будто он захотел расплакаться. Но только на мгновение.

Саша перестал мотать ногой, выпрямился и серьезно посмотрел на пакет с печеньем.

Нечего здесь делать, решительно подумал он, и, шагнув к кровати, стал рассовывать печенье по карманам. Пора сделать то, что они всегда делали с Вадиком и Гариком.

Шмыгнув носом, Саша спокойно посмотрел на распахнутую дверь, прислушался – ничего, кроме далекого визга и смеха на спортивной площадке. Затем подошел к дальнему окну. Он знал, что через парадную дверь ему не выйти, а окна первого этажа, как и второго, защищены от открывания детьми специальными замками с ключом. Открываются только фрамуги. Но Саша еще утром, когда все ушли на завтрак, с помощью дужки от кровати вытащил боковую и верхнюю рей, державшие стекла. В детском доме они часто так делали. Пока все резвятся на спортивной площадке, Саша спокойно выберется из окна – два шага по фронтону, оттуда на козырек тамбура и – ищи ветра в поле.

Саша взял с ближайшей кровати полотенце и неловко нагнувшись, зашипел от боли. Морщась и осторожно касаясь груди, он посидел несколько секунд, закусив губу, затем аккуратно упер ногу в тумбочку и завязал шнурок. Потом забрался на кровать, намотал на кисть полотенце, чтобы не порезаться и оттянул не себя стекло. Из щели подул теплый воздух с пылью, но Саша тотчас пригнулся, ругая себя за неосмотрительность. Прямо напротив главного тамбура на улице он увидел черную «Волгу» и белые жигули с синей полосой и надписью «милиция». У машины стояли милиционер и Ирина Петровна. Оба – спиной к нему, но Саша среаги-

ровал на другое. Ему показалось, что кто-то в черной «Волге» смотрит на него. Кто-то огромный, со странными белыми волосами. Может быть, просто показалось, но Саша в свои девять лет уже отлично знал, что инстинкты никогда его не обманывают.

Саша сел на тумбочку, уложил руки на край подоконника и уперся в них подбородком. В любом случае, даже если кто-то его заметил, то все равно ничего не понял. Подумаешь – кто-то из детей выглянул в окно. Мотая головой, он прислушивался к голосам – низкому мужскому и звонкому – Ирины Петровны. Слов разобрать было невозможно, но по звуку он понял, что они приближаются, проходят совсем близко, под его окном. Саша уловил даже произнесенные Ириной Петровной несколько слов: «это самый умный ребенок, который...». Затем голоса отдалились и все стихло. Должно быть, вошли в здание. Мальчик медленно приподнялся над подоконником. Возле машин действительно никого не было. Саша выпрямился, и тут же взгляд его встретился с взглядом старика. Старик стоял под окном и смотрел прямо на него. Высокий, невероятно высокий, и... Нет, не такой лысый, а наоборот – с длинными и прямыми, как у робота Вертера, пепельными волосами. И лицо – оно было живым, а не маской мертвеца. Поздно прятаться. Старик внимательно смотрел на мальчика. Затем улыбнулся – тем самым оскалом, каким улыбаются люди, не привыкшие это делать. Как он заметил его?! Запоздалый ответ пришел сам собой: дурацкий

колпак!

Глава 1

30 лет спустя...

Первый пассажир. 4 273 метра на северо-восток

В тусклом свете фонаря кружились первые ноябрьские снежинки, исчезая в белой кисее накрывшей пустынную дорогу – в этой затерянной среди железнодорожных веток и старых заводских корпусов промзоне царила безмятежность, которой не мешал даже рев со стороны Шоссе Энтузиастов. И все же безмятежность эта была обманчивой. Гармонию нарушала одна фальшивая нота, против которой бессилён был даже мистер Ривз, чей гипнотический голос лился в салон из двенадцати динамиков «БМВ Х5».

Пустовалов очнулся от дурмана далеких воспоминаний и посмотрел в сторону перелеска, в котором пять минут назад исчез полковник Басуров, и в очередной раз подумал о том, что вероятно поставил не на ту лошадку.

Дело было не только в полковнике, хотя изначально он не давал поводов для беспокойства. В конце концов, для человека непрощедшего искушения деньгами, Басуров неплохо поднялся по своим меркам: сумел продать партию китайских двигателей по цене французских, впарил казахам пятьдесят тонн просроченной фасоли и провел пару махинаций с бывшими сослуживцами из контрактного отдела. Конечно, это не тот уровень, чтобы тягаться с Ясином, но кто вообще мог

с ним тягаться?

Дело было в другом. В том, что Басуров за последний час уже в третий раз отлучался в туалет.

Пустовалов хорошо знал, что опыт переговорщика учит забывать о таких вещах, как волнение, тревога и даже отчаяние. Но со страхом такой номер не проходит. Этот инстинкт самый сильный из людских несовершенств, и он не раз его подводил. Напуганный человек напрочь теряет адекватность, а Басуров и без того себя чересчур переоценивал.

Еще при встрече час назад он обратил внимание на его расширяющиеся ноздри. Волнение провоцирует выработку адреналина и ускоряет дыхание. Легкие становятся шире, им нужно больше воздуха. Они сидели в «Кофе Хауз» на Авиамоторной, и пока Пустовалов привычно повторял план действий, отрешенный взгляд Басурова скользил по одной и той же амплитуде – от окна к витрине с пирожными. Тут не нужно быть профессионалом, как говорится. Порцию двойного эспрессо полковник выпил залпом, как коньяк, затем выкурил две сигареты, после чего начались забеги в туалет. Пустовалов раньше не замечал, чтобы у Басурова были проблемы с мочеиспусканием.

Пустовалов положил руку на руль.

Интуиция, благодаря которой ему всегда удавалось пройти между струй, давала однозначный ответ, но сегодня, а вернее – особенно сегодня, следовать ей не хотелось.

Дело в том, что сегодня на Флотской улице, напротив до-

ма номер тридцать шесть, Пустовалова ждала неприметная вишневая «Вольво С80» 2007 года выпуска, с полным бензобаком, двумя запасными канистрами в багажнике, заправленная свежими расходниками. Никто не знал, что Пустовалов полтора месяца назад продал две свои квартиры и дом в Красной Пахре и с тех пор жил в съемной однушке у Фестивального парка. И никто, разумеется, не догадывался, что сегодня в квартире на Флотской улице его ждала средних размеров сумка, чистое белье на кровати, подготовленная одежда в шкафу, два бутерброда с ветчиной, сыром, помидорами и соусом «Wild Bill» завернутые в фольгу в холодильнике и термос с кофе на кухонном окне. Все, что нужно для быстрого ужина, душа и переодевания.

Не позднее двух часов ночи Пустовалов должен завести двигатель вишневой «Вольво С80», припаркованной на небольшой стоянке в семистах метрах к северо-востоку, чтобы не позднее четверти третьего выехать из города по Ленинградскому шоссе. Выехать из города, в который он никогда не вернется. А через восемь часов выехать из страны, в которую он никогда не вернется.

И, теперь, когда казалось, что все уже на мази, появилась новая проблема.

Главная причина, по которой Пустовалов выбрал полковника Басурова, заключалась, конечно, не в его опыте, а в одном бывшем его партнёре – каком-то мелком чиновнике из Министерства обороны, который пару лет назад толкнул

Ясину партию термобарических боезарядов для гранатометов.

Не бог весть – какой-то ведомственный аферист, но он был, по крайней мере, чиновником, в отличие от полковника в отставке, который в понимании Ясина был в лучшем случае пустым местом, а в худшем – мелким мошенником. И тем не менее, это был способ выйти на Ясина. Идея подобраться к Ясину, используя связь Басурова, казалась Пустовалову подарком судьбы.

Пустовалов откинулся в кресле и медленно выдохнул. Обидно бросать проделанную работу, особенно, если это единственный улов за весь год. Пустовалов уже собирался махнуть рукой и отправиться на покой с тем, что есть – заработанного хватило бы на всю оставшуюся жизнь, но два месяца назад осведомитель сообщил, что одна подставная контора заинтересовалась лазерным оборудованием для резки материалов с несуществующими показателями прочности. Пустовалов быстро сообразил, что это самый что ни на есть персональный запрос на конкретный аппарат. Он переслал техническую часть запроса сотруднику института прикладной физики Матвею Бочарову, который частенько консультировал его. Бочаров сообщил, что заоблачные характеристики соответствуют материалам экспериментального типа вроде титановых сплавов с добавлением нанотубулена и отправил список технических характеристик для потенциальных лазерных установок, по которым Пустовалов и

вычислил свежее приобретение государственной компании «Спецметаллы» – экспериментальную лазерную установку LХN-1000, следующую сложным путем в обход санкций из японской Осаки в Москву.

Сотрудники «Спецметаллов» ждали аппарат в столице двадцатого октября, но до Москвы он не доехал. Девятнадцатого октября, в половине третьего ночи на разгрузочно-погрузочной станции Мелехово-1 Пустовалов с напарником – старым медвежатником Дементьевым вскрыли запорно-пломбированное устройство контейнера товарного поезда и к своей радости обнаружили не один, а целых два LХN-1000 – устройство на колесиках, габаритами напоминавшее крупный подводный буксировщик.

Впрочем, радость была недолгой – быстро выяснилось, что один экземпляр – всего лишь запасная капсула. Тем не менее, оба устройства имели пароли доступа для вскрытия титановых корпусов, записанных на заводских бирках, крепившихся к проушинам кожухов. Около недели они простояли в ГСК под Тулой, а к первому ноября, Дементьев на «Газели» доставил их в Москву.

Пустовалов к этому времени выяснил, что за подставной конторой стоит Ясин – человек из числа тех, с кем Пустовалов предпочитал не связываться, но, тем не менее, у него было все для удачной сделки. Он напряг свои контакты и вышел на Басурова. Тот вроде как имел отношение к Ясину через связь с бывшим партнёром, хотя напрямую с ним ни-

когда не встречался. Не самый надежный вариант конечно, но время шло, Пустовалов собирался уезжать, на кону стоял почти миллион евро. Неплохой бонус к завершению карьеры. И Пустовалов решил, что ради последнего дела стоит рискнуть, связавшись с ненадежными и опасными людьми.

Матвей Бочаров проверил установку и помог сменить код. Пустовалов с помощью Басурова начал готовиться к сделке. На тот момент он не очень доверял полковнику и потому для проверки поручил доставить к месту обмена не настоящий LХN-1000, а капсульную «пустышку», на которой на всякий случай тоже поменял код, запомнив, как это сделал Бочаров на основном устройстве.

На старой раздолбанной «Газели» полковник, имевший права всех категорий, доставил капсулу на автостоянку торгового центра недалеко от Битцы. Настоящую же Пустовалов привез туда же двумя часами позже на своем старом фурго-не Форд-транзит с большой надписью «Колодцы и септики» и припарковал на соседней автостоянке.

Басуров с пониманием отнесся, когда Пустовалов рассказал ему, что он вез ненастоящий LХN-1000, и поначалу проявлял все признаки адекватности – уверенно договорился с доверенным лицом Ясина, представил ему Пустовалова, хотя Пустовалов был уверен, что Ясин и так навел о нем справки. Пустовалов рассчитывал, что Басуров поможет придать вес их не очень внушительному тандему, щеголяя связями в различных структурах, но теперь от этой уверенности не

осталось и следа. Теперь Ясин может решить, что перед ними всего лишь пара лохов, которые решили поиграть в «серьезных людей», что было в общем-то недалеко от истины. А лохам никто не платит миллион евро. Особенно такие люди как Ясин.

Была еще одна вещь, которая беспокоила Пустовалова – несмотря на все свои усилия, он так и не смог узнать, кто стоит за Ясином.

Движение за стеклом прервало поток невеселых мыслей.

В паре метров от капота его «БМВ Х5», грациозно выгнувшись в охотничьей позе, нюхала воздух черная кошка. Пустовалов включил ближний свет фар. Кошка подпрыгнула и, изящно перемахнув через бордюр, растворилась во тьме перелесья.

Пустовалов посмотрел ей вслед. Снег кружил, оседал на деревьях, земле и асфальте, разъедая успевшую надоеть густую ноябрьскую мглу. Пустовалов не любил мглу. Когда он надолго оставался с ней наедине, то рано или поздно перед глазами появлялся старый гаражный блок, осевший в рыхлом суглинке на окраине подмосковной Кубинки. Начало девяностых. Очертания грязной кирпичной коробки, ушедшей на метр под землю, конечно не из-за особенностей подмосковных почв, а из-за неправильной кладки опорных стен, выложенных при устройстве скрытого подвала – эта картина появились и сейчас.

Пустовалов зажмурился и, открыв глаза, увидел высокую

фигуру Басурова на фоне перелеска. Полковник неуверенно ступал по свежему снегу, на ходу затягивая брючный ремень. Теперь в нем ничего не оставалось от опытного переговорщика.

Пустовалов приглушил радио и перегнулся над торпедой, чтобы открыть полковнику дверь.

Терпкий запах одеколona, смешанного с табаком и морозом, наполнил салон.

– Ты чего фары врубил?

– Из-за кошки.

– Черная?

– Вы говорили, что не верите в приметы.

Хотя разница между ними была всего десять лет, Пустовалов называл полковника на «вы», и в этом был исключительно практический смысл. Пустовалов вообще избегал других смыслов, когда дело касалось работы. На переговорах с Ясином он не хотел привлекать лишнего внимания, и роль помощника Басурова его вполне устраивала.

Полковник кисло улыбнулся.

– Хочешь примету? Я там чуть в люк не провалился.

– Какой люк?

– В лесу. Может, бомбоубежище заброшенное? – Басуров рывком рванул молнию на куртке и скривил лицо, будто у него сильно болел живот. – И еще, на той стороне машина ментовская стоит.

Пустовалов промолчал, но Басуров, очевидно, ждал дру-

гой реакции.

– Что скажешь?

Пустовалов покачал головой.

– Я, правда, не разглядывал особо. Может, дэпээсники?

– Нет.

Басуров посмотрел на Пустовалова, прищурился.

– Эх, Саня. Встань ты на правильную дорожку, из тебя вышел бы неплохой военный. Ты хоть служил?

Вместо ответа, Пустовалов подобно пилоту перед взлетом стал включать тумблеры над головой.

– Ну, да, – усмехнулся Басуров, – мелочь, поди, тырил, потом чего покрупнее. Родители что ли алкашами были?

– Я из детдома, – ответил Пустовалов, заводя мотор.

– О чем и речь, – вздохнул полковник. – Только такие и пролезают. Причем с обеих сторон, что интересно.

– А вы с какой стороны лезете?

– Все шутишь, Саша, а я ведь тебя и твоих продажных ментов закрыть могу надолго.

Полковник почесал лоб и глянул на плоский хромированный блок, прикрученный к боковой стойке, на котором Пустовалов щелкал тумблерами.

– А это что?

– Конструкторские доработки.

– Думаешь, я совсем тупой? Я про руку. Покажи.

Пустовалов развернул ладонь. Два резких параллельных шрама пересекали кисть по пальцам и нижней части ладони.

– От чего?

– Ножовочное полотно.

– Ручное? По металлу?

Пустовалов кивнул и прищурился от чего огромные глаза его стали сплошь черными.

Полковник покачал головой.

– Гнилые вы люди, что ни говори. Я девять лет прослужил в отделе техконтроля. Не бывает ручного полотна такой ширины. Колись, отчего это. В чужую берлогу залез?

Пустовалов приподнял уголок рта – он уже понял, что полковник Басуров больше не сможет сидеть молча.

– Послушайте, по поводу Ясина...

– Я к нему по вашим уголовным кличкам обращаться не буду! – разозлился Басуров, обнажая волнение.

– Это имя, но он не обижается, если его называть Яковом.

«Еще не поздно», – мелькнула мысль в голове Пустовалова.

На этот раз он серьезно посмотрел на Басурова. На пятой секунде полковник сдался.

– Ну, – произнес он вполголоса. – Чего нам опасаться?

Пустовалову очень хотелось соврать, но, увы – от этого стало бы только хуже.

Упругая загорелая кожа натянулась, обнажив ряд ровных зубов и ямочки на щеках Пустовалова.

Басуров вымученно усмехнулся.

– А ведь это просто бизнес. Товар – деньги. Деньги – то-

вар. Вин-вин, как говорится.

Пустовалов покачал головой.

– «Просто бизнес» это продавать чебуреки или менять бабушкам смесители. Посмотрите на это иначе. Как на профессию со своими побочными явлениями.

– Послушай, я не вчера родился, – полковник заерзал в кресле, – я не это хотел от тебя услышать.

– Вы знаете, зачем вы здесь. Просто делайте, что должны, и будете в шоколаде. Вы же этого хотели.

Полковник молчал. Его вытянутый профиль оттенял тусклый свет фонаря за окном. Наконец, он вздохнул, повернулся и, глядя в бардачок, сказал:

– Да пошли они все.

– Так-то лучше. Утрите им нос.

Где-то вдали пронзительно завывала сирена. Черный «БМВ Х5» мощно тронулся, пересек дорожку кошачьих следов, повернул и через тридцать метров уперся в высоченные автоматические ворота с небольшим кирпичным КПП.

Пустовалов повернул голову. В свете фонаря его бронзовое лицо в обрамлении темных волнистых волос выглядело особенно мужественным. Басуров устало смотрел на него, не отрывая затылка от подголовника.

– Слушай, насчет этой... Проблемы.

– Я не знаю, – быстро сказал Пустовалов и просигналил.

– Поверь, мне так будет проще.

– Я и в самом деле не знаю, – простодушно повторил Пу-

стувалов, оглядывая верхнюю кромку ворот, увенчанную рядом шипов из тонкой арматуры.

Пустовалов посмотрел налево. Бетонный забор за КПП уходил во тьму перелеска, густая колючая проволока плотно клубилась над ним. Над воротами он заметил две камеры. одна была направлена на въезд, вторая на вход в КПП.

Пустовалов снова пожалел, что не нашел время изучить карту местности. Он слишком торопился последнее время.

– Я дам условный знак, когда сам пойму.

– Условный знак?

– Ну да, скажу, например... Например, «первый снег».

– Первый снег?

– Первый снег – это кодовая фраза. Идет?

– Ребенок, – неожиданно сказал Басуров, глядя в окно.

– Что?

– Твоя ладонь. – Басуров повернул голову, посмотрел на Пустовалова. – Ты был ребенком.

Пустовалов опустил взгляд на правую ладонь с двойным шрамом и сжал ее в кулак.

Заскрежетали шарниры. Массивная металлическая панель отъехала в сторону, открывая заставленный машинами двор перед торцом четырехэтажного здания.

По привычке Пустовалов не спешил въезжать, словно

ждал приглашения.

Из-за ворот, со стороны КПП вышел крепкий охранник. Через пару секунд слева возник его брат-близнец, ростом на полголовы ниже, и замахал рукой – дескать въезжай. В ярком ксеноновом свете под короткой стрижкой мелькнуло расплавленное ухо.

Пустовалов кивнул и медленно тронулся. Въехав, он сразу остановил машину, игнорируя бородача, который энергично тряс медвежьей рукой в направлении мусорного контейнера.

Пустовалов оглянулся. Ворота быстро закрывались. Мозг привычно заработал.

– Ну, чего ты? – подал голос полковник Басуров. В темноте салона сверкали его глаза.

– Хотят, что бы мы там припарковались.

– И?

Вместо ответа Пустовалов резко рванул с места. Мощный автомобиль выкатился на середину двора, и, затормозив в миллиметре от хромированного «Хаммера», втиснулся задом между двух машин прямо посередине площадки, оставив переднюю часть на проезжем пути. Все это он проделал за пару секунд. От тьмы под козырьком тамбура отделилась фигура в пальто.

– Саня...

– Выходите быстрее! – сказал ему Пустовалов.

Сам он уже выбирался из машины. Движения его приобрели неожиданную резкость.

Подошли бородачи-охранники.

Фигура в пальто оказалась импозантным мужчиной среднего роста с печальными, избегающими прямого взгляда глазами и кудрявой, как у барашка, головой. Пустовалов ожидал бы увидеть такого распорядителя в офисе крупной компании, а не на ясинской бойне.

– Добрый вечер, – обратился к ним мужчина поставленным голосом. – Машину переставьте туда, пожалуйста.

Он указал в сторону контейнера. Там действительно было много свободного места.

Вместо ответа Пустовалов убрал ключ в карман. Один из бородачей встал на пути.

– Саня, в чем дело? – напрягся Басуров.

– Извини, брат, – сказал Пустовалов, огибая капот «БМВ», краем глаза следя за бородачами. – Ясин ждет нас в двенадцать тридцать.

Мужчина в пальто устало покачал головой.

– Я понимаю, но...

– Нет, друг, ты не понимаешь. – Пустовалов сунул руки в карманы и встал напротив мужчины. – Двенадцать тридцать это не просто время. Это начало. Начало аукциона, в котором в качестве ви ай пи участника дебютирует ваш шеф. Но если к началу этой важной процедуры мы не успеем его представить, то... ну, пацаны, вам виднее, что будет с Ясином, когда по вашей вине он окажется в глупом положении.

Басуров с интересом следил за Пустоваловым. Он нико-

гда прежде не видел своего нового партнера таким уверенным. Мимика Пустовалова артистично вторила такту и интонациям голоса. Большие глаза сияли, он склонял голову то на левый бок, то на правый – он как будто играл роль, но эта игра казалась такой естественной, что Басуров буквально физически ощутил волну обезоруживающего обаяния.

Мужчина посмотрел на бородачей и едва заметно кивнул. Те расступились.

Пустовалов постучал пальцем по циферблату часов и направился к зданию. Басуров двинулся следом.

Но прежде чем войти в здание, Пустовалов остановился и посмотрел направо в сторону мусорного контейнера.

Уличный светодиод висел на стене за контейнером, и ровная линия теневого контура почти соединялась с отмошкой здания. На дальнем конце этой линии, Пустовалов уловил движение и, присмотревшись, заметил небольшую неровную тень. За контейнером кто-то стоял пригнувшись.

Пустовалов оглянулся на двор.

Мужчина с печальным лицом вместе с бородачами стоял возле его машины.

– Вас встретят, – крикнул он, думая, что Пустовалов не знает куда идти.

Пустовалов посмотрел вверх их голов, на дверь КПП, затем взгляд его переместился на темное окно. Еще раз оглядев верхушку ворот, он закусил губу и пристально посмотрел на припаркованный у бетонной стены «Мерседес».

Странная расстановка машин, тень за контейнером и поведение ясинских шестерок стали складываться в общую картину.

Они вошли в компактный уютный холл. Единственный охранник показал в сторону лифта и велел ехать на четвертый этаж.

– Ну, ты даешь, – тихо сказал Басуров, пока они ждали лифт.

Пустовалов промолчал, быстро оглядывая окружающее пространство и думая о том, что делать дальше.

Он знал, что на КПП находился один человек. Еще один стоял за контейнером. Еще двое расположились на заднем сиденье «Мерседеса». Передние сиденья были пусты, а задние не видны из-за тонировки.

В холле веяло холодом, как в бассейне. Стены выкрашены фиолетовой краской. На полу – грязная побитая плитка, как в старой заводской столовой. От лифтового канала странным углом уходил в темноту широкий коридор, справа от которого чернел провал лестничного марша. Старое здание было переоборудовано под склад. Металлическая дверь напротив лестницы была закрыта на тяжелый замок с засовом.

Пустовалов уже догадался, что свет здесь выключен не просто так, и он был почти уверен, что на лестнице стоит охранник.

– У них тут повсюду проблемы с электричеством, – сказал Басуров, входя в полутемный лифт.

Расстегивая пуховик, он оттянул ворот свитера. К аромату древесного одеколона добавился резкий запах пота.

На четвертом этаже их встретил охранник и провел по такому же темному коридору до украшенной лиственным орнаментом металлической двери, после чего пропустил вперед.

Они вошли и сразу увидели мужчину на белоснежном диване. Пустовалов, неплохо разбиравшийся в марках одежды, понял, что ни одна из надетых на нем шмоток не была куплена в России. Мужчина даже не взглянул в их сторону – он был занят тем, что давал указания невысокому человеку, который сидел на специальной табуретке у ног мужчины и натирал одну из его туфель бархоткой для обуви. Длинная нога мужчины при этом располагалась на специальной подушке прямо на его коленях. Пустовалов никогда не видел таких сияющих туфель. Они сияли не просто как зеркало, а буквально слепили, как самая настоящая миланская люстра.

– Здравствуйте, Ясин, – сказал Пустовалов.

Басуров эхом повторил приветствие, но мужчина никак на это не отреагировал.

– Правая сторона темнее, – медленно произнес он, флегматично грозя слуге повисшим в воздухе пальцем-сосиской.

Пустовалова такая реакция несколько не смутила. Он оглядел помещение, которое представляло собой бывший цех, переоборудованный под «комнату», площадью примерно в сто квадратных метров в стиле «арт-деко». Тяжело-

весные отполированные шкафы из дорогих пород дерева стояли вдоль стен, кожаная мебель преимущественно сливочно-бежевых и белоснежных цветов, скульптурные и хрустальные светильники, бархатная драпировка больших ленточных окон. Кожаные подушки, в невероятных количествах разбросанные на креслах и диванах, сияли, словно смазанные маслом. В комнате был даже работающий камин.

Среди обилия мебели Пустовалов заметил еще одного мужчину. Тот сидел в кресле у камина, подавшись вперед. Мужчина был крупный и широкоплечий, как баскетболист, с довольно необычным для таких габаритов лицом интеллигента, обрамленным профессорской бородкой с проседью, и направленным в никуда пустым взглядом.

Учитывая обстановку, особенно ковры ручной работы, и инкрустированный мрамором паркет, Пустовалов пришел к выводу, что здесь им ничего не грозит.

Тем временем Ясин обратил на них внимание – бросил равнодушный взгляд на Басурова и чуть дольше задержал его на Пустовалове. Затем медленно встал, надел на нос тонкие очки, которые висели у него на золотой цепочке, и подошел вплотную к Пустовалову.

Пустовалов увидел ухоженное большое лицо, ленивый приоткрытый рот и такой же ленивый взгляд светлых глаз.

Проделав тот же ритуал с Басуровым, не говоря при этом ни слова, Ясин прошел за массивный стол, уселся в кресле и расстроенным взглядом стал смотреть в стену.

Басуров вопросительно посмотрел на Пустовалова. Пустовалов ждал, сцепив руки на животе. Наконец Ясин едва заметно двинул пальцем и возле гостей возник невысокий слуга. Судя по жестам, он предлагал им снять верхнюю одежду. Пока Пустовалов и Басуров снимали куртки и отдавали их слуге, Ясин смотрел на них ничего не выражающим взглядом.

– Садитесь, – наконец сказал он, имея в виду белые кресла перед столом.

Басуров, уставший от неопределённости, воспринял это как сигнал. Усаживаясь в кресло, он, видимо вспомнив совет Пустовалова, завел унылый монолог о своих внушительных контактах в комитетах и органах, не забывая развешивать ярлыки нерадивым начальникам, которых он якобы знал с позиции старшего товарища.

Молчавший все это время Ясин снова сделал едва заметный знак, и слуга налил хозяину стакан воды из маленькой бутылки, после чего, подскочив к Басурову, стал жестами, театрально, но довольно убедительно предлагать ему что-нибудь съесть или выпить. Басуров презрительно-испуганно смотрел на ужимки слуги и помотал головой.

– Так значит, ты охранником обзавелся, полковник? – спросил Ясин, кивая на Пустовалова.

– Это мой помощник.

– Спортсмен? – Ясин посмотрел на развитые плечи Пустовалова и улыбнулся.

– Бывший, – ответил Пустовалов.

– Боксер?

– Гимнаст.

Ясин продолжил с интересом рассматривать Пустовалова, потягивая воду из стакана.

– Так вот по поводу нашего общего знакомого... – начал Басуров, но Ясин неожиданно резко смял пластиковую бутылку, и Басуров тотчас замолчал.

– Koni Nakazari, – растягивая звуки, произнес вдруг Ясин, – бутылка воды стоит четыреста долларов, – Ясин потряс смятой бутылкой, – ее добывают недалеко от острова Токелау, из источника на глубине две тысячи метров. Полученная вода проходит процесс опреснения и фасуется в бутылки изумрудной расцветки. Говорят, она избавляет от лишнего веса и усиливает работу мозга.

Басурова начал одолевать синдром беспокойных ног.

– Мне интересно, – Ясин внимательно смотрел на Басурова, – кому-нибудь приходило в голову проверить это? Нанять экспертов и провести химический анализ?

Басуров натянуто усмехнулся.

– Я люблю профессионалов, – продолжал Ясин, – эта вода ничем не отличается от дешмани, которая продается в Ашане. Но те, кто ее продает – профессионалы. Я плачу четыреста долларов за красивую историю. Потому что продавцы этой воды – профессионалы. Но когда я заказываю эл икс эн тысяча...

Басуров побледнел.

– ...мне не нужны истории.

– Яков... Ясин, послушайте мы тоже...

– О чем ты договаривался с моим помощником?

– У нас все по плану, все в силе...

Ясин лениво замотал кистью – заткнись, дескать. И Басуров заткнулся.

– О чем договаривался?

В это время сзади послышался тихий скрип и шаги. Басуров вжался в кресло. Пустовалов скрестил руки. Из-за спины вышел великан с лицом профессора и передал Ясину белый смартфон.

Ясин показал им дисплей смартфона. На экране смартфона большими цифрами обозначалось время соединения: 02:41... 02:42... 02:43...

– Ясин, мы договаривались, что в двенадцать тридцать твои люди выйдут на связь, – произнес Пустовалов. – Если они уже там, то...

Ясин перевел на него взгляд.

– ...пускай едут прямо.

– Езжайте прямо, – тут же повторил в смартфон Ясин.

Пустовалов представил место, где сейчас находились люди Ясина, – огромная пустынная стоянка, покрытая нетронутым слоем снега. Ряды одиноких фонарей, под световыми конусами которых носятся снежные вихри.

– Через триста метров поворот, проезжайте дальше. –

Услышал он собственный голос.

– Через триста метров поворот, проезжайте. – Эхом повторил Ясин.

– За ним стоянка...

Ясин сообщал в смартфон все, что говорил Пустовалов.

Пустовалов понимал, что прямо сейчас озвучивает обратный отчет своей собственной жизни. Но это понимание не мешало ему раз за разом прокручивать в голове весь пройденный путь в поисках ошибки. Увиденное внизу говорило о ее несомненном наличии. Секунды текли, с каждым указанием Пустовалова люди Ясина все ближе и ближе подбирались к LXN-1000.

Пустовалов представил этот аппарат и вдруг понял, в чем дело.

– Первый снег.

– Что?

– Там, наверное, все замело.

Ясин с подозрением посмотрел на Басурова, который неожиданно стал сползать в кресле.

Пустовалов повернулся к Басурову.

– Куда дальше, Игорь?

– Что?

Пустовалов невозмутимо ждал ответа.

– Люди ждут.

Полковник подал голос со второй попытки.

– Что... Так это...

Рука Ясина сжимавшая телефон, начала медленно опускаться.

Услышав тихий звукдвигающихся стульев, Пустовалов неспешно положил правую ладонь поверх левой.

Ясин поднял палец вверх.

– П-проезжайте до конца. – Прозвучал дрожащий голос Басурова.

– До конца езжайте! – Тут же повторил в трубку Ясин, с подозрением поглядев на Пустовалова.

Басуров тоже озадаченно посмотрел на Пустовалова и, возможно, именно его спокойный вид привел полковника в чувство – голос зазвучал увереннее.

– Напротив сельхозрынка вы увидите... «Газель» с синим тентом.

– С синим тентом... Да, видят.

– Ключ за ободом заднего колеса.

Ясин передал и откинулся в кресло.

– Что это было?

– Все нормально, Ясин, – сказал Пустовалов, – всего лишь еще одна подстраховка.

– Подстраховка?

Пустовалов развел руками. Теперь он знал, что его ошибка имеет имя и фамилию.

– Лучше лишний раз подстраховаться, чем подвести уважаемых людей.

Пустовалов понял, люди Ясина вышли на Матвея Боча-

рова, и он либо куплен, либо захвачен. Если это так, то он сейчас должен быть среди людей Ясина на автостоянке. Бочаров единственный, кто кроме Пустовалова знает код, но он не знает, что у устройства есть дубликат. Если это предположение верно, то Бочаров введет неправильный код, используя единственную попытку ввода, и тогда у Пустовалова появится шанс. Призрачный, но шанс. Только бы полковник не подвел.

Секунды текли, смартфон Ясина молчал.

Они уже должны открыть машину и добраться до устройства.

В это время Ясин снова поднял смартфон.

– Что там орет?

– Ясин, – Пустовалов привстал, протягивая клочок бумаги, – там же стоит защита, нужен код.

– Почему ты сразу мне его не дал?

– Мы же договорились. Твои люди просят код – мы даем. Они что, дебилы и ввели его наугад?

Ясин ничего не сказал.

Пустовалов сел на место. Ясин изучающе посмотрел на Пустовалова.

– Молодец. И что теперь?

– Теперь только ждать пока аккумулятор сядет и пилить... Там титан, потребуется гидрорезка или фреза... Ты бы им сказал, чтобы руки не совали без инженеров.

– Есть там инженер.

– Он подтвердил?

– Подтвердил.

– Ну, тогда все в порядке?

Ясин промолчал.

– Если так, то мы хотели бы получить свою часть.

Ясин выдержал паузу, к которым Пустовалов уже привык, и сделал знак. Из ниоткуда появился слуга с кожаной коричневой сумкой и поставил ее на стол перед Басуровым.

Басуров дрожащей рукой потянул сумку на себя.

В эту секунду Ясин поднял указательный палец вверх, и слуга резко схватил Басурова за запястье.

– Интересно, – сказал Ясин, поворачиваясь к Пустовалову, – бизнесмен, переговорщик, бывший спортсмен.

– Достойная биография, – улыбнулся Пустовалов.

Ясин указал на Басурова.

– Жена, двое детей, три просроченных кредита, увольнение за кражу прицепов. Все, что спер, тратит на дешевых шлюх и лечение простатита. Вот это биография. А твоей не хватает деталей.

– Просто я тщательно выбираю круг общения.

Ясин усмехнулся и после непродолжительной паузы, махнул слуге, чтобы тот отпустил руку Басурова.

– Можно и мне вопрос? – спросил Пустовалов, забирая у Басурова сумку.

– Можно.

– Кому все это понадобилось?

Пустовалов открыл сумку, оглядел темно-розовые пачки и поднял взгляд.

– Точнее даже не кому, а для чего?

Ясин встал.

– Время от времени кому-то приходит в голову, что можно навязать миру свои правила. Но это иллюзия. Все эти новые правила всего лишь старый хаос, а потом кому-то приходится убирать дерьмо, – сказал он. – Удачи.

Пустовалов поднялся.

Ясин подошел вплотную к Пустовалову, заглянул ему в глаза и неожиданно обнял.

– Хитрый ты сукин сын, Саня!

В лифте у повеселевшего полковника развязался язык, но Пустовалов прижал его к стенке.

– Слушай меня внимательно. Времени у нас очень мало.

– Что? Отвали, болван!

Но полковник начал что-то понимать. Он ведь не был дураком.

– Внизу будет многолюдно. Нигде не останавливайся, ни на что не реагируй...

– Саня...

– ...что бы тебе ни сказали – не отвечай.

– Что-то случилось?

– Нам надо сесть в мою машину.

Полковник посмотрел ему в глаза.

– Ты ведь... продал ему настоящий аппарат?

– Игорь, я не шучу.

– Серьезно? Ты решил, что можно надуть этого человека?

Лифт замер.

– У вас... у вас, что – это в крови? Какой-то инстинкт – вы просто не можете не жульничать? Дай сюда сумку!

Пустовалов перехватил руку Басурова. Он был намного сильнее полковника.

– Ты не понял? Нас с самого начала не собирались выпускать отсюда.

– Ты больной!

– Просто сядь в машину. Потом все обсудим.

Полковник замотал головой.

– Я в этом не участвую.

Двери лифта открылись.

Они все были внизу.

– Идем!

Пустовалов вытолкнул полковника в вестибюль. Полковник тут же вырвался и попытался вернуться в лифт, но двери уже закрылись, лифт поехал наверх.

Басуров защелкал кнопкой вызова.

– Идем, – сквозь зубы повторил Пустовалов, но полковник уже переместился к лестнице.

– Не дайте ему уехать! – закричал полковник, убегая на

лестницу.

Пустовалов вздохнул. Ему и без этого вопля никто не собирался «давать уехать». Пустовалов прошел мимо бородачей и вышел на улицу, остановился. В лицо ударил холодный воздух и вихрь колючих снежинок.

«БМВ Х5» уже прилично замело. Он все так же выделялся из ряда на полкорпуса. До пассажирской двери было около пятнадцати метров.

Пустовалов знал, что едва он сделает первые шаги, как в дверном проеме КПП появится охранник, который там сейчас прячется. В руках у него будет бейсбольная бита или что-то вроде того. Он сыграет на отвлечение, в то время, пока кто-то из бородачей подойдет сзади и оглушит его. Они не будут выходить сейчас, когда он стоит перед дверью. Они дождутся, когда он отойдет на пару шагов, чтобы иметь больше пространства. Также, они, скорее всего, не будут связываться с огнестрелом, пока он под их контролем. Оглушат, а потом просто задушат и бросят в контейнер. Таков их нехитрый план. Пустовалов понял его, как только они сюда приехали.

Не вынимая рук из кармана куртки, Пустовалов нажал кнопку электронного ключа. Двери «БМВ Х5» бесшумно разблокировались.

Пустовалов прикинул, сколько секунд у него будет, после того, как он сделает пару шагов.

И пришел к выводу, что меньше одной. Потому что как

только бородачи увидят его бегущим, кто-нибудь наверняка достанет ствол.

А значит, у него есть лишь время, которое они потратят на открытие стеклянной двери тамбура.

Пустовалов резко пригнулся и рванул вперед. В дверном проеме КПП тут же показался мужчина в короткой расстегнутой куртке. В руке он сжимал рихтовочный молоток с удлиненной рукояткой. Громкий стук двери догнал через две секунды. А еще через секунду – клацанье автоблокирующего замка и глухой удар тяжелого тела о бронированную дверь «БМВ Х5».

Пустовалов бросил на седобородого «интеллигента» равнодушный взгляд и, не спеша, перебрался на водительское сиденье.

Машину быстро обступили.

Пустовалов нажал клавишу на электронных часах и, не обращая внимания на скользящие удары молотка в сантиметрах от собственной головы, поочередно включил тумблеры на блоке, прикрученном к левой стойке, потом завел двигатель. Вместе с двигателем включилось радио. Салон заполнил голос Фрэнки Авалона: «Я никогда не отпущу тебя. Почему? Потому что я тебя люблю».

Молоток со звонким стуком дважды пронесся перед лицом, и Пустовалову вспомнился вопрос механика в прошлом году – не хочет ли он заменить двойное моллирование на многослойную систему АРМЕТ – на последних испытаниях

она выдержала десять выстрелов из винтовки СВД.

Пустовалов не стал отключать радио – не тратил времени на лишние действия. Фрэнки Авалон пел о том, что разбитые сердца – это не про него... Кажется, «интеллигент» только начал понимать, что не все так просто. В его пустых глазах появилась что-то похожее на недоумение. И еще он наверняка тоже слышит сладкоголосого Фрэнки.

Пустовалов нагнулся, снял коврик, чувствуя, как машина резко накренилась вперед и влево – пробили переднее левое колесо. Отбросив коврик на пассажирское сиденье, он открыл небольшую крышку внизу. Затем, отталкиваясь ногами, отодвинул кресло назад, подцепил задел «торпеды», снял ее, ухватился за рукоятку, потянул на себя. Послышалось шипение, машина чуть приподнялась и замерла. Слева за стеклом показался черный ствол «Глок-19».

– Отойди, – крикнул кто-то и тут же грянул выстрел. Вместо головы Пустовалова, пуля звонко ударила по стеклу и, срикошетив, улетела в верхнюю часть КПП. Ясин наверняка наблюдает сейчас за всей этой суетой из окна своего роскошного кабинета. И он, наверное, уже начал терять терпение.

Эта мысль развеселила Пустовалова. И пока баритональный тенор Фрэнки признавался в любви, Пустовалов достал из бардачка телефон «Нокиа 3310» с подключенными вакуумными наушниками. Вставил один наушник в ухо.

Пятеро мужчин возле его машины сошлись на совещание. Пустовалов взглянул на часы. Прошла уже минута.

В это же время из стеклянных дверей тамбура вылетел полковник Басуров и, пробежав по дуге, бросился на машину Пустовалова. У него заплыл правый глаз, и на месте рта было красное месиво.

Пустовалов услышал собственное имя. Басурова тут же схватили, потянули за ноги. Полковник с глухим стуком упал на снег.

Пустовалов давно перешел порог чувствительности. То время, когда его что-то могло шокировать, минуло почти тридцать лет назад.

Басуров три раза поднимал сломанную руку, чтобы защитить голову от удара рихтовочным молотком. После второго удара он перестал орать, после третьего – поднимать руку. После четвертого – Фрэнки Авалон закончил свою песню, а полковник Басуров навсегда покинул этот мир.

Пустовалов опустил взгляд и набрал первый номер из списка контактов. Молодцеватый голос ответил на третьем гудке:

– Да!

– Привет, – сказал Пустовалов, глядя, как труп полковника тащат к контейнеру.

– Работаем?

– Имя – Игорь Басуров. Камера над КПП, чуть левее, вторая смотрит на ворота.

– Понял. Машину прячем?

– Ага.

– Жди.

Ждать предстояло минуту-две. Пустовалов вытащил с заднего сиденья рюкзак «Макспидишн» и стал переключать в него деньги, думая о том, что люди Ясина могут успеть сделать за это время. Могут попробовать промышленную пилу. Если она у них конечно есть. Поджечь? Маловероятно, даже без учета системы подкапотного пожаротушения и огнезащиты бензобака. Гранатомет? Сомнительно. Эвакуатор? Не успеют. Они проббили шины, но колеса оснащены системой «Рах», внутренними резиновыми ободами для отхода на случай пробития. Единственное, что они могут сделать – попытаться заблокировать его машину, чтобы он не устроил автомобильное родео.

«Хаммер» они уже подкатили вплотную к бамперу его «БМВ», а с остальными машинами предстояло много суеты – судя по всему, не ото всех у них были ключи.

Закончив переключать деньги, Пустовалов бросил сумку Ясина на заднее сиденье и заметил там коробку с шоколадными зонтиками Simon Coll, которые купил накануне. Недолго думая, он сунул конфеты в рюкзак с деньгами и застегнул молнию. Теперь оставалось только ждать.

В это время движение справа привлекло внимание Пустовалова, он повернул голову и от удивления приподнял брови.

Охранник толкал тележку с баллонами. Рядом с ним шагал мужчина в комбинезоне и навороченном сварочном шлеме, сжимая в руках горелку пропанового резака.

Такого поворота он не ожидал.

С таким арсеналом люди Ясина вскроют его бронированный «БМВ» за двадцать минут.

В это же время во дворе зазвенел звонок.

Шесть голов повернулись в сторону КПП.

Охранник с молотком двинулся к воротам. Дальнейшее Пустовалов представлял в общих чертах: охранник посмотрит в камеру и увидит за дверью Сергея Каменщика – прикормленного Пустоваловым капитана полиции, с которым он минуту назад говорил по телефону. Серега, как называл его Пустовалов, несмотря на простоватый вид а-ля «Леня Голубков» обладал цепким умом, болтливостью и любовью к деньгам. Стандартное прикрытие, которое Пустовалов вызывал для подстраховки на сложные операции.

Задача Сереги проста – изобразить друга полковника Басурова, которого он давно тут ждет и хочет узнать, все ли нормально, потому как телефон полковника почему-то не отвечает. Ну, а как только дверь ему откроют, из мертвой зоны выйдут подчиненные Каменщика – лейтенанты Болотный и Ряхин. В отличие от Сереги, они будут в форме.

Охранник появился в дверях КПП. «Интеллигент» что-то ему прокричал. Охранник приложил палец к губам и достал мобильный телефон.

В это время двор снова оглушил звонок, и на этот раз он звенел беспрерывно.

К охраннику подошел печальноглазый, они перекинулись

парой слов и вместе исчезли на КПП.

И как только во дворе показались ладные фигуры в полицейской форме и величественно жестикулирующий Серега Каменщик, Пустовалов с облегчением выдохнул, схватил сумку, разблокировал двери и быстро вылез из машины.

Запах бензина и крови ударил в нос.

Бородачи, караулившие у машины, подались было к нему, но увидев полицейских, остановились в замешательстве. Страх перед полицейской формой – это почти инстинкт. Конечно, связи Ясина гораздо внушительнее, но вряд ли его голворезы решатся на откровенную бойню с полицейскими без прямого приказа. Пустовалов подошел к полицейским. Он чертовски был рад их видеть.

– А вот и наш клиент, – протянул Каменщик, увидев Пустовалова.

Каменщик хитро подмигнул Пустовалову, а лейтенант Ряхин аккуратно взял его за плечо.

Второй полицейский тем временем оттеснил Пустовалова к дверям КПП.

– Пройдемте, – сказал он деловитым тоном.

Пустовалов с радостью сдался в руки полиции.

Каменщик тем временем окинул быстрым взглядом двор и посмотрел на молоток в руках охранника.

– А у вас тут, что вообще происходит? Ремонт какой-то?

К ним подошли бородачи.

– У нас все в порядке. Послушайте, может, вы поговорите

с нашим начальником? – Один из бородачей указал на Пустовалова. – Этот человек...

– Не беспокойтесь, гражданин. – Жестом остановил его Каменщик. – Этот человек уже задержан и вам не угрожает... А где, вы говорите, ваш начальник?

– Там, – вытянул руку бородач, – подождите, я его позову.

Пустовалов поднялся по ступенькам КПП. Теперь он находился между лейтенантами Ряхиным и Болотным, оба держали его за руки, как задержанного.

– Знаешь-ка что дружище...

– А? – Бородач растерянно глядел на все дальше и дальше отдаляющегося Пустовалова.

Полицейские завели его на КПП, и он уже видел приоткрытую дверь, за которой ослепительно сиял освещенный фонарем желтоватый снег. Со стороны двора все еще звучал деловитый голос Каменщика – кажется, он вошел во вкус.

– Вот что, скажи-ка ты своему Ясину... или как там его... Что мы завтра утром придем.

– А?

– Часиков в восемь.

Пустовалов был уже за воротами. Полицейские повели его вдоль дороги. Вскоре их догнал Каменщик.

Через полминуты Пустовалов забрался на заднее сиденье полицейского «Форда», припаркованного прямо на том месте, где полчаса назад он ждал Басурова.

Машина тронулась, и через минуту они уже петляли по

поезду Энтузиастов.

– Все в порядке? – Обернулся с переднего сиденья Каменщик.

– Спасибо. С меня по двойному тарифу, мужики.

– Тебе спасибо, старик, – сказал Каменщик, – хорошим людям помочь не запахло. А ты, гляжу, в конкретный серпентарий угодил. Даже тачку там бросил?

– Жизнь полна сюрпризов.

Глядя на заснеженные еловые ветви, на огни шоссе впереди, ощущая поток свежего воздуха проникающего через щель приоткрытого водительского окна, Пустовалов почувствовал облегчение. Проблемы просто обязаны на сегодня закончиться. Просто по законам теории вероятностей.

– Ты только извини, – сказал Каменщик, – но мы тебя подбросить далеко не можем.

Пустовалов вернулся к мысли о закончившихся проблемах и насторожился.

– А что так?

– Рады бы, Саня, – подал голос Болотный, въезжая под железнодорожный мост, – но общий приказ.

– А может все-таки... Опаздываю.

Полицейские одновременно покачали головами.

– Не получится.

– На Серпуховке теракт. Всех гонят на усиление.

– А мы и так задержались.

– Вот блин, – Пустовалов потер шею.

Под штатным дисплеем захрипела рация.

– Шестой ноль один, где вас носит бл...

Каменщик взял передатчик.

– Центр, прием шесть ноль один, движемся по Шоссе Эн-тузиастов в центр, прием.

– Быстрее, мать вашу...

Пустовалов вздохнул.

– Что творится сегодня, просто пипец...

– Можем подбросить до метро.

– Метро? – озадаченно переспросил Пустовалов. – Оно же закрыто.

– Пятнадцать минут еще до закрытия.

– А ехать две.

– Успеешь.

– Какая тут, Андрюх? Шоссе?

– Авиамоторная.

– Метро, – проговорил Пустовалов, откидываясь на спинку сиденья.

Он десять лет не ездил на метро.

Глава 2

Второй пассажир. 7608 метров на восток

Виктор оторвался от потерятого смартфона и краем глаза посмотрел на девушку, сидевшую через проход наискосок от него. На этот раз ему удалось рассмотреть ее лучше, чем в первый раз, когда он только зашел в вагон и, изображая равнодушие, как будто невзначай сел на соседнее сиденье, несмотря на обилие пустых мест вокруг.

Девушка смотрела в окно, и Виктор жадно ощупал ее взглядом. Миловидное лицо в обрамлении золотистых волос. Склонность к полноте в том идеальном виде, когда до самой полноты еще долгие годы. Чуть вздернутый носик и от того слегка приподнятая верхняя губа, нежный подбородок говорили о том, что «няхя» была совсем еще малолеткой, может всего на пару лет младше него.

Электричка тронулась, и Виктор поспешно отвел взгляд, со стыдом понимая, что ночью в окне ничего не видно, кроме отражения. На этот раз он успел рассмотреть не только лицо, но и фигуру – мужчине ведь достаточно одной секунды, чтобы целиком оценить женскую красоту. Об этом он прочитал в древнем журнале Men's Health, когда ему было десять лет.

Сочетание плавных линий и крутых изгибов. Девчонка явно занималась чем-то, может спортивными танцами или кроссфитом. Глядя на первоклассные ноги, втиснутые в го-

лубые джинсы, Виктор вспомнил, что именно такой типаж всегда искал на порносайтах. На девушке был еще короткий бежевый плащ и темно-красный шарф, она была невысокого роста, как фигуристка или гимнастка, и Виктор подумал, что эта девчонка ему вполне подошла бы. Почему бы и нет? Сам Виктор ростом был не выше ста семидесяти, да и то лишь когда не сутулился, и по нормам веса не добирал пары килограммов. В общем, если и рассчитывать на первоклассную тятю, то только на такую.

Не в силах больше глядеть на треснутый экран смартфона, Виктор снова перевел взгляд на девушку, и смутился, обнаружив, что она смотрит прямо на него, и даже не думает отводить взгляда. Уверенная в себе, блин!

Большие светлые глаза. Виктор ощутил удар теплой волны, но взял себя в руки – напустил деланого равнодушия и, следуя советам пикап-гуру, потребительски осмотрел ее фигуру, которая, надо сказать, выглядела чертовски соблазнительно.

Вот же дрянь, никаких изъянов! Виктор продолжал разглядывать тусклую надпись «не удастся подключиться к интернету», водя пальцем по царапине. Перед глазами сиял светлый щенячий взгляд. Да это, пожалуй, самая настоящая «девятка», думал Виктор, и главное – нет этой мерзкой косметики, все натуральное.

Виктор являлся ярким сторонником натуральности женской красоты. Правда, в основном он свою позицию отстаи-

вал в компании Макса и Димона – своих единственных друзей, один из которых недавно преподнес ему неприятный сюрприз, поведав, что уже полгода не является девственником.

У Виктора с «этим делом» все пока обстояло сложно. Особенное расстройство доставляла мысль, что перед неказистым Максом с дефектом речи, которого еще год назад девушки совсем не интересовали, такая проблема уже не стояла. И судя по тому, как второй его друг – ботан и доходяга Димон зачастил на свидания, Виктору грозило скоро стать последним лузером среди лузеров.

Конечно, избранницам Димона и Макса далеко до статуса эталонных тьян, но в девятнадцать лет все еще быть девственником – очень дурной призрак. Проблема грозила вырасти до катастрофических масштабов, так что Виктор стал подумывать о проститутке.

Виктор попытался представить, что будет, если он прямо сейчас заговорит с этой «няхой» и челюсти тотчас свело от страха.

«Ну что ты теряешь? – прорывался внутренний голос. – Действуй, пока никого вокруг нет, и никто не увидит твоего позора».

А что если не отошьет? Ведь и того хуже, Виктор понятия не имел о чем говорить с девушкой. Одно дело с Димоном и Максом – можно хоть об учебе, видеоиграх, тачках... телках. А с телками о чем?

«К черту внутренний диалог! – твердо произнес в голове голос с узнаваемой интонацией пикап-гуру. – Не думай – действуй».

Виктор бросил косой взгляд на девушку – она снова смотрела в окно и снова была прекрасна. Виктор почувствовал знакомый накат волны и подумал, как здорово иметь такую девчонку. Как обзавидовались бы Димон и Макс, да и вообще все институте, и как...

Мысль Виктора оборвалась, поскольку ангельский облик загородила чья-то тощая задница в обвислых штанах. Виктор с неудовольствием поднял взгляд и увидел в проходе сутулого мужчину, который смотрел на девушку. Недолго постояв, мужчина сел на соседнее сиденье, не спеша достал замызганный блокнот, простую шариковую ручку и принялся что-то писать.

Виктор почувствовал злость, довольно быстро сменившуюся облегчением – теперь хоть голос заткнется. Теперь при всем желании не заговоришь. В присутствии этого хмыря... Да нафиг надо! Виктора всегда раздражало присутствие посторонних, он не мог сосредоточиться, терялся и, как правило, говорил не то, что хотел сказать, в основном, что-то похожее на бред сумасшедшего.

Голос действительно заткнулся, а Виктор стал смотреть в окно, хотя тянуло смотреть в другую сторону.

Последняя электричка неслась к Казанскому вокзалу сквозь снегопад, и Виктор вернулся к своим невеселым мыс-

лям. В кармане у него оставалось всего две сотки. На карте – и того хуже. Слава богу, хоть жилье отдельное – мать с новой семьей выгнали его в коммуналку, где у Виктора в наследство от отца осталась комната. Квартира располагалась недалеко от Комсомольской. На кухне под столом есть два килограмма картошки, которую можно жарить на соседском масле. Пиво он купит в «Билле» по скидке, сигарета только одна, ну что же, пару дней подует вейп. Интернет оплачен. В принципе жить можно.

Конечно, когда только начинался этот воскресный день и Виктор отправлялся на халтуру в Люберцы, он рассчитывал его закончить в более приятном настроении. Провозившись восемь часов в офисе строительной конторы с солидным названием «Роден-Хаус», Виктор думал получить за отладку принтеров пять тысяч, но менеджер, откупорив бутылку «Арсенального крепкого», сказал, что сегодня выходной и деньги могут перечислить только завтра, в чем Виктор тотчас начал сомневаться.

Матерясь про себя, он уже понимал, что если снова не найдет халтуру, то придется просить у матери, а значит опять слушать нытье и ощущать себя дерьмом.

За окном пронеслись заснеженные еловые лапы, убеленные крыши гаражей, пролеты мостов, белесые откосы и тучи снежинок, закрученные в виде фигур великанов, парящих под редкими фонарями. Снегопад, неожиданно налетевший на слякотный ноябрь, преобразил очередное унылое воскре-

сенье, к вечеру улицы засеребрились морозной свежестью, и, несмотря на замерзшие ноги и сорок минут ожидания на платформе Люберцы-1, настроение Виктора заметно улучшилось. Как у моряка, ощутившего соленый вкус ветра после затяжного штиля.

А настроение без того было совсем паскудным. Виктор уже месяц не появлялся в физтехе из-за «всеобщей шизы», как называл ее Димон. С миром явно что-то стряслось три недели назад. Не то чтобы он был каким-то радужным и раньше, но теперь Виктор все чаще становился свидетелем драк, жестокости и какого-то необъяснимого безумия. Если это не апокалипсис, то что-то очень на него похожее.

Теперь, когда электричка останавливалась на станции «Перово», Виктор ощутил, что пропавшее было тревожное чувство, снова вернулось. Поначалу, он никак не связывал это с рабочими за окном.

Двое рабочих в оранжевых робах, судя по жестикуляции, о чем-то спорили. Один стоял, уложив руки на черенок воткнутой в бруствер лопаты, возвышаясь над сидевшим на краю траншеи коллегой. Сидевший поднимал руки к лицу, будто демонстрировал напарнику размер округлого предмета, и, судя по энергии, с которой он ими тряс, его что-то чертовски возмущало.

Виктор перевел взгляд на девушку. Та снова смотрела прямо на него. На этот раз удар волны заглушило осязаемое чувство тревоги. Дело было не только в рабочих. Худой

мужчина, сидевший рядом с девушкой, занимался тем, что долбил тупым концом ручки себя по колену. Виктору на секунду показалось, что девушка ищет какой-то поддержки у него. Нет, конечно, ничего особенного в том, чтобы стучать по колену, если ты отбиваешь в такт какой-то мелодии, но дело в том, что этот Стукач делал это так яростно и монотонно, что если бы он перевернул ручку и продолжил долбить с той же силой, то на колене остались бы кровавые следы. И еще Виктора неприятно поразило спокойствие в лице мужчины во время этого процесса. Его выбритое и, в общем, вполне человеческое лицо выглядело... адекватным. Он не был пьяным, излишне возбужденным или каким-то обдолбышем. Обычный, нормально одетый пассажир. Можно даже сказать, интеллигентный мужчина.

Виктор опустил взгляд. Ручка двигалась как отбойный молоток. Теперь Виктор обратил внимание на кулаки – они выглядели непропорционально громадными по отношению к остальным частям тела. Виктор был уверен, что кулак, в котором мужик сжимал ручку, был не более чем в два раза меньше его головы. Еще он заметил, как побелели костяшки на его пальцах.

Виктор озадаченно посмотрел на девушку. Та едва заметным движением приподняла уголок рта и отвернулась к окну. Она хмурилась. Поведение соседа ей явно не нравилось. Виктор подумал, почему бы ей просто не пересесть. Не перейти в другой вагон, в конце концов. Или почему бы ему

не предложить ей это сделать. Не предложить пройти с ним, разыграв какую-нибудь сценку, будто он ее знает. Но... нет. Зажатые невидимыми барьерами они будут сидеть, и делать вид, будто ничего не происходит, пока этот психопат не воткнет ручку в...

Виктор ощутил холод вокруг позвоночного столба от мысли, что ему по-настоящему придется вмешаться. Он пока не знал как, но вдруг всерьез подумал, что должен что-то сделать. Виктор медленно выдохнул. Для начала он будет просто контролировать Стукача краем глаза. Если тот бросится к девушке, Виктор тут же сорвется с места и сам набросится на него. Пусть так. В дальнем конце вагона сидел бородатый толстый пенсионер, а в тамбуре болтались трое великовозрастных подростков. Если что, они помогут. Мир изменился, но не настолько, чтобы все поголовно стали психопатами.

Немного успокоив себя этой мыслью, Виктор снова повернулся к окну и сердце его сжалось. Электричка отъезжала от «Перово». Виктор бросил взгляд на рабочих, ругавшихся за платформой. Он успел увидеть, как тот, что стоял с лопатой, поднял ее, нацелив штык прямо в лицо другому. Тот только-только начал поднимать руки, но явно запаздывал.

Перед тем, как скрыться из виду, Виктор успел увидеть, что рабочий с лопатой наносит удар, вкладывая в него всю силу. Виктора передернуло. То, во что должно было превратиться лицо после такого удара лопатой, страшно было представить, но можно было увидеть, если бы Виктор привстал

и выглянул – электричка еще только набирала ход. Но Виктор не стал этого делать. Будто погруженный в воду он сидел, глядя прямо перед собой. Затем посмотрел направо. Рука, стискивающая шариковую ручку, продолжала свои поступательные движения, только теперь их сменяла серия ударов могучего кулака другой руки по сиденью.

Девушка обеспокоенно оборачивалась, реагируя на глухой стук.

Виктор, все еще пребывая в прострации, смотрел на это будто сквозь какую-то пелену.

Виктор считал себя романтиком, он считал, что ради любви способен на подвиг. Ради настоящей любви, конечно. Он считал, что лучше умереть, чем прослыть трусом. Во всяком случае, об этом он говорил Максусу, которому иногда по пьяни не стеснялся приоткрывать завесу своего внутреннего мира. Макс был добрым малым, но, кажется, не всегда понимал, что Виктор имеет в виду.

Виктор снова осмотрел вагон. Толстый бородатый пенсионер, сидевший неподвижно, словно мумия. Трое тупых орущих подростков в тамбуре, которым на все плевать. И он. Ну и на кого рассчитывать одинокой красавице? На кого?

Разве Виктор не строил планов еще пять минут назад, разве не мечтал об этой девушке? Разве он заслуживает такую девушку, если не способен ее защитить или хотя бы оградить от проблем? Виктор ощутил, как перехватило дыхание, как озноб прокатился с головы до ног, будто его окатили водой.

Он знал, что это означает.

– Чувак, какие-то проблемы?

Голос был глухим и каким-то чужим, так что Виктор не сразу даже понял, что он выходит из его груди.

Собственно, никакой реакции – слишком тихо, но начало положено.

– Слышь!

Стукач повернул к нему свое невыразительное лицо. Виктор теперь заметил, что он был старше, чем показалось вначале.

В вытянутом лице явственно обозначился знак вопроса. Виктор кивнул на руку Стукача, и заметил на открытом листе блокнота нарисованного монстра со множеством щупалец. Несмотря на примитивное изображение, исполнен рисунок был довольно качественно – с тенями, переливами и все в таком духе.

– Проблемы, говорю? – повторил Виктор, повышая голос, чтобы скрыть адрениновую дрожь.

Мужчина смотрел на него молча несколько секунд, а потом произнес:

– Чего?

– Ты че стучишь?

Мужик медленно моргнул.

«Да он явный тормоз».

– Какое твое дело? – механически спросил мужик, и в его синем взгляде, Виктор, наконец, заметил огонек безумия.

– Ты всех нервируешь своей долбежкой.

Мужик был тяжелее Виктора килограммов на двадцать, а еще эти кулаки. Что дальше? Что делать? Виктор просто не знал.

– У тебя что, тяжелый день? – спросил Виктор.

Мужчина продолжал пялиться на Виктора с тем же откровенным любопытством, с каким дети пялятся в зоопарке на гориллу.

Наконец, спустя пять-шесть секунд, мужчина снова медленно моргнул, поджал губы и приподнялся, чтобы придвинуться ближе к Виктору.

«Ну, все хана», – пронеслось в голове.

Виктора никогда раньше не били взрослые мужики с пудовыми кулаками. С тоской и какой-то едкой мутью в горле, он безнадежно посмотрел вглубь вагона. Пенсионер все так же сидел в своей фараонской позе, подростки за стеклянной дверью тыкали пальцами в его лысый затылок и громко гоготали. Чуваки, помогите, захотелось крикнуть Виктору.

– Тяжелый пи...ц сука бл...! – Услышал Виктор очень низкий и при этом довольно четкий голос. – Пи...ц банда родной дед с матерью квартиру отобрали.

Виктор с удивлением посмотрел на Стукача.

– Что?

– Угрожали убийством! Я раз заплатил уже миллион на мою утилизацию бандитам другим оборотням из ФСБ. Вот увидели запись мамаша говорит надо меня убить срочно.

С каждым словом речь Стукача ускорялась, сам он заводился, в его бессмысленном потоке слов появлялись истеричные нотки, и в памяти Виктора всплыло полужнакомое слово «шизофазия».

– Какой кошмар бл... на...й родная мамаша! – Почти кричал уже Стукач, безотрывно глядя своими небесными глазами на Виктора. – А он бл... не хочет подышать да надо убить срочно психушки купили справку бл... сука! Бл...ь!!!

От последнего вопля Виктор вздрогнул, но не от страха, а скорее от градуса экспрессии и вложенного в него надрыва. Это было прекрасно. Действительно прекрасно.

– Менты всё равно это сделали бл... заманили в квартиру избили и купленных вызвали дать сказали вот справка показали якобы на учёте шизофреник приписали убийство у меня психушку главврач бл... подписал мафия да сука убийство и меня меня бл... сука заказали бл... А тебе ещё суки хотели побольше и начали каждый день или по тыще баксов вымогать. Пять тыщ! Пять тыщ! Пять тыщ! Пять тыщ!

Виктор посмотрел на девушку, та с опаской поглядывала на мужчину, но уже без прежнего страха. Ей-то по душе, что теперь вроде как больной нашел себе объект направленной деятельности.

Несмотря на обилие мата, Стукач не выглядел агрессивным. Во всяком случае, в Викторе он явно не видел объекта ненависти, вот только, что делать с изливающим душу шизофреником, Виктор не знал.

– Пять тыщ это что? – Спросил Виктор.

Стукача упоминание этой фразы возбудило не на шутку, и на Виктора понеслась очередная порция шизофазии, приправленная экспрессией.

– Скоро будет завтра сука пять тыщ, пять тыщ, всё бесплатно сука бл... всё бесплатно сука бл... сука просто майните тебе сука там бл... и всё и пишите везде пять тыщ привлекать пятитысячников буржуинов! Когда увидит жадность и скупость на...й капиталисты! Вот и будет пять тыщ сначала бл..ть рупий, потом иен, потом баксов нах..й, ты блин, блин. Вот сука! Вот мафия!

– Да ты не расстраивайся, – робко сказал Виктор.

– Да хули не расстраивайся. Пять штук баксов отобрали у меня инвалидов, денег нет нах..й!

Стукач неожиданно прервался и стал подрисовывать монстру в блокноте еще одно щупальце.

– А зачем тебе деньги? – спросил Виктор и тотчас пожалел об этом.

Стукач поднял взгляд, в котором мелькнуло недоброе.

– Ты что бл... смеешься надо мной?!

– Нет-нет, я просто... тебе деньги нужны для чего-то конкретного?

– Мне деньги нужны нах...й для поднятия моего настроения!

– Ну а... Работаешь ты кем?

Стукач неожиданно рассмеялся.

– Работать бл... каждый дурак может. Ты попробуй бл... не работая денег заработать.

– Это как?

– Ну вот бл... когда будет пять тыщ стоить биткоин будет стоить пять тыщ мы всю мафию посадим, найдем Астахова всех их посадим всех каждого, никто не уйдет!

– Слушай, может тебе канал открыть на ютубе?

– И че я там буду делать?

– Будешь говорить то, что сейчас, и получать за это деньги.

Стукач посмотрел на Виктора, в его взгляде читалась мысль. Но недолго. Неожиданно он перехватил ручку, направив пишущим концом в Виктора. Виктор почувствовал, как сжалась внутренности. Стукач опустил взгляд на ручку и вытянул руку, нацелив ручку почти в самое лицо.

– Я буду летсплеить.

– Отличная идея! – одобрил Виктор.

– Правда, играть я них..я не умею.

– Так это даже лучше! – подбодрил Виктор. – Будет больше подписчиков и больше денег.

– Пять тыщ, пять тыщ, пять тыщ!

Стукач закрыл ручку колпачком и стал задумчиво смотреть на свой рисунок, а Виктор посмотрел на девушку. Она улыбалась ему, а Виктор отчего-то почувствовал себя счастливым. Даже если этот псих никуда не уйдет, Виктор все равно поймает ее на выходе – ведь она наверняка тоже едет до

Комсомольской. Поймает и возьмет номер телефона.

Стукач ожил, поднял взгляд на Виктора, затем посмотрел на девушку и, будто о чем-то догадавшись, встал и пошел вглубь вагона – туда, где сидел пенсионер. Усевшись у дверей, он продолжил заниматься тем же самым, а именно долбить ручкой по колену. Подростки в тамбуре заметив его, теперь тыкали в него пальцем и громко ржали.

– Круто, – услышал Виктор тихий нежный голосок.

Виктор перевел взгляд, ощущая, как жар в груди сталкивается с холодом в животе. Милое лицо улыбалось ему. Им овладел порыв – прильнуть к этим розовым губам, нежной коже, схватив ладонями, ощутить тепло дыхания с привкусом персикового «Орбита», целовать такую же нежную шею, скрытую красным шарфом, но встреченный взгляд моментально остановил его. Он не достоин, пока не достоин так уверенно владеть всем этим.

– По крайней мере, он теперь долбит своей ручкой в другом месте. – Виктор улыбнулся.

– Ты всегда так решаешь проблемы?

Девушка смотрела на него с интересом. Не снисходительно, пусто или высокомерно, как обычно смотрели на него красивые девушки. Она смотрела, как на равного себе. И это «ты» в ее вопросе – еще отголосок детства, словно они одноклассники в начальной школе. Впрочем, так ли давно они ее закончили?

– К любому человеку можно найти подход – главное по-

нять, в чем его проблема.

Чересчур пафосно, но все же лучше, чем простое мычание «ну да».

– Никогда об этом не думала...

Виктор не нашел что сказать и просто пренебрежительно пожал плечам – дескать учись, детка.

– Может, благодаря тебе, он станет звездой ютуба? – девушка засмеялась. Смех ее был негромкий, но смеялась она зажигательно, и Виктор тоже засмеялся, думая о том, как странно, что девушки могут смеяться над такой ерундой.

Тем не менее, он почувствовал себя уверенно, и возможно, что они действительно почти одногодки и почти друзья, а это значит... Так глупо и нелепо что-то считать, выжидая прибытия на Казанский вокзал.

– Виктор, – сказал он и в ответ тотчас сквозь смех услышал:

– Юля.

Как прекрасно это имя, подумал Виктор, как оно ей шло – такое же небольшое, мягкое, нежное, юное, без рычащих грубых звуков и всяких старушечьих мотивов.

Дальше Виктор знал что делать. Он сейчас пересекает к этой милашке и просто начнет болтать – спросит, где она учится, куда едет, где живет и не нужно никаких этих дурацких НЛП и прочей фигни с пикап-форумов. Как прекрасно, что можно просто болтать с красивой девчонкой, которая улыбается тебе.

Виктор уже привстал, но решил сначала пропустить подростков, которые вышли из тамбура и шли по проходу в другой конец вагона.

Впереди летел парень похожий телосложением и повадками на коня. Он даже фыркал как конь. Виктор поразился его габаритам – парень был ростом не ниже ста девяноста. Последнее поколение подростков охватила волна акселерации, тем более парни были деревенскими. В отличие от Виктора, они росли на улице, играли в футбол, а не в «Доту». Питались натуральными продуктами, мигом сжигали калории, дышали свежим лесным воздухом, а не пылью из старых системных блоков.

– Да я влезу, мне похер, – крикнул на ходу парень, как раз проходя мимо Виктора, и Виктору показалось, что он даже почувствовал мощные колебания воздуха, которые производят «конские» легкие. Следом прошел безликий, похожий не смерть подросток такого же роста, но не такой крепкий. Третьим по проходу шел коротышка, ударяя пухлыми кулаками по каждому поручню на спинках сидений – парень такого же роста как Виктор, а то и меньше, но сильно коренастый. Под короткими рукавами куртки мелькали его крепкие толстые запястья. Глазенки нагло ошупывали пространство вокруг.

Проходя мимо Виктора, Коротышка неожиданно устался на Виктора озорным взглядом и на секунду задержавшись – потрепал Виктора по голове.

– Ха, чучело! – крикнул он, хохоча, и тотчас умчался по

коридору за остальными.

Виктор уже и позабыл, что из-за отросших волос решил соорудить прическу «Андеркат», которая в течение дня из-за влияния снегопада и попыток пролезть в отсек для красок напольного принтера «Кайосера» превратилась в нечто похожее на прическу ежика Соника.

В результате столь неожиданного проявления наглости в присутствии ангелоподобного сознания Виктора охватила ярость.

– Идиот! – крикнул ему вслед Виктор, полагая, что инцидент на этом будет исчерпан, но спина Коротышки, ладно обтянутая черным бомбером неожиданно замерла перед самими дверями. У Виктора в груди что-то оборвалось и рухнуло вниз, а подросток тем временем шел обратно, щурясь улыбкой на пухловатом лице.

– Че ты сказал? – Виктор сотни раз слышал эту фразу в дешевых сериалах, роликах на ютубе, анекдотах и прочем, но впервые в жизни услышал в свой адрес и сразу ощутил неподъемный груз ответственности, который подразумевает ответ на нее.

Вспышка гнева давно угасла, и Виктору не хотелось повторять, что он сказал. Он избегал смотреть Коротышке в лицо. Взгляд почему-то не поднимался выше его плеч.

– Вали отсюда! – беззлобно сказал Виктор.

– Че сказал?! – Коротышка принялся снова теревить слегка помятые остатки «Андерката» на голове Виктора.

– Ты че, придурок?! – закричал Виктор, пытаясь отпихнуть руки Коротышки, но это было не так просто – парень был ловок, да к тому же больно дергал Виктора за волосы.

– Ну, давай, каратэ, – парень принялся издавать визги в стиле фильмов с Джеки Чаном, нанося теперь Виктору тычки, то справа, то слева и Виктору ни разу не удалось отбить руку Коротышки. Виктор начал задыхаться от гнева и обиды, как в детстве, когда его длинный придурковатый сосед тащил через двор, чтобы «сделать свечку».

– Фу, волосы сальные! – закричал Коротышка, принимаясь вытирать руки о куртку Виктора.

– Да отвали ты, идиот!

– Отфалиииии! – Передразнил его Коротышка.

– Давай быстрее, Смольный! – Раздался крик из тамбура.

– Да ща, тут извинится это чучело.

– Не буду я извиняться! – буркнул Виктор, снова отпихивая руку, которая тотчас снова появилась у его лица.

– Чем пахнет? – спросил Коротышка, сунув загорелый крепкий кулак под нос Виктору.

Виктор теперь заметил мозоли на костяшках – парень занимался боксом или чем-то подобным. Может, тайским боксом. Виктор поднял голову. Наглые глаза смотрели издевательски, скулы лоснились и лицо Коротышки было хоть и юное, но грубое, как у битого деревенского кота.

Виктор почувствовал желание провалиться сквозь землю. Вырваться и убежать не позволяла гордость, хотя он пони-

мал, что от нее уже давно ничего не осталось, и все же что-то мешало ему подняться. Может, то обстоятельство, что парень был младше его или то, что за ним сидела девушка, опозориться перед которой казалось равносильно смерти.

«Лучше умереть, чем опозориться».

А между тем к Коротышке подошли друзья. Виктор увидел разношенные кеды сорок шестого размера, продолжая по инерции отпихивать руку, которая пыталась ухватить его то за нос, то ткнуть в лоб.

– Че он сделал-то? – услышал Виктор конский тембр.

– Да он пид..р.

– Слышь, пид..рок, ты че сделал?

– Да он просто ведет себя неприлично, – сказал Коротышка ломающимся, но на удивление четким голосом, впервые обернувшись к девушке. – В присутствии такой прекрасной дамы это просто свинство, согласишься? Где тебя воспитывали?

Конь громко хохотнул.

– Пошли, – нетерпеливо прошипел Безликий.

– Слышь? – Коротышка ткнул Виктора в лоб. – Че с тобой делать будем, чувырло?

– Да иди ты нахер, придурок! – Виктор продолжал тянуть лямку в безнадежной игре «попробуй протиснуться между струй».

– Слышь, ты откуда? – обратился Конь, глядя на Виктора, как исследователь на новый вид экзотического насекомого.

– Из Москвы, – ответил Виктор.

– Пид..рок московский.

Виктор почувствовал злость.

Ну, все! Пускай его тут избыют, но с него хватит – он будет драться, как умеет. Может, другие пассажиры вмешаются. Виктор вскочил, попытавшись схватить за руки Коротышку, но получил какой-то невероятно болезненный удар в печень, так что тотчас рухнул на скамейку. У него перехватило дыхание от боли и страха. Страх за свою жизнь. Его соседя дядю Гришу один бугай убил ударом кулака. Дядю Гришу, который всегда трепал его по голове и угощал огромными грушами.

Хохот закружил над ним.

– Хватай за ноги, – услышал Виктор. Его тотчас подхватили как пушинку и стали трясти. В перевернутом виде мелькали сиденья, грязные кеды «Аидас», подвернутые джинсы с подтеками, белое напуганное лицо девушки и мумия пенсионера в конце вагона, который то ли спал, то ли...

– Ладно, давай так, – сказал Коротышка, когда Виктора вновь усадили на скамейку. Перед глазами появилось побитое лицо. Виктор почувствовал тяжелое дыхание с примесью спирта и табака. – Извиняйся перед девушкой и х... с тобой.

– За... за что извиняться?

«Юля» – пронеслось в голове. Он впервые посмотрел на нее с тех пор, как до него докопались эти малолетние придурки. В ее испуганном взгляде читалась жалость. В его адрес. Это он – жалкий. Ни капли прежней симпатии. Только

жалость, безусловно, она уже не видит в нем того умелого героя.

– Ты че тупой. Слышь, ты! Короче, делаем так, – деловито заговорил Коротышка. – Извиняешься перед девушкой...

В это время девушка встала и попыталась уйти, но ее тотчас остановил Коротышка, преградив путь.

– Подожди-подожди, щас он извинится.

– Да пропусти меня!

«Она умеет разговаривать тоном стервы, – подумал Виктор. – Значит, такой тон он услышал бы, если... Битчшилд».

Коротышка принял наигранно-умоляющий вид:

– Ну, пожалуйста-пожалуйста, щас он извинится и пойдешь.

Девушка скрестила руки, но не села.

– Слышь, ты давай извиняйся, ты ее задерживаешь.

– За что... за...

У Виктора пропал дар речи, он стал задыхаться, и самое неприятное – ему стало казаться, что он вот-вот расплчется.

– Извиняйся, или Назарыч тебе по лбу настучит своим агрегатом. Знаешь, какой у него размер.

Конь и Безликий тотчас заржали на весь вагон.

«А ты откуда знаешь, какой у него размер?» – пронеслась в голове дебильная контр-шутка, но Виктор не стал ее озвучивать.

– Ладно, извини, – сказал Виктор, глядя в пол. – Ты доволен?

– Нет-нет-нет, так не пойдет, – сказал Коротышка, снова приближая к Виктору свое побитое лицо.

– Говори так: «простите, девушка, меня, вонючего московского пид..рка», – Коротышка вытянул палец в лицо Виктору и добавил:

– При этом будь почтительным, чтобы она видела твое раскаяние.

– Не буду...

– Назарыч, доставай агрегат!

– Да иди ты! – заржал Конь.

Виктор вдруг почувствовал, что уже почти не в состоянии сдерживать слезы. Как вдруг щеку обожгла оглушительная пощечина. В глазах потемнело.

– За каждый твой тупеж будет добавляться лещ! Не задерживай девушку.

– Слушайте! Пропустите! – закричала девчонка, снова пытаясь выбраться, но ловкий Коротышка опять подпрыгнул к ней, преградив путь.

Виктор попытался встать, но Конь легким тычком посадил его на место. Щека и ухо горели.

– Хватайте его за руки, чтобы не прыгал, – приказал Коротышка.

Виктора схватили за руки.

– Ну, давай, извиняйся.

Виктор опустил взгляд, пол плыл перед ним.

– Назарыч, доставай!

– Да иди ты! – хохотнул Конь где-то совсем рядом. – Смотри, он щас разноеется.

– Тогда я сам. Держите!

Снова конский ржач.

Прямо перед собой Виктор увидел затасканные серые джинсы. Неужели он и впрямь сейчас проделает это? Растегнет ширинку, пока его держат за руки и... Чувствуя резкий запах несвежего пота, Виктор шмыгнул носом и увидел как по ширинке Коротышки быстрой стрелкой несется вниз тонкая черная змейка, а следом за ней, еще до того, как он понял, что это за змейка, над головой Виктора взорвался оглушающий дикий вопль.

Вздвогнув, Виктор поднял взгляд и увидел лицо Коротышки, из левого глаза которого торчала простая шариковая ручка.

– Аааааа! – визжал парень, подрагивая плечами, словно хотел стряхнуть с себя эту адскую боль.

– Пять тыщ! Пять тыщ! Пять тыщ! – шипело где-то рядом.

Руки Виктора упали, он сразу вытер рукавом лицо и увидел, что из окровавленного глаза Коротышки тонкой струйкой змеится кровавый ручеек через все тело. На грязном полу уже было обильно накапано. В голове стоял нестерпимый ор, который, как бензопила, наткнувшись на камень, достигал с каждой секундой какой-то новой невообразимой ноты.

Большерукий Стукач выдернул ручку из глаза Коротышки, на месте которого гротескно чернела кровавая клякса, и

тут же всадил ее во второй глаз Коротышки.

Справа раздался топот. Перепуганный Конь с товарищем бежали из вагона. Коротышка боком завалился на Виктора. Виктор тут же вскочил, с ужасом глядя, что Стукач, уже успел вытащить ручку из второго ослепленного глаза и теперь совал ее визжащему Коротышке в ухо.

Виктор не видел ничего, кроме крови и какой-то слизи вытекающей из уха на дерматиновое сиденье. Могучая рука проталкивала ручку глубже.

Коротышка тянул свои плотные окровавленные руки к уху, извивался, и в его оглушающем, вводящем в ступор крике Виктор едва различал отдельные слова: не надо, хватит, пожалуйста.

– Анша абдуль, – величественно сказал Стукач, повернув к нему свое приятное интеллигентное лицо. – Масленок сука криворукый.

Виктор обнаружил, что стоит в проходе, и потихоньку стал пятиться назад, не отрывая взгляда от рук Стукача. Что он ими делал, было уже не видно – его кисти и предплечья скрывала спинка сиденья, но ноги Коротышки дергались, как у соломенной куклы, и от этого у Виктора зашевелились волосы на затылке.

Он шел, пока не уперся спиной в раздвижную дверь. Затем, не понимая как, открыл наощупь и выскочил в тамбур. В глаза сразу ударила яркая снежная белизна. Электричка стояла на какой-то станции. Виктор, плохо соображая, вы-

скочил в открытые двери и зигзагами долго бежал по платформе, пока не уперся в ограждение.

Тяжело дыша, он обернулся и увидел хвост отъезжающей электрички. Через несколько секунд, она скрылась за поворотом.

Виктор сплюнул в снег, вытер рукавом рот и, скалясь, зашарил, не глядя, по карманам, пока не нашел помятую пачку с последней сигаретой.

Платформа «Новая» была светла и совершенно безлюдна, но хранила немногочисленные петляющие цепочки следов. Виктор, не чувствуя холода, загребая кроссовками снег, пошел вперед, стараясь как можно глубже затягиваться сигаретой. У столба его повело, он ухватился за холодный околотовок. Щеки горели на морозе. Виктор поднял лицо к небу. Снежные вихри кружились в ярком фонарном свете. Ощущая, как снежинки оседают на его лице и мгновенно тают, Виктор почувствовал, что приходит в себя.

В ушах все еще стоял дикий визг Коротышки, и маячило его изуродованное лицо. Виктор ощутил смертельную усталость. Ему срочно нужно домой. Ему нужно в ванную – смыть грязь, пот и кошмар сегодняшнего дня. Затем пиво, вейп и порно... Хотя нет, к черту порно, хватит с него этих прекрасных ангелоподобных... Виктор достал смартфон, каким-то чудом не выпавший из кармана куртки, пока его трясли, и посмотрел на часы. Половина первого. Неподалеку должна быть станция метро.

Виктор сделал последнюю затяжку и бросил окуроч в сторону урны, оглянулся. Поразительная пустота вокруг. Первый снег в ночи – это всегда что-то иррациональное, и сегодня оно предстало в ужасающем виде. Виктор позволил себе на несколько секунд задержаться, чтобы еще раз окинуть взглядом изменившийся мир. Накрытые снегом деревья стояли неподвижно, словно все вокруг замерло, и чудилось, будто что-то трещит в глубине под землей, под натиском этой молчаливой белой силы, тревожный звук, тонущий в рычании моторов на Шоссе Энтузиастов. Виктор бросил взгляд на чернеющие заводские корпуса вдали и зашагал к выходу с платформы.

Спустя минуту, он стоял в ярко освещенном вестибюле и второй раз отчетливо выговаривал:

– У меня билет до Казанского вокзала.

Человек в темно-фиолетовой куртке до колен только что вернул ему билет со словами: берите билет на выход.

Судя по выбивающимся из-под форменной кепки локонам, Виктор был уверен, что перед ним женщина. Но когда человек в фуражке заговорил мужским голосом, Виктор засомневался.

– Вы видели, какой там конечный пункт? Вот смотрите, – Виктор ткнул пальцем в билет. – Что написано? Москва-Казанская.

Человек неопределенного пола молча смотрел на него. Его серое лицо не выражало никаких эмоций.

– Послушайте, вы знаете, где Казанский вокзал? – Виктор заговорил учительским тоном. Он знал, что сарказм ему не шел, но сейчас не мог себя сдерживать. – Математика, первый класс, але! Если я купил билет из пункта «а» в пункт «б», а между ними есть пункт «цэ», я могу выйти в пункте «цэ»?

– Берите билет, – отреагировало бесполое существо и повернулось к Виктору спиной.

– Могу или нет? Вы что игнорируете меня?! Это называется, прощай, работа, блин!

Реплики Виктора тонули в тотальном равнодушии, а времени до закрытия метро оставалось все меньше.

Билет на выход стоил шестьдесят семь рублей, но дело было не только в деньгах. Виктор боялся опоздать на метро.

Посмотрев на турникеты, он заметил, что стеклянные ворота чуть выше стоек, но при весе Виктора (шестьдесят килограмм) и росте сто семьдесят, а также прыгучих кроссовках «Эйр Макс» ему не составит труда перемахнуть. Просто надо поудобнее упереться в стойки руками и посильнее оттолкнуться. А дальше – сгибаешь ноги в коленях, приподнимаешь зад – и ты на другой стороне. Все просто!

Сотрудник службы контроля, словно прочитав мысли Виктора, на всякий случай со своей стороны подошел к нему поближе, но Виктор достал из заднего кармана сто рублей и потряс купюрой.

– Сегодня всемирный день тупиц!

Виктор вышел из вестибюля. Постоял для приличия секунд пятнадцать.

По его расчетам гермафродит должен вернуться в свою кабинку, а в это время Виктор через дальнюю дверь ворвется в вестибюль, перемахнет через самый дальний турникет и, пока биоробот сообразит, что к чему, будет уже на пути к метро.

Виктор сосчитал до трех и ворвался в крайнюю дверь. Подлетев к турникету, он упер руки в стойки, оттолкнулся и занес ноги на стеклянные створки – это действительно оказалось совсем несложно. Но повиснув в такой позе, Виктор не совершал дальнейших движений. Гермафродит и правда, только-только выбирался из кабинки. Зато прямо перед Виктором стоял полицейский. Его гладко выбритое квадратное лицо в меховой шапке изумленно хлопало глазами, глядя на застывшего в необычной позе Виктора.

– Спокойно, – сказал Виктор, стаскивая ноги со стеклянных створок. – Только без паники.

Полицейский посмотрел на гермафродита и сделал ему знак – пропусти, дескать.

Подобная решимость и молчаливая безапелляционность в действиях полицейского неожиданно разозлили Виктора:

– Да пошли вы все на..! – Заорал он, на ходу пиная дверь и выбегая на платформу.

Когда через пять секунд полицейский вышел следом, его окружала тишина и безлюдье, и только цепочка следов крос-

совок сорок второго размера уводила к самому краю платформы.

Полицейский подошел к краю платформы и тихо сказал:
– Идиот.

Сидя прямо под ним, под платформой, Виктор зажмурился от стыда.

Полицейский ушел, а Виктор вылез из-под платформы и уныло побрел вдоль путей в сторону темнеющего вдали моста. Ему уже было на все наплевать.

На лице Виктора играла кривая усмешка, а в голове горело слово «идиот».

Дойдя до конца платформы, он взобрался на откос и долго шел по склону вдоль забора, спотыкаясь о кочки, пока не добрал до ближайшей дырки. На часах был уже без десяти час, и Виктор понял, что опоздал на метро.

Выбравшись на какую-то темную и пустую улицу, к своему удивлению он обнаружил на обочине нарядную «Киа» с логотипом «такси».

Виктор бросился к машине.

– Друг! Друг! Подбрось до метро!

– У меня заказ, – помотал головой молодой водитель.

– Да тут минута езды! Опоздаю.

Водитель замаялся, посмотрел в сторону заводских ворот.

– Сколько дашь?

– Сотку.

Водитель решительно покачал головой.

– Две! Больше нет. Выручи, а? Успеешь ведь вернуться.

– Ну, садись! – неохотно мотнул головой водитель.

Виктор сунул руку в карман. Второй сотки не было. Черт.

Наверное, выпала.

– Слушай, друг, только одна, – расстроено сказал Вик-

тор.

– Да хрен с тобой, садись! Только все равно не успеешь...

– Успею! Если за минуту довезешь – успею!

Виктор забрался на переднее сиденье, откинул голову на подголовник и закрыл глаза, ощущая, как машина трогается и набирает ход.

Глава 3

Третий пассажир. 44 метра на север

Безуспешно пытаюсь открыть замерзшими пальцами пачку «Vogue Aroma», Катя не сдержалась:

– Дима, я успею, если не будешь звонить каждую минуту!

Блин! Мог бы вызвать такси.

«Айфон» полетел в сумочку, и Катя, наконец, выудила тонкую сигарету. О такси она, понятное дело, сказала сгоряча. Последнее время такси стали опасными, да и без них она обойдется, спокойно доехав на метро за пятнадцать минут. В отличие от Димы, Катя всю жизнь прожила в двух шагах от метро, и вплоть до секунды знала в какое время нужно пройти через стеклянные двери, чтобы без беготни по эскалаторам сесть на последний поезд, выезжающий с Новокосино.

Сейчас у нее около пяти минут в запасе, которые она потратит на перекур. Ей просто необходима хорошая порция никотина. Во-первых, она должна прийти в себя после тяжелой ссоры с матерью, а во-вторых, Кате хотелось последний раз взглянуть на место, где прошли двадцать лет ее жизни.

Ее ждет теперь новая, гораздо более интересная и яркая жизнь, в противовес той серости, в которой она жила все эти годы, но пока Катя не могла себе представить эту новую жизнь в деталях. Предчувствие ограничивалось непривычным, но приятным волнением, как будто впервые в жизни

она собиралась прыгнуть с десятиметровой вышки.

Она стояла на самом углу между Шоссе Энтузиастов и Авиамоторной улицы, с северо-западной стороны, лицом к перекрестку. Ее пока еще относительно здоровые легкие втягивали никотин, смешанный с легким морозным воздухом, перед глазами гудела и сияла огнями необычная для воскресной ночи гигантская пробка. Катя постепенно успокаивалась.

«Ты всю жизнь меня достаешь!» – последние ее слова, сказанные матери, прозвучали десять минут назад под аккомпанемент дебильного смеха младшего брата-бездельника. В результате очередной ссоры она схватила только сумочку и громко хлопнула дверью. На этот раз Катя была уверена – в вонючую хрущевку она больше не вернется.

Глядя на перекресток, возле которого прошла вся ее жизнь, Катя думала о том, что теперь уже никогда не будет засыпать под несмолкаемый рев машин, несущихся по федеральной трассе М7, возвращаться поздним летним вечером домой, слушая смех из дворов, спрятанных за фасадами причудливой эпохи конструктивизма, в утренней спешке пересекать встречный людской поток самого длинного подземного перехода.

Но эту легкую ностальгическую мысль топил еще бушевавший гнев, порожденный ее взрывным характером, и странное новое чувство, от которого замирало сердце.

Катя затянулась сигаретой и посмотрела на север. Вдоль

Авиамоторной улицы из-за снежной завесы дальше здания Префектуры ничего нельзя было разглядеть. Там, напротив и чуть ближе, забегаловка «Синнабон», куда она заходила иногда с Димой и Тоней. Справа – «пьяный» калининский сквер. Все это было таким знакомым, родным и одновременно опостылевшим. Теперь ее ждут другие места. Другие места станут родными. Безусловно, они будут намного лучше этого шумного пяточка неуютных окрестностей Авиамоторной.

Катя была уверена – спонтанное решение было верным. Неважно, что у нее нет подробного плана, и что все произошло так внезапно. Сейчас ей казалось, что так даже лучше. Отныне не будет причин для оправданий, почему девушка с фигурой профессиональной танцовщицы и лицом оборотистой стервы тратит лучшие годы на жизнь в московской фавеле и унижительную работу продавца-консультанта в ЦУМе. Такая девушка достойна лучшего, Катя всегда это знала, но ей всегда не хватало решимости, чтобы сделать первый шаг.

А сегодня она прозрела и по-настоящему осознала убожество добровольного плена, в котором пребывала все эти годы. Теперь она понимала, о чем говорили подруги и даже мать. Достаточно было первого шага. Ну, ничего.... Теперь она наворачивает. Катя выпустила изо рта облако сигаретного дыма и глядела, как его растворяет в себе снежная мгла. Теперь она сама будет распоряжаться своей жизнью, сама опре-

делять свою судьбу, как принцесса из сказок, которые в детстве сочинял для нее отец.

Позже она придумает, что будет делать, а сейчас Катя хотела лишь наслаждаться своим новым состоянием. Сейчас, в эту минуту, даже неважно, что будет дальше... Понятно, что начнется все с Димы. Ему тоже придется измениться, если он хочет продолжения праздника. Да, начинать новую жизнь надо с правильной оценки себя. Пора, наконец, заняться тем, чем занимается бриллиант – пора блистать. И если Дима хочет объятий, безумного секса, ласки, зависти и вожделения в глазах других мужчин, то Диме придется научиться чему-то еще, помимо умения смешить ее до слез. Для начала не помешало бы избавиться от инфантилизма.

Поток прозрений, которые открывались Катерине каждую секунду, поражал ее. Она смотрела сквозь снежную пелену, смутно замечая лишь размытые огни автомобильных фар, фонарей и рекламных билбордов. Снег оседал на проводах, фонарях, лайтбоксах и рекламных кронштейнах, покрыл тонким слоем тротуар и крыши машин. Катя стояла в обычных кроссовках – выбегая из дома, она не подозревала, что встретится с настоящей зимой. Мысли ее блуждали далеко, что отражалось во взгляде ее больших застывших глаз, пока челюсти ритмично жевали детский «Орбит».

Пока она поживет у Димы на Кленовом бульваре. Его родители до конца недели останутся на даче, ну а потом... Неважно, что потом – ведь главное, что теперь она по-ново-

му смотрит на мир. Теперь ей открыты любые дороги и главным движущим средством по этим дорогам станут ее красота, молодость и всепробивающая сексуальная энергия.

Выкурив половину сигареты, Катя обернулась, посмотрела на загруженный машинами перекресток. Довольно странно для воскресной ночи. Наверное, это из-за снегопада, предположила Катя. Со стороны Авиамоторной улицы, где она стояла, небольшая автомобильная река впадала в настоящий полноводный Нил – Шоссе Энтузиастов, и, несмотря на наличие светофора впадать в Нил водителям было крайне непросто – каждую секунду кто-нибудь из них пронзительно сигналил.

В это время в пяти метрах от нее у обочины припарковалась бурая от грязи «Тойота Камри». Странное место для остановки, подумала Катя, скользя по машине взглядом – почти перед самым выездом на Шоссе, где движение было наиболее плотным.

Катя хмуро посмотрела на то место, где должен сидеть водитель и вдруг вспомнила, что у нее нет даже зубной щетки. А также шампуня, к которому она привыкла и еще кучи разных вещей. В сумочке у нее только косметика, пачка тампонов, сигареты, «айфон» и перчатки. Есть еще карта «Виза» Райффайзенбанка, на которой лежит восемьдесят две тысячи рублей, но их совсем не хотелось тратить. Лучше, конечно, вернуться домой, собрать свои вещи... Но, во-первых, возвращаться даже ради того, чтобы собрать вещи – значит

нарушить данное себе слово, а во-вторых, заявляться домой к Диме с сумкой, не познакомив прежде со своими планами, ей казалось чересчур самонадеянным.

А еще Катя почему-то подумала, что дни летят слишком быстро и что веселые дни с Димой, занятия сексом, бар, кино, прогулки – хорошо, но, как быть с работой? Предполагалось, что в новой жизни ей нет места, тем более такой дурачкой, как продавец-консультант в ЦУМе. Предполагалась, что в новой жизни она будет приходить в ЦУМ только за покупками. Но кто будет оплачивать эти покупки? Дима? Эта мысль заставила ее усмехнуться.

Ну, допустим, пока она продолжит ходить на работу, но в пятницу вернутся родители Димы. У него есть своя комната, конечно, и он, допустим, сумеет убедить родителей, чтобы она осталась. В конце концов, они нормально к ней относились, но одно дело ходить в гости, другое – жить постоянно. Катя вспомнила похотливые взгляды диминого отца и косые взгляды матери. Нет, это определенно не та новая жизнь, которая рисовалась ей в грезах.

Катя снова нахмурилась и посмотрела на «Тойоту».

Она заметила, что все стекла ее были наглухо затонированы. Ей не нравились тонированные стекла, и не только потому, что они скрывали того, кто отлично тебя видит, но и потому, что тонировать стекла с водительской стороны было запрещено. А это означало, что сидевший за рулем либо мог позволить себе нарушать закон, либо имел жидкокристал-

лическую тонировку. Учитывая, что жидкокристаллическая тонировка стоила почти как новая «Тойота Камри», то в машине сидел первый вариант.

Катя знала, что выглядит сногшибательно, особенно в обтягивающих джинсах-скинни, в ярком свете натриевого фонаря.

Она снова бросила взгляд на машину, и на этот раз ей показалось, что «Тойота» стала ближе примерно на метр.

Что за шутки, подумала девушка и медленно пошла вдоль Шоссе в сторону кинотеатра «Факел», ощущая как в сумочке вибрирует «айфон».

Пройдя метров двадцать, Катя остановилась возле трамвайных путей, чуть в стороне от входа в подземный переход, чтобы не мешать опаздывающим пассажирам, и без того вынужденно толкающимся в узких проходах, оставленных бетонным блоком, который городские власти установили после атаки автобусного террориста.

Кате решительно не нравилось последнее направление ее мыслей, но стоило признать – ведь она не впервые ссорилась с матерью, а потом жила пару дней у Димы и возвращалась. Да, прежде не было такого настроения, но ведь, кроме этого настроения, ничто не отличало ее жизнь от прежней. Пока ничто.

Все-таки чего-то Катя не понимала в этой жизни. Она получала множество предложений открытых и завуалированных и порой соглашалась на них. Мужчины были совершенно разными – молодыми и старыми, состоятельными и

не очень, обходительными и brutальными, добрыми и опасными, толстыми и худыми, разных рас и национальностей. Один из них, по имени Вадим, неожиданно всплыл в памяти. Почему именно он? Быть может, потому, что, несмотря на возраст, он выглядел как Том Харди? Или дело во взгляде, в котором можно утонуть? Или в голосе, от которого бросало в дрожь. Или дорогом суперкаре.

Он был одним из немногих мужчин, на предложение которого она согласилась и провела с ним ночь в квартире, явно подготовленной для подобных встреч. На прощание он сказал, что не прочь увидеться еще раз. И даже готов предложить ей нечто большее. Он не сказал ей об этом прямо, но она его поняла. Она могла бы уточнить, но ей помешала какая-то внутренняя неуверенность. Она не была уверена, что до конца понимает правил игры. Вадим умел говорить и вести себя так, что многое становилось понятным, при этом он никогда не говорил о своих желаниях и предложениях откровенно.

Что ж, может, пришло время позвонить ему и спросить, что он тогда имел в виду? Возможно, пришло время попытаться усвоить новые правила игры? С чего-то ведь нужно начинать. Настроение Кати вновь улучшилось.

Да, не стоит сейчас заморачиваться. У нее еще два выходных дня, которые она весело проведет с Димой. А в среду, в обеденный перерыв на работе, напишет Вадиму в вотс апп.

Пожалуй, не так все плохо, да и дело ли только в Вадиме.

Как говорила Тоня, ей надо чаще вступать в коммуникации. Возобновить посещение фитнес-центра, где много приличных мужчин. Как же иначе распорядиться тем, чем наделила тебя природа и что усовершенствовано в спортзалах и салонах красоты? Как еще проложить путь к платиновым картам, брендам, машинам и квартирам премиум-класса? Только используя свою силу, а сила Кати заключалась в ее гипнотической сексуальности, подтверждение которой она видела каждую минуту в мутных взглядах глазающих на нее мужчин.

Катя глянула на Шоссе и что-то неприятно кольнуло в груди – грязная «Тойота Камри» снова стояла неподалеку. Здесь припарковаться ближе мешали трамвайные пути, и машина нагло встала на разметке троллейбусной остановки.

Со стороны пассажирского окна, приоткрытого на пару сантиметров, вытекал уносимый ветром сигаретный дым. Значит в машине как минимум двое. Как это нелепо, подумала Катя.

Зачем они следуют за ней? Чего хотят? Познакомиться? Это неудивительно, но неужели они действительно думают, что такая девушка, как она способна запрыгнуть в прокуренную грязную машину к незнакомцам.

К тем, кто плюет на закон.

Развивать эту мысль Кате не хотелось. Пора было спускаться в метро. Она повернулась, и прямо перед собой увидела лысого смешного мужичка, похожего на папу Карло из

фильма про Буратино. Низкорослый мужичок с подвижным лицом очевидно уже какое-то время стоял у перехода и глядел на Катю, в ожидании, когда она обернется, потому что его театральный жест, выглядел заготовленным. Мужичок, очевидно подвыпивший, выглядел совершенно безобидно. Он изобразил, будто ослеплен красотой Катерины. Его добродушное артистичное лицо гримасничало так легко и подвижно, словно он всю жизнь занимался пантомимой.

Кате стало смешно, ее вообще могла рассмешить любая ерунда. Она улыбнулась, и мужичок, ободренный ее реакцией, тотчас изобразил причудливое танцевальное па. Кате хотелось засмеяться, но она все-таки сдержала улыбку на этот раз, не желая провоцировать ненужный ажиотаж. Напустив на себя жесткий игнор, какой умеют изображать все красивые девушки, она, тем не менее, снова развеселилась в душе и тотчас забыла о «Тойоте» за своей спиной.

Выбросив окурок, Катя поставила сумочку на бетонный блок, обшитый декоративными панелями из дерева.

Мужичок, лишенный внимания обворожительной зрительницы, предпринял еще одну попытку – и, после неудачи, ретировался в переход. Кате он почему-то напомнил отца, хотя внешность у того была совсем другая. И все же ей стало немного грустно – воспоминания об отце всегда были жалостливо-грустными, либо раздражающими.

Мимо прошла худенькая девушка в голубых кроссовках «Ветементс» и Катя ощутила жар зависти. Такие кроссовки

стоили в ЦУМе восемьдесят пять тысяч. А эта невзрачная девица спокойно месила ими грязь и снег. Катя посмотрела ей вслед. Девушка по-пацански скользила по ступенькам перехода, сжимая под мышкой тряпичного крокодила. Катя недоуменно хмыкнула.

Ей уже следовало торопиться, но она хотела достать «айфон», чтобы написать сообщение, пока будет спускаться по длинному эскалатору.

Все отлично, думала Катя. Мир улыбается тебе. Он не враждебен. Люди любят красоту. Мир любит красоту, а Катя самая что ни на есть красота этого мира.

Да где же проклятый телефон!

В это время что-то заставило ее остановить поиски. Остановить поиски и поднять взгляд. Тоня, мама и Дима говорили, что у нее развита интуиция. Она и сама замечала, что иногда делает что-то, следуя странному необъяснимому порыву. И вот сейчас порыв заставил ее поднять взгляд.

То, что Катя увидела, тотчас заставило забыть об «айфоне» и красотах этого мира. То, что приближалось к ней со стороны кинотеатра «Факел», было таким же далеким от любви этого мира, как тихоокеанская вилла от метро Авиамоторная.

Катя, несмотря на свой юный возраст, непонимание многих вопросов бытия и главное – правил игры в определенных типах отношений, очень хорошо разбиралась в мужчинах и особенно – в их тайных желаниях. Зачастую все эти «тай-

ные» желания были написаны на их лицах. И то, что сейчас приближалось к ней, читалось очень хорошо. Огромный пьяный бугай, в лице которого не осталось ничего, кроме самого страшного типа похоти – безудержного желания разрушать.

Катя схватила сумочку и побежала в переход.

Глава 4

Четвертый пассажир. 1 312 метров на северо-запад

Даша – худенькая миниатюрная девушка двадцати трех лет с обворожительным лицом, излучающим холодную красоту, и глазами цвета льда. Это не линзы, как многие думают. Ее глаза действительно настолько светлые, что кажутся парой льдинок. Такой же цвет можно увидеть под ногами замерзшего Чудского озера. Даша никогда не улыбается. Об этом знают все знакомые Даши, но мало кто знает, что это неправда. Во взрослом возрасте Даша улыбалась три раза, и тому довелось стать свидетелями трем разным людям. Двое из них были молодыми людьми семнадцати и двадцати девяти лет. Оба в ту же секунду влюбились в Дашу. Третьим свидетелем ее улыбки стал сорокадвухлетний фотограф Бернар Бертен, который в тот момент опустил фотоаппарат, склонил голову набок и молча смотрел, пока его дважды не окликнула ассистентка. После этого Бернар Бертен еще в течение двух дней видел улыбку Даши, когда закрывал глаза.

Неизвестно, почему эта девушка так редко улыбалась, но когда это происходило, холодная красота будто начинала плавиться, преобразуясь в нечто настолько божественное, что язык не поворачивался назвать это огненной красотой. Это скорее плазма термоядерного синтеза, одним своим выплеском уничтожавшая слабые сердца.

Фрейя – сказал Бернар Бертен, проснувшись на третий день. Ему снилась скандинавская богиня, собиравшая души павших воинов на поле боя в облике улыбающейся Даши. Фотограф вспомнил, что Солнце на самом деле белого цвета, а более горячие звезды человеческий глаз воспринимает в голубом цвете, как глаза этой девочки. Он заключил, что в этом и состоит секрет красоты юной богини – настоящие йотаватты энергии, все эти миллионы кельвинов в рентгеновском спектре выглядят как кусок льда. И когда она улыбалась, ты будто оставался с этой энергией один на один. Человек и Солнце или человек и Тау из созвездия Кита. С такой красотой оставаться надолго смертельно опасно. Ты просто превратишься в огненную пыль.

Сделав такой вывод, Бернар Бертен с аппетитом позавтракал.

Ну, а Даша только что застегнула шерстяной красный бомбер от Ив Сен Лоран, не спуская больших глаз-льдинок с Антона – парня Лены, который приехал за своей подругой на подержанной «Киа».

Последние пять минут Антон изображал, что горит желанием подбросить Дашу до дома, стараясь это преподнести так, чтобы Даша ни в коем случае не согласилась.

Задача давалась ему с трудом, особенно под взглядом этих немигающих льдинок. Антон натужно улыбался и перескакивал с темы на тему. Даша, впрочем, давно разгадала их план.

Лена, вербально поддерживая своего парня, собиралась нарочито медленно, зная, что Даша опаздывает на метро.

Антон сидел на большом рабочем верстаке, на котором Даша с Леной весь день шили подушки в виде коричневых экскрементов «Shit happens» (на них был почему-то особый спрос в магазине необычных вещей). Даше хотелось сказать, чтобы он слез, но она сдерживалась – за последние два дня она и так переборщила с гадостями и колкостями в адрес Лены. В конце концов, мало кто вытерпит ее характер, и Лена одна из немногих ее подчиненных, продержавшихся более полугода.

Конечно, ее жутко бесило, что парень, который ест с открытым ртом и любимый вид отдыха которого – поездки на шашлыки, так ведет себя в ее творческой мастерской. Она бы могла простить такое поведение Антуану, длинноволосому тезке Антона, для которого подобное поведение – особое отношение к миру, а не дурное воспитание. Антуан мог подойти к ее рабочему эскизу и молча, парой штрихов превратить ее нелепый рисунок в произведение искусства. В этот момент Даша обычно смотрела на его профиль в обрамлении волнистых волос и испытывала сильное желание поцеловать его в губы... На худой конец, она могла простить такое поведение Станиславу, хотя его целовать она бы не стала. Но автомобильному менеджеру из Саратова она простить такое не могла.

Поэтому Даша ограничилась лишь стальным взглядом,

когда парень Лены заметил одну из треугольных «Shit happens» и принялся по-жеребьячи ржать, указывая на коричневую подушку пальцем.

– Надеюсь, здесь все останется в целости, – произнесла Даша, повернувшись, чтобы взять с полки плюшевого комодского варана – ее подарок Антуану на день рождения.

– Ты успеешь? – «удивилась» Лена.

Лена знала, что Даша никогда не пользуется такси. Только метро или собственным автомобилем с водителем. Но сегодня водителя она отпустила.

– Какие еще варианты? – Даша посмотрела на Лену. В ярком свете рабочей лампы ее красивое лицо выглядело усталым. Под глазами – темные круги. Она работала семь дней без выходных, и Даша почувствовала нечто вроде жалости.

– Да, я успею. Не забудь закрыть входную. Все уже ушли.

– Конечно, – отозвалась Лена.

– Пока, – сказал Антон, болтая ногами.

Даша вышла из мастерской, прошла по полутемному коридору до небольшого светлого холла, на одной из стен которого висело огромное – от пола до потолка, зеркало. Она не любила это зеркало, но сейчас остановилась, посмотрела в него.

Дорогие, со вкусом подобранные шмотки. На ничем не примечательной фигуре. Лицо красивое даже без косметики, но слишком угрюмое, будто у нее что-то болит. И как нелепо выглядит этот варан на фоне ее понурого вида. Не хва-

тает только той дурацкой шапки в виде зеленого «НЕЧТО» с пуговицами-глазами. Все на нее показывали пальцем, когда она ее надевала. Ну да что же, ей было плевать. Кстати, сейчас она бы не помешала – на улице внезапно началась зима. Она где-то в мастерской. Но до закрытия метро осталось всего-ничего. Даша машинально посмотрела на часы и обратила внимание на непривычно голое запястье. Не хватает старенького бисерного браслета с разноцветными слониками. «На удачу» – тот, что подарила ей мать на пятый новый год. Ей и как ни странно – отцу. Братьям она подарила видеоприставку и велобайк. Даша никогда его не снимала – только чтобы почистить и во время работы на станке, как сегодня. Сегодня был тяжелый день. Она злилась на Лену, злилась на себя, много думала и забыла браслет на подоконнике.

Даша развернулась и зашагала обратно.

«Пожалуй, надо будет подарить что-нибудь Лене», – думала Даша. Что-нибудь из материального мира – то, что Лена любит на самом деле, в отличие от всех этих подушек, варежек и кукол. Впрочем, Даша догадывалась, что чувство вины перед Леной скоро выгорит, как всегда, характер возьмет свое и ничего она Лене не подарит.

Даша остановилась перед мастерской, взялась за деревянную ручку в виде черного сыча, но дверь не открыла.

Смысл услышанного достиг разума не сразу, но Даша с первых слов поняла, что говорят о ней.

Лена: Все странные, Антон.

Антон: Ты же понимаешь, что я имею в виду – она не от мира сего.

Лена: А я от мира сего?

Антон: Да (чавкающий звук поцелуя) и это клево!

Даша поморщилась.

Лена: Зато у нее есть собственная элитная квартира, мастерская и магазин.

Антон: Купленные на папины деньги.

Лена: Ну и что?

Антон: У нее есть деньги, а эта дрянь вечно хмурая и чем-то недовольная.

Лена: Не говори так...

Антон: А что, ты разве не видишь, как она на нас смотрит? Как на прислугу. А сама без денег своего папаши – просто тупая пи...а.

Лена: Антон... Тебе так кажется, потому что она никогда не улыбается. На самом деле она не такая.

Антон: Никогда не улыбается... Что, вообще никогда?

Лена: Ну, я, по крайней мере, никогда не видела.

Антон: Может, потому что ее никто не трахает?

Даша предпочла бы, чтобы Лена сказала «заткнись» или «перестань», но Лена лишь заразительно засмеялась.

Под этот смех, через несколько секунд сменившийся страстными поцелуями, Даша, сделала шаг назад, затем еще один и еще, пока не уперлась спиной в закрытую дверь напротив. Даша посмотрела в нарисованные акриловой крас-

кой глаза сыча, шмыгнула носом и быстро зашагала по коридору – в кроссовках «Ветементс» это можно было делать бесшумно.

«Фрейя» миновала холл, не глядя на этот раз в зеркало, распахнула дверь и вышла в заснеженный двор, чувствуя, как ее худое тело окутывает почти нестерпимый холод.

Глава 5

Пятый пассажир. 372 метра на север

Харитонову было жарко. И тесно. Могучей рукой он почесал грудь под рубашкой с оторванными после драки пуговицами и громко зевнул. Маленькие медвежьи глаза на огромной голове слепо глядели в грязное стекло, за которым сиял побелевший Калининский сквер. В свете фонарей по пустым дорожкам и скамейкам носилась поземка.

Сиделось ему неудобно – как настоящий медведь, он постоянно ворочался на круглом стуле, издавал много звуков – шуршал одеждой, двигал локтями соседние подносы, зевал в полный голос. Харитонов был пьян.

Из-за спины появился крепкий усатый мужчина.

– Ваню, только светлое было.

В руках мужчина держал поднос с двумя стаканами пива, сэндвичем и ведром Баскет-25 на компанию.

Харитонов хмуро глянул на поднос, сложил губы трубочкой, прижав их к носу, как слон. Выдохнул. Потом взял стакан, отхлебнул примерно треть.

– Серый, на хрена ты меня сюда притащил?

– Так щас все закрыто. А тут хотя бы пиво есть.

Харитонов, ничего не сказав, начал есть.

Переполненный, несмотря на поздний час, зал KFC гудел голосами, среди которых отчетливо выделялся один моло-

дой.

Харитонов оглянулся, нашел глазами его источник – высокий худощавый парень с толстыми губами и филигранно зачесанными назад волосами сидел у окна в компании трех девушек и какого-то доходяги. У висков светлые волосы парня были совсем короткими, а к макушке удлинялись и сияли почти как золотая корона, переливаясь в прямо-поперечных лучах болезненно ярких светодиодов.

Две девушки, сидевшие по обе руки от него, не спускали с парня глаз. Еще одна, некрасивая, блеклая во всем, кроме сверкающих глаз, сидела напротив, рядом с доходягой. Волосы у нее были короткими, бесцветными, будто это она была парнем, а не болтун-блондинчик. И смотрела она восхищенно как раз на его замысловатую прическу, будто завидовала.

Харитонов проследил за ее взглядом, заключил про себя: «петушара» – и принялся вяло жевать, продолжая, однако, прислушиваться, водя головой, как медведь ухом.

Голос парня заглушал все прочие звуки в радиусе пяти метров. И все, в том числе и Харитонов вынуждены были слушать его экзальтированные восхищения неким Акселем, который возил кого-то на какую-то вписку. Аксель знал некоего ресторатора. И обещал достать приглас на версус. Петушара собирался туда со своей подружкой.

Харитонов думал тоже по-медвежьи медленно, и сейчас он думал – что за херню он слушает.

– Поехали в стекляшку на Шаболовку, – сказал он, обращаясь к Серому, – там открыто.

– Не могу, Ваню.

– Хули... не можешь.

– Мне же завтра к восьми. Из-за того, что ты полез на Драконыча, мне теперь за тебя работать.

– Он м..дак.

– Да оно понятно, – протянул Серый, – но мне же семью кормить.

Харитонов в пару глотков допил пиво, повел тяжелым взглядом по стеклу. Ухмыльнулся.

– Меня вот в детстве, бывало, по три дня не кормили...

Серый что-то сказал, но Харитонов не слушал, он снова обернулся к парню, который громогласно рассказывал о том, как кто-то кому-то присунул на все той же вписке.

Харитонов мотнул головой. Слова «вписка», «версус» были ему незнакомы, но значение слова «присунул» он знал.

Он стал оценивающе разглядывать девушек рядом с парнем. Одна из них – брюнетка с симпатичным лицом, заметила и отвела взгляд.

– Ты слышишь, Ваню?

Харитонов не слышал. Он совсем уже развернулся на крутящемся табурете к столу, за которым сидел громогласный Петушара со своей компанией.

Скучные сетования Серого на жизненные проблемы его не интересовали.

После очередного взрывного хохота Харитонов, скрипя стулом, встал и медвежьей походкой направился к шумной компании. Серый, жующий картошку фри, устало посмотрел ему вслед.

– Ну, я и говорю, как ты собираешься его надевать, – скороговоркой говорил парень, постукивая по столу пустым стаканчиком из-под «Пепси».

– Какой размер? – раздалось у самого уха.

Парень замолчал, но улыбка не исчезла с его лица. Не оглядываясь, он указал пальцем в сторону своего плеча и спросил, обращаясь к своей компании:

– Что это за х..й?

Харитонов, не говоря ни слова, положил свою медвежью пятерню на шикарную прическу парня и с сокрушительной силой ударил его лицом о стол. Когда лицо парня вновь появилось перед ошеломленной компанией, из носа его шла кровь, а из моргающих глаз текли слезы.

От удара разлетелись подносы, стол оглушительно подпрыгнул. Девушки ахнули. И все вокруг сразу притихли.

Продолжая удерживать руку на затылке, Харитонов сел на соседний стул и оглядел его компанию. Три девушки и один парень. Все отвели взгляды.

Парень шмыгнул окровавленным носом. Он пытался что-то сказать, но рот его лишь безмолвно приоткрывался. Правой рукой он потянулся к затылку, но, почувствовав, как медвежья лапища на его голове напряглась, инстинктивно

выставил левую руку перед лицом. Ему это, однако, не помогло. Харитонов снова ударил его лицом о стол. Парень ударился носом о собственное предплечье. На белом рукаве толстовки остался кроваво-сопливый след.

Харитонов снова осмотрелся. На этот раз он оглядел соседние столы. Многие бросали испуганные взгляды на него и в сторону туалета, откуда приближался белый как мел охранник.

Парень пытался что-то сказать, но попытки эти выглядели так, будто из его легких выкачали весь воздух и, кроме мышиноного «что происходит», он ничего не мог из себя выдать.

Харитонов знал, что не только физически страшно силен, но и внешне ужасен.

– Исчезни или я сломаю тебе руку, – сказал он приближившемуся охраннику.

– Мужчина...

Харитонов ударил парня о стол в третий раз.

– Да вызовите полицию! – закричала где-то женщина. – Раз не можете решить, чего мямлить! Звоните в полицию!

– Звоните, в самом деле! – раздался другой женский голос. – Он же убьет его!

– Стоят... Он же неменяемый, не видно что ли?! Наберут рохлей!

Харитонов тем временем совершил четвертый удар. Парень выставил перед окровавленным лицом обе руки, но и

это ему не помогло. Обе они согнулись при ударе о стол.

– Слышишь ты! – закричала некрасивая девчонка с короткой стрижкой, задыхаясь от гнева. – Псих конченный, отстань от него!

Харитонов устремил на нее взгляд своих медвежьих глазок. Лицо его перекосило, но никто не понял, что это означало улыбку.

– Ты смотри, кто-то за тебя заступился, а?

– Отпусти его, животное! – девчонка смотрела на него. Ее некрасивое лицо от злости стало еще более некрасивым.

– Кто она? – обратился Харитонов к парню.

– Тебе ка...

– Заткнись! – оборвал девчонку Харитонов и потряс голову парня. – Ты че, язык откусил? Кто она тебе, говорю?!

– Я его подруга, что, не видно, если мы за одним столом?!

Харитонов снова ударил парня о стол. На этот раз не так сокрушительно.

– Еще раз вмешаешься, буду долбить, пока мозгами не забрызгает тут все вместо соуса, – Харитонов повернул грозное лицо к парню. – Ну, кто она тебе?

– Одно... группница, – проговорил парень, выпуская кровавую слюну.

– Она говорит подруга, а ты – одnogруппница... Не девушка, значит?

Парень помотал головой.

– Ясно, а теперь скажи мне, почему она, – Харитонов ука-

зал пальцем на некрасивую девчонку, – заступается за тебя.

Парень молчал. Все молчали.

Харитонов достал пластиковую вилку из тарелки с салатом, забрызганным кровью, обломил большим, размером с сардельку, пальцем. Оставшуюся заостренную рукоятку сжал в могучем кулаке, кулак поставил на кровавое пятно на столе.

– Намек понял?

Парень кивнул.

– Почему она за тебя заступается?

Парень посмотрел на некрасивую девушку.

– Она... Я ей нравлюсь.

Девушка с короткой стрижкой опустила взгляд.

– А она тебе нравится?

– Да, она...

Харитонов потянул голову парня к столу.

– Как баба она тебе нравится?

– Что? Я не знаю!

Харитонов с медвежьей силой ударил парня о стол. Удар вилочного осколка пришелся в лоб над правой бровью.

Тотчас кто-то снова завизжал. Из кафе уже вышли все посетители, только несколько обеспокоенных женщин охали и причитали издалека.

Харитонов посмотрел на лицо парня – его полные губы дрожали.

– Повезло, чуть ниже надо было...

– Я... я... скажу.

– Говори честно, – сказал Харитонов по-отечески. – Я вижу вранье. Соврешь – получишь уже в глаз.

– Она мне нет.

– Что нет?

– Как женщина она не... в моем вкусе.

Харитонов оценивающе посмотрел на девушку. Та в ответ с ненавистью смотрела на Харитонova. Маленькие кулаки ее лежали на столе.

– Конкретнее! – проревел Харитонов. – Что конкретно тебе в ней не нравится?

– Я... я... не... не знаю, ну фигура!

– А лицо ее нравится?

– Н-нет.

– За... зачем вы это делаете? – спросила девчонка.

– Тсс... – Харитонов бросил осколок вилки и убрал руку с головы парня. Посмотрел в его расквашенное лицо.

– То есть тебе ничего в ней не нравится?

Парень, не поднимая лица, помотал головой.

Харитонов потер небритый подбородок.

– А может даже больше? А? Ты понимаешь, о чем я?

Парень кивнул.

– Тебя тошнит от нее?

Парень кивнул, шмыгнув носом.

Харитонов обернулся к девчонке, которая с какой-то тоской смотрела на парня.

– Ты смотри, как он тебя обосрал, а ты за него заступаешься.

– Гори в аду! – сказала девчонка, переводя испепеляющий взгляд на Харитонову.

Харитонов встал, громыхнув стулом, стал обходить стол, направляясь к девчонке.

Девушка не спускала с него горящих глаз.

– Что будешь теперь меня бить?

– Я только хочу спросить, – сказал Харитонов, усаживаясь рядом, от чего все вздрогнули. – Вот представь... Представь, будет у тебя когда-нибудь сын. Лет десяти...

Харитонов показал пальцем на парня с расквашенным лицом, который сидел теперь напротив него.

– И он, допустим, будет сидеть вон там... ты ему мороженое купишь, и он будет его значит хавать... А в это время, какой-нибудь хрен даст ему подзатыльник. Так вот. Что ты будешь делать?

– И что? Будешь бить меня за отсутствие ответов?

– Послушай, – Харитонов почесал мохнатую грудь, – мы же знаем. Что шас сказал этот петух, ни для кого из сидящих здесь не было секретом. Ну, кроме меня.

– Что ты хочешь? – девчонка непонимающе смотрела на него. Гнев бурлил в ее умных глазах.

Харитонов положил руку на ее узкое плечо.

Кто-то позади вскрикнул, но девушка даже не вздрогнула.

– Чтобы ты ответила на вопрос.

– Я откушу ему нос.

Харитонов посмотрел в лицо девушки.

– А еще?

Девушка показала на стул.

– Оторву ножку стула и буду бить по голове.

Харитонов засмеялся, одобрительно кивая огромной головой.

– И?

– Потом засуну эту ножку ему в зад.

Харитонов долго, сладострастно хохотал. Потом очереди смеха стали короче, наконец он притих.

Неслышной тенью рядом появился Серый.

– Ваню, мусоров вызвали.

Харитонов кивнул. Попятился назад, одновременно вставая и роняя стул. Снова грохот. Харитонов смотрел на девочку, уже не смеясь, а серьезным взглядом.

– Идем-идем, Вань, – тянул его за рукав Серый.

– И это за обычный подзатыльник?

Девушка тоже смотрела на Харитонова. В его лице сквозил такой неподдельный интерес, что она сказала совершенно уверенным тоном:

– Да.

Харитонов медленно растянул рот в улыбке и попятился к выходу, увлекаемый Серым.

Перед выходом он устави́л на нее указательный палец и неожиданно заревел:

– Только не обмани! Только не обмани, мать!!!

Девчонка в ужасе глядела на Харитонову, пока он, сшибая косяки, спиной вперед выбирался из кафе.

На улице Серый поспешно говорил на ходу.

– Послушай, Вань, мусорам сказали, что нас двое. Давай, надо разделиться.

Харитонов шагал неспешно, слегка покачиваясь.

– Вань, тебе же сейчас менты это край. На этот раз засадят. Шустрей почесали!

Они шли по тротуару вдоль Калининского сквера, снег сыпал, не переставая, и таял на разгорячённом лбу, щеках и шее Харитонова. Ему было душно. Он тер грудь. Это напоминало жажду, которую невозможно утолить.

Серый все суетился рядом.

– Давай, Вань, ты езжай на метро, а я на такси. Идет?

Харитонов не ответил, он отклонился, сошел на проезжую часть, не обращая внимания на сигналы клаксонов, пересек Авиамоторную улицу, трамвайные пути, вышел к Шоссе Энтузиастов, по которому из центра тянулась бесконечная пробка. Харитонов, прищурившись, смотрел на нее.

– Ну, что? – спросил Серый, который все еще крутился рядом. – Поедешь на метро?

Харитонов перевел на него взгляд.

– Дай сигарету.

Серый протянул ему открытую пачку, Харитонов вытащил три сигареты, и, ничего не сказав, пошел в сторону ки-

нотеатра «Факел».

– Пока, Вань! – бросил ему в спину Серый.

Харитонов не ответил. И не обернулся. Он зашел под навес, полностью погрузившись во тьму, закурил и долго глядел тяжелым взглядом на медленно ползущие автомобили, а затем взгляд его остановился на фигуристой девушке в обтягивающих джинсах, стоявшей в двух шагах от подземного перехода. Она курила на фоне грязной «Тойоты Камри».

Харитонов прикурил вторую сигарету от первой и стал ее рассматривать. Она напоминала ему первоклассную стриптизершу. Отличная задница, длинные стройные ноги. Под курткой явно хорошая грудь.

Когда девушка поставила сумку на бетонный блок и принялась рыться в ней, Харитонов вышел из-под навеса и пошел прямо на нее. Девушка словно что-то почувствовала – тотчас подняла взгляд на Харитонova, схватила сумку и убежала в подземный переход.

Харитонов, не ускоряя шага, двинулся следом.

Глава 6

Осторожно, двери закрываются...

– Не успеешь, – злорадно сказал таксист.

Выбираясь из машины, Виктор представил, сколько промзон, пустырей, грязных обочин, заборов, гаражных задворков и пахнущих мочой закоулков предстоит ему преодолеть, если он действительно не успеет.

00:58 на часах таксиста сменились на 00:59.

Виктор хлопнул дверью и побежал в безлюдный переход – навстречу сквознякам и снежным туманам.

Он сопротивлялся из последних сил. Боролся с обстоятельствами и патологическим невезением сегодняшнего дня, со смертельной усталостью и влажным холодом, с болезненным светом новых энергосберегающих ламп, которые горят в пять раз дольше и в семь раз ярче прежних. С тяжелым гулом, перекрывающим рев моторов и россыпь трамвайного звона. С пустотой, таящей углы и ниши утопленных в стенах дверей. С загаженными колоннами, за которыми колебались фигурные тени, тусклыми бликами, скользящими по стенам, и с облаками снежных чудовищ, вальяжно спускавшихся по ступеням пустынных лестниц. Со всем, что сегодня единым фронтом выступило против него.

Виктор слишком устал, чтобы думать о том, куда подевались все люди. Он слышал смех и крики, но они звучали

лишь в его голове. Очередной поворот бесконечного перехода встречал все той же пустотой и сквозняками, пока, нырнув по ступенькам еще ниже, Виктор, наконец, не почувствовал теплый воздух.

И возле стеклянных дверей он увидел первого человека – крепко сложенный мужчина приближался слева. Взгляд Виктора задержался на его куртке, которая на глазах меняла цвет – на бурой поверхности сначала появилось скопление ярких точек, стремительно разраставшихся в кислотно-салатовые пятна. Через пару секунд вся его куртка стала ярко-салатовой.

Виктор миновал стеклянные двери одновременно с этим мужчиной, проскочил турникеты и, не сбавляя скорости, побежал по эскалатору. А мужчина направился к окошкам касс.

В метро тоже царило безлюдье – кроме мужика в странной куртке, он больше никого не встретил. Ни запоздалых пассажиров, ни полицейских и что самое странное – никаких работников метро. Горели матовые плафоны, сияли рекламные щиты, но будки дежурных пустовали. Виктор ощутил странное волнение – разыграла юношеская фантазия, хотя он понимал, что давно пора перестать верить в чудеса. В подтверждение скучной предсказуемости бытия в поле зрения попался медведеподобный мужик, скрывшийся под сводом далеко внизу.

За ним раздался грохот прибывающего поезда и вой ре-

дукторов. Виктор запрыгал через ступеньку, представляя, что будет, если прямо сейчас от ударов его ног сорвутся лестничные сцепления и вся эта дюралюминиевая масса понесётся вниз. Стремительно надвигающийся мраморный пол. Вязкий материал, заклинившие под стальной гребенкой ступени и груды смятых пластин, забрызганная кусочками его мозга.

Но эскалатор не сорвался – сложив свою скорость со скоростью бега, он доставил Виктора вниз. Выбегая на платформу, Виктор оглянулся и увидел, что мужик в странной куртке только-только начинал спускаться по бесконечно длинному эскалатору.

Виктор усмехнулся и проскочил между колоннами, заметив под анодированным золотым потолком все ту же непривычную пустоту главного зала. В вагоне его силы разом кончились – он упал на ближайшее сиденье, откинул голову и, тяжело дыша, посмотрел через распахнутые двери на пустую станцию: на мраморном полу ветер с эскалаторного туннеля листал страницы газеты «Метро». В океане пустоты одиноко дребезжала музыка в чьих-то наушниках.

Вагон между тем не был пустым – кроме Виктора, в нем сидел тот самый медведеподобный мужик, который вблизи оказался настоящим великаном. Он развалился напротив аппетитной брюнетки в обтягивающих джинсах-скинни, которая не отрывалась от своего айфона. И в дальнем конце вагона, закрыв глаза и сунув в уши наушники, сидела еще

одна тощая девчонка с плюшевым крокодилом на коленях.

А ведь это последний поезд, догадался Виктор. Он вспомнил, что из-за череды аварий на подстанциях последние поезда отправлялись теперь чуть раньше. А значит, он везучий сукин сын. Его вагон остановится на Марксистской, как раз у перехода на кольцевую, и через полчаса он будет дома. Включились электродвигатели. Виктор закрыл глаза.

– Осторожно, двери закрываются. Следующая станция Площадь....

Концовку дежурной фразы поглотил удар захлопнувшихся дверей.

Виктор подумал о мужчине в салатовой куртке. Ну что ж, значит сегодня не только у него неудачный день.

Он по привычке сунул руку в карман за смартфоном, но взгляд привлекло движение – за стеклом дверей мелькнул знакомый салатový цвет. Мужик успел сунуть кисть в перчатке между дверями. Виктор думал, что он просто вытащит руку, но ладонь вцепилась в прорезиненный створ и вдруг с невероятной силой стала отжимать дверь.

Виктор подскочил и, сунув ладони в образовавшийся зазор, стал тянуть со своей стороны. Он подумал, что помощь человека-медведя пришлась бы весьма кстати, но тот даже не посмотрел в их сторону.

Виктор напряг мускулы – ему вдруг захотелось помочь мужику. Во что бы то ни стало не оставлять его одного на этой безлюдной станции. Он ведь тоже спешил. Тоже балан-

сировал на грани. Но сил Виктора не хватало. Двери неумолимо тянулись друг к другу, пальцы соскальзывали. Пространство и без того узкое сокращалась. Мужчина попытался просунуть в щель локоть, но ему это не удалось. Двери захлопнулись, оставив в зазоре всю ту же ладонь в перчатке.

«Все, мужик», – с сожалением подумал Виктор. Но мужчина не сдался. Закусив нижнюю губу, он принялся вновь выжимать дверь.

Виктор ухватил со своей стороны.

Наконец, сопротивление исчезло, двери с грохотом разъехались и с таким же грохотом съехались, но мужчина был уже в вагоне.

На Виктора смотрели удивительно ясные глаза с огромными радужками.

– Спасибо!

Голос у него был легкий и хриловатый.

– Вам повезло, – сказал Виктор.

– Ну, наконец-то!

Виктор перевел взгляд на буреющий рукав куртки в том месте, где она соприкасалась с дверью.

– Вы успели на последний поезд.

– Серьезно? – мужчина удивленно изогнул бровь.

– Это из-за аварий. Подстанции вылетают одна за другой.

Хотя, наверное, просто пилят бабло, как всегда.

Мужчина улыбнулся, и Виктор подумал, что такая улыбка, наверное, нравится телкам. Было в ней что-то располага-

ющее.

Сам мужик был не из тех, кто часто пользуется метро – это Виктор понял по необычной дорогой куртке и неестественно белым зубам. Такие зубы он видел только в кино и на каналах успешных видеоблогеров.

Вернувшись на свое место, Виктор достал смартфон и запустил поиск сети wi-fi московского метро. Сеть упорно не находилась, и Виктор, прижавшись виском к боковому поручню, стал украдкой разглядывать сексапильную девушку, сидевшую наискосок от него. Девушка хмурилась в экран «айфона» – очевидно, тоже не могла поймать сеть. Она закинула ногу на ногу, демонстрируя изгибы крутых бедер и длинных прекрасных ног, а также обнажённую загорелую щиколотку над кроссовком «Эйр Макс».

Ее красивое лицо отражало бледный свет дисплея. Виктор подумал: как здорово, наверное, просыпаться, глядя в такое лицо, а еще лучше... Девушка неожиданно посмотрела в его сторону, и Виктор отвернулся. Кто-то оставил на сиденье сложенный журнал со сканвордами и ручку – простую шариковую, с ребристым основанием. Именно такую ручку Стукач использовал в электричке. По телу прошла неконтролируемая дрожь, и Виктор приказал себе успокоиться. Все уже кончено! Думай о чем-нибудь хорошем, например, о брюнетке и ее длинных ногах.

Неизбежная предопределенность.

Виктор перечитал фразу в квадрате со стрелкой, указы-

вающей вправо на три клетки. Как просто. Странно, что человек, разгадавший почти весь сканворд, не написал в трех клетках этого слова. Тем более, посередине уже стояла «о», образованная пересечением со словом из четырех букв, загаданным как «драгоценный камень и мужская неприятность».

Виктор усмехнулся, закинул ногу на ногу и снова стал смотреть на девушку. Может быть, вай-фай появился, а может, она просто рассматривала фотки, но ее прекрасное сосредоточенное лицо снова светилось бледным светом дисплея.

Неожиданно эстетическое созерцание почти абсолютной гармонии нарушила кривоногая медвежья фигура. Человек-медведь возник в поле зрения Виктора и загородил все пространство перед глазами, включая, разумеется, и девушку.

Мужик ухватился лапищами за поручень и с ловкостью зверя сел рядом с девушкой. Видимо это был какой-то инстинкт, девушка в тот же миг вскочила и пересела, однако «медведя» это не остановило – он сразу последовал за ней. Из-за шума движения не было слышно их слов, но Виктору и так все было понятно. Прищурившись, он наблюдал за происходящим, чувствуя, как нарастает частота сердечных ударов. Лицо его приобрело выражение, которое его сестра называла «лицом злобного хорька».

Между тем, поезд стал стремительно тормозить, от чего всех повело в сторону. Виктор заскользил по сиденью, скан-

ворд упал на пол, ручка последовала было за ним, но удержалась на краю. Виктор уперся рукой в боковую панель. Поезд тем временем остановился, отключились электродвигатели, и воцарилась абсолютная подземная тишина, которую нарушало только тяжелое сопение человека-медведя и звуки из наушников тощей девчонки в конце вагона.

На какую-то долю секунды погас и зажегся свет.

– Отвали! – долетел до Виктора возмущенный девичий голос с той стервозной интонацией, от которой у него обычно начинали дрожать колени.

Виктор подумал, какую неловкую интимную обстановку может создать внезапно остановившийся вагон.

Он посмотрел на чуть покатуую спину мужчины в салатовой куртке, который так и остался стоять у дверей. Он, хотя и выглядел крепким, как спортсмен, но по габаритам явно уступал человеку-медведю, да и, судя по тому, как он сосредоточенно пялился в черноту за стеклом, никаких действий совершать он явно не собирался.

– У таких как ты не бывает мужей, – голос человека-медведя звучал низко и вкрадчиво.

Видимо в роли «не мужа» в данный момент он видел себя, потому как попытался своей лапищей обнять красотку, но та дала неожиданный отпор, отпихнув его руку.

Сильная телка.

Человек-медведь тут же схватил ее за ногу чуть выше колена. От этой руки ей уже не хватило сил избавиться.

Виктор почувствовал, как кровь приливает к лицу. Там, в электричке, ему тоже никто не помог, кроме...

В лице девушки, перекошенном от возмущения, пылал и животный инстинкт – чувство страха и осознания своей беспомощности. Медведь слишком страшен, и в закрытом вагоне ей некуда деваться.

Виктор почувствовал, как начинают трястись руки. Это дурной признак. Он снова посмотрел на мужчину в куртке. Тот спокойно оттянул рукав, глянул на часы. Девушка истошно завизжала. Взгляд Виктора в эту секунду остановился на ручке, которая лежала на краю сиденья.

Затем он посмотрел на огромную спину медведя, склонившуюся над девчонкой. Из-за нее были видны только ноги девушки – они двигались, словно она крутила педали несуществующего велосипеда. В следующую секунду девчонка вскрикнула, будто от удара.

Виктор схватил ручку, как азиатский нож керамбит, и встал, не ощущая ног. Огромная спина приближалась.

Злобного хорька не остановить.

Он сделает это. Он сделает это. Он сделает э...

Глава 7

Туннель

Полковник Басуров выплыл из мрака за стеклом с тем беспокойным выражением лица, с которым провел последние часы своей жизни. И снова задал свой вопрос – дескать, все ли, Сань, будет в порядке? И Пустовалов снова отправил полковника Басурова обратно во тьму – туда, где ему теперь место. Завтра он уже забудет о нем.

Каменщик рассказал, что ему нужно добраться до Третьяковской, перейти на Новокузнецкую и потом просто ехать на север до Войковской. По времени что-то около сорока пяти минут. При таком раскладе, он вполне успевает принять душ, переодеться, поужинать, и, прихватив термос с кофе, строго по графику сесть в вишневую «Вольво С80». А значит, он почти ничего не потерял. И даже больше – он получил долю Басурова.

Вот только поезд стоял уже почти две минуты, и Пустовалов понятия не имел – в порядке вещей такое в метро или нет. Он посмотрел на часы и понял, что как минимум лишился права на ужин. Но если стоянка затянется, он может лишиться и душа. Кроме того, Пустовалова начала беспокоить возня, которую устроил юный «д'Артаньян» с пьяной гориллой.

Если горилла прибьет «д'Артаньяна», полиция может за-

держат поезд на следующей станции и более того – привязаться к нему, что его совсем не устраивало, учитывая содержимое его рюкзака и наличие огнестрельного оружия. Кроме того, все происходящее, а значит и его самого, фиксировали камеры в вагоне.

Пустовалов обернулся через плечо. «Д'Артаньян» вцепился в ногу гориллы. Другой ногой горилла метилась парню в голову, но пока «д'Артаньяну» везло.

На фоне этой возни и пыхтения, острый слух Пустовалова уловил необычный звук. Он повернул голову, прислушиваясь. Звук был однократным и очень далеким, но Пустовалов был уверен – он уже слышал его раньше.

Пустовалов подошел к ближайшему окну, открыл фрамугу. Где-то очень далеко слышался металлический лязг, как будто кто-то исступленно колотил молотком по металлическому листу, но ничего похожего на тот мимолетный звук из прошлого. Он закрыл глаза, пытаясь вспомнить. Звук был тихим, коротким и совершенно точно ему не место в метро.

Он посмотрел в другой конец вагона. Свет погас на секунду и тотчас мигнул снова. Они стояли уже минуты три. Это слишком долго.

Пустовалов двинулся дальше, невозмутимо перешагнув через извивающегося «д'Артаньяна».

Горилла в этот момент прекратила попытки разбить голову доходяге и устремила свои крохотные глазки на Пустовалова.

Пустовалов тем временем подошел к переговорному устройству, возле которого, прислонившись плечом к стене, стояла брюнетка, честь которой защищал «д'Артаньян».

– Я уже пробовала, – сказала она доверительным тоном, – тишина.

Пустовалов нажал кнопку, послушал тишину и, ничего не сказав, прошел через сочленение в среднюю часть вагона.

Горилла тем временем совсем охладела к «д'Артаньяну», отпихнула его ногой и теперь совсем недобро глядела на Пустовалова.

Пустовалов пооткрывал форточки во всех окнах по правой стороне, нажал кнопку внутренней связи у третьей двери и, добравшись до конца вагона, где сидела девушка с игрушечным крокодилом, через стеклянную дверь заглянул в соседний вагон. Девушка с крокодилом следила за ним своими глазами-льдинками.

– Что-то случилось? – спросила она, вынув из уха наушник.

Пустовалов пожал плечами и направился к ближайшей двери, у которой развел руки в стороны, коснулся кончиками пальцев внутренних панелей, и стал осматривать дверь как опытный эксперт картину.

Девушка с крокодилом не спускала с него глаз. К ним подошла брюнетка.

– Думаете, что-то серьезное?

Пустовалов снова не ответил. В это время заморгал свет.

Все подняли головы к потолку. Пустовалов потрогал пластмассовую крышку под стеклом, поддел пальцем пломбу.

– Эй! – из глубины вагона на него двигалась горилла. – Ты че делаешь?!

Девчонка с крокодилом уставилась на приближающегося Зверя. Тот сверкнул в ее сторону глазками, но она даже не думала отводить взгляда – будто любопытный ребенок у клетки в зоопарке.

Пустовалов вернулся к стеклянной двери в торцевой части.

Соседний вагон был первым – в дальнем его конце у перегородки с кабиной машиниста стояли два коренастых азиата в пестрых куртках и высокий улыбчивый парень в тяжелых ботинках «Конверс». Других пассажиров там не было. Пустовалов постучал по стеклу и показал парню пальцем в сторону кабины. Парень в ответ развел руками – дескать, уже пробовали, и результата нет. Тогда Пустовалов приложил ладони к щеке и наклонил голову влево. Парень кивнул, еще раз постучал по перегородке и приложил ухо к двери, затем помотал головой. Пустовалов подергал ручку межвагонной двери, оглянулся, посмотрел на окружавшие его лица.

Лица вопроительно глядели в ответ. Пустовалов мягко отстранил темноволосую девушку, подошел к двери и неожиданно уверенным движением, будто всю жизнь этим занимался, сорвал пломбу и дернул на себя крепежное ушко дверной створки. Раздалось тихое шипение. Пустовалов

просунул ладонь в дверную щель и энергичными рывками протолкнул дверную створку влево.

Горилла наморщила покатый лоб.

В эту же секунду погас свет, и все ощутили, что значит крошечная тьма на глубине пятидесяти метров.

Свет вскоре зажегся, но горел теперь тускло, словно ему не хватало напряжения.

Пустовалов выглядывал в туннель, ощущая густой запах пыли, креозота и металлической стружки. Справа царил крошечная тьма. Слева было чуть светлее, хотя Пустовалов подумал, что фары должны гореть ярче.

Девушка с крокодилем все же беззастенчиво-детским взглядом следила за его действиями.

– Что там? – спросила она.

Пустовалов не высовывая головы, что-то сказал в темноту.

– Чего?

– Там, похоже, клапан сломан, – сказал Пустовалов, возвращаясь в салон.

– Дружище, ты как себя чувствуешь? – тоном участливого отца-командира поинтересовалась у него горилла. – Головушка не болит?

Свет снова заморгал. Кроме того, на этот раз над головой раздались какие-то щелчки.

Пустовалов застегнул куртку и, перехватив рюкзак через плечо, стал нащупывать ногой ступеньку.

– Вы куда?! – изумленно спросила девушка с крокодиллом.

– Связь не работает, – сказал Пустовалов, спускаясь. – С электричеством проблемы. Машинист... либо в отключке, либо его нет в кабине. Здесь происходит что-то странное, но мне некогда выяснять, что именно.

Сказав эти слова, Пустовалов исчез, но его голос вернула девушка с крокодиллом.

– Подождите! Куда вы идете?!

– Проверю машиниста.

– А потом вернетесь?

– Вряд ли.

– И даже не скажете, все ли в порядке с машинистом? – спросила брюнетка.

Лицо Пустовалова показалось из темноты на уровне пола, он посмотрел снизу на ее длинные ноги.

– Если все в порядке – вернусь, а если нет, то – зачем?

После этих слов лицо Пустовалова исчезло в темноте. На этот раз окончательно.

– Подождите! Я с вами! – девушка с крокодиллом проскользнула между «медведем» и брюнеткой и, выглянув в проем, неожиданно ловко спрыгнула на узкий отбойник.

– Здесь не задавит? – услышался ее приглушенный голос.

– Тут специальный парапет, – ответил ей уже отдалившийся голос.

– А контактный рельс?

– Он с другой стороны.

В вагоне снова погас свет. А когда через пять секунд он зажегся, то уже совсем едва горел, как в какой-нибудь древней шахте. Да и работали теперь далеко не все светильники.

Брюнетка уверенно подошла к открытой двери, посветила дисплеем айфона и тоже стала спускаться.

– А ты куда? – грозно сдвинул брови Харитонов.

– Пошел ты!

Великан следил за движениями ее тела, пока не погасли последние лампы.

– Зато можно отоспаться на халяву, – прозвучало в темноте.

Когда скудный свет снова зажегся, великан оглянулся, но обнаружил лишь пустые сиденья в цветочном аромате женских духов и густую тишину, разъедаемую эхом отдалявшихся шагов.

Пустовалов обошел кабину перед затухающими фарами. Заглянул в правый зазор – в нос ударил спертый запах пыли. Дверь в кабину была открыта, в самой кабине пусто, хотя внутри стоял густой табачный дым. На этот раз свет долго не зажигался. В кабине что-то мигало напротив сиденья, и мерцал дисплей над головой. Пустовалов посветил крошечным фонариком. У датчика, за основным пультом, на полу

валялся какой-то предмет. Приглядевшись, Пустовалов увидел краешек пачки сигарет «Винстон», чуть поодаль пластмассовую зажигалку и дешевую авторучку – как будто машинист вывернул карманы или обронил их содержимое. За креслом чуть в стороне лежало что-то мелкое, похожее на хозяйственный штопор, Пустовалов попробовал дотянуться, но предмет лежал слишком далеко, а пачку куртку от «Стон Айлэнд» ему не хотелось.

Пустовалов вздохнул, по привычке приподняв брови, и в этот момент из глубины туннеля со стороны Авиамоторной выкатился странный звук – будто металлический шарик упал с высоты на каменный пол и, подпрыгивая, стал приближаться. Между поездом и туннелем царил беспросветная тьма, только в окне первого вагона светились дисплеи смартфонов.

– Что там? – спросила стоявшая за его спиной девушка с крокодилком.

– Ничего.

К девушке присоединилась брюнетка. Ее немного напуганное лицо выхватил свет фонарика.

– Может, он пошел в последний вагон, чтобы ехать обратно?

– Почему по туннелю, а не по составу? И почему оставил сигареты?

– Не знаю.

– Народ! Эй! – раздалось из первого вагона. – Помогите

выбраться, плиз!

Голос видимо обращался к «д'Артаньяну», который как раз пробирался вдоль первого вагона. Чуть дальше в глубине материлась спотыкающаяся горилла.

– Мы просто вскрыли дверь, – сообщил «д'Артаньян».

– Мы тоже пробовали. Не получается, – пожаловался парень через форточку.

– А может, так быстрее? – предположила девушка с крокидом. – Или им так положено по регламенту?

– Почему тогда не видно света его фонаря? И что с электричеством? И вообще, – Пустовалов глянул на светящийся в темноте циферблат, – вариант «обратно» мне не подходит. Кто-нибудь знает, как далеко следующая станция?

– Мы проехали примерно половину. Может, чуть меньше, – сказал подошедший Виктор.

– Это сколько в метрах?

– Вы площадь Рогожской заставы знаете?

– Да.

– А торговый центр «Город»?

– Мы сейчас под ним?

– Примерно.

– Ясно, значит километра полтора. – Пустовалов двинулся по туннелю.

– Эй! – крикнула ему выбравшаяся, наконец, горилла, – умник, помочь не хочешь?

– Чем? – спросил Пустовалов, не останавливаясь.

– Помоги открыть дверь.

Голос Харитоновна звучал в темноте громко и раскатисто.

– А вы что, инвалиды? – Пустовалов уже был в метрах в двадцати. Он остановился, чтобы уменьшить яркость экрана смартфона.

– Народ помогите, плииииз, у меня клаустрофобия! – орал парень в первом вагоне. – Тут так темно!

Пустовалов констатировал, что потерял шансы на душ и переодевание. Возможно, он даже не успеет подняться в квартиру.

Он прошел уже полсотни метров, освещая пространство перед собой, чтобы не споткнуться о какой-нибудь провод. Как вдруг неожиданно замер. Его ушей снова коснулся тот самый звук. Звук пришел спереди. Он был таким же тихим и далеким, но на этот раз... На этот раз Пустовалов его узнал.

Он долго стоял, не двигаясь, как загипнотизированный, глядя в темноту перед собой.

Затем медленно оглянулся, в задумчивости посмотрел на поезд. Перед черной мордой умершего состава в суетливых мерцаниях двигались силуэты. Доносились возбужденные голоса. Пустовалов вспомнил о предмете в кабине управления и зашагал обратно к поезду.

Подойдя, он увидел могучий корпус гориллы в полумраке левого зазора.

– На себя тяни! – басил он, и кто-то ему отвечал:

– Да тянем! Не получается...

На какую-то долю секунды в салоне снова мигнул свет, высветив три силуэта за окнами первого вагона.

Горилла косо посмотрел на Пустовалова, но ничего не сказал.

Сейчас он совсем не походил на пьяного разбойника. На смену неточным движениям пришли уверенность и хмурая рабочая молчаливость. Великан с невероятной силой снизу давил на дверь.

– Через кабину пробовали? – спросил Пустовалов.

– Закрыто с обеих сторон, – пыхтя, ответил «д’Артаньян», – я смотрел. Зато там, в дисплее, было какое-то движение.

– Каком еще дисплее?

– Сейчас вместо зеркал заднего вида стоят камеры, позади поезда кто-то двигался. Или что-то.

– Кто? – спросила брюнетка.

Парень пожал плечами.

– А что в других вагонах?

– В соседнем я видел кого-то. Там вроде ехал один человек.

– По-моему, там спал бомж.

– Если поезд и поедет, то очень нескоро.

– Херня какая-то, и телефон не работает. У всех так?

– У меня не работает.

– Сеть не ловит.

Слушая разговоры в темноте, Пустовалов поднялся в ка-

бину управления, осветил фонариком пол. Предмета не было. Пачка «Винстона» тоже сместилась и теперь лежала у дальней стены – видимо доходяга раскидал все вокруг, когда пялился в свой дисплей, но самую нужную вещь не заметил.

Отодвинув кресло, он стал внимательно осматривать пол и вскоре нашел, что искал. Трехгранный ключ лежал под блоком управления у перегородки. Пустовалов поднял его, вставил в скважину и открыл внутреннюю дверь.

– Идите сюда! – сказал он теньям в вагоне.

– Хвала господу! – высокий силуэт двинулся на Пустовалова.

Пустовалов остался в кабине, пропустив парня и двух невысоких азиатов из первого вагона. Тот, что был помоложе, ловко спрыгнул на отмостку вслед за парнем и что-то крикнул своему старшему приятелю.

– Э-э-э, электричка котоктун учу! – протянул в ответ второй, обдав Пустовалова запахом насвая.

Через минуту на путях перед кабиной собралась группа из восьми человек. Пустовалов смотрел на них через стекло кабины.

Освобожденный парень выглядел чересчур возбужденным.

– Спасибо! Спасибо, что не бросили, парни! И дамы! Я – Ромик!

– Виктор, – представился «д'Артаньян».

Пока они болтали, Пустовалов обыскивал кабину. В ящи-

ке за сиденьем он обнаружил большой аккумуляторный фонарь в форме куба и молоток. Прихватив и то, и другое, он спустился в туннель.

– Ну, что вы там нашли?

Пустовалов включил фонарь. Красный свет выхватил всех восьмерых. Все лица были обращены к нему. Лишь он один скрывался в темноте.

Пустовалов щелкнул тумблером. Красный свет сменился белым.

Сунув молоток в заднюю стропу рюкзака, он выжидал, пока беспорядочное мелькание дисплеев не отдалится на нужное расстояние. Из-за эха ему казалось, будто кто-то до сих пор стоит у него за спиной.

– Хоть у кого-нибудь ловит связь? – влетело в левое ухо.

– Не ловит, – отозвалось в правом.

Последней в колонне перед ним шла брюнетка. Пустовалов смотрел на ее аппетитный зад и думал о том, как это глупо – вот так застрять в метро.

Никто ничего не заподозрил, когда он вызвался следить за поездом. Впрочем, им теперь не до того – они только что осознали, что метро это не просто бесплатный интернет и плазменные панели с рекламными роликами, но еще и темная нора на глубине пятидесяти метров, до которой не до-

бираются даже слепыши и голые землекопы. Без привычных иллюзий и света здесь любое живое существо рано или поздно почувствует себя незванным гостем.

Пустовалов хорошо знал это чувство. Он всю жизнь его изучал. Он прыгал со «стены троллей» в Рамсдале и с моста над рекой Тарн. Спускался в буран на Валь Торенсе, освоил прыжки с трамплина, хотя это и отняло много времени. Он разгонял спортбайк до трехсот десяти километров в час, опускался на сверхнормативные глубины, посещал экстремальные китайские зоопарки. Тридцать два раза он прыгал с парашютом с большой задержкой, развивая скорость до шестидесяти метров в секунду... С высотой особенно хорошо удавалось нащупать момент перехода. Но Пустовалов не был адреналиновым наркоманом. От всех любителей риска его отличало наличие сложной системы подстраховок – надежные запасные парашюты, дублирующие тросы, дорогая экипировка, расчеты, матчасть, опытные инструкторы. Иными словами, прыжок Пустовалова с задержкой – не бесшабашный поступок, а скорее полет Боинга с многоуровневой системой защиты, где работу одного двигателя страхуют несколько запасных. Ему оставалось лишь контролировать собственное состояние, а это Пустовалов умел лучше всех. По правде говоря, он много времени посвятил тому, чтобы сделать экстремальное состояние естественным для себя, пока однажды не понял, что делать ему ничего и не требовалось – он был с рождения наделен этой способностью.

В тех ситуациях, когда пульс обычного человека ускорялся, у Пустовалова он замедлялся. Там, где обычный человек бежал, Пустовалов стоял, и если кто-то впадал в ступор, то Пустовалов проявлял чудеса быстроты и реакции.

Лишь однажды Пустовалов утратил контроль над собой – когда увидел, как лезвие кухонного ножа, замотанного изолентой у основания, режет нос его друга Вадика, но тот случай он себе простил, ведь ему было всего девять лет. И все же именно с той поры в нем родилась одержимость контролем.

Инстинкт гнал вперед, и сейчас Пустовалов хорошо ощущал его слабые волны. Он оглянулся на поезд, превратившийся в огромное черное пятно, и двинулся вперед, на луч фонаря, который передал Виктору. Раз он «д’Артаньян», то пускай первым и встречает неприятности. А неприятности, несомненно, будут – Пустовалов помнил о звуке, который впервые услышал десять лет назад на закрытом испытательном полигоне ЛАРС-1. Он не полагался на случай или ошибку, не увлекался самообманом и конспирологией. Он многому научился, тренируя и развивая свою природную способность контролировать инстинкты и, в отличие от полковника Басурова, он умел контролировать даже страх.

Пустовалов нагнал колонну и прислушивался к разговорам.

– Я тоже слышала про эти аварии.

– Это все из-за них?

– Но почему тогда не работает связь?

– А ты знаешь, на какой мы глубине?

– При чем тут глубина, я каждый день тут езжу, и всегда здесь работал телефон.

– Если авария на подстанции, то вышки сотовой связи тоже не работают.

Это голос «д’Артаньяна» Виктора. Возможно, студент технической шараги, подумал Пустовалов. Виктор водил лучом фонаря по стенам, увитыми проводами. Наверное, для него это какое-то приключение.

– Здесь должны быть стационарные телефоны. Смотрите на стены.

– И что? По ним можно звонить?

– Ага, вызвать такси, заказать пиццу.

Пустовалов решил, что заходить в квартиру теперь не будет. Не зная точно, кто стоит за Ясином, предполагать стоило самое худшее.

Лучше он сделает остановку в придорожной гостинице на подъезде к Твери. Но сейчас Пустовалова не беспокоил Ясин. Сейчас его беспокоил странный звук. Если впереди действительно существует опасность, то Пустовалов должен с ней разминуться.

Кто-то впереди ожесточенно выругался.

– Тихо-тихо!

– Что случилось?

– Тут какие-то провода.

– Это перемычки.

– Надо предупредить!

– Я же свечу....

Парень не договорил – где-то далеко-далеко впереди раздался душераздирающий вопль.

Виктор, шедший первым, резко замер, и все в колонне схватились друг за друга. Пустовалов вспомнил, что обезьяны в минуту опасности тоже хватаются друг за друга. Интересно, какую опасность они сейчас ощущают? В отличие от странного звука, этот вопль Пустовалова совсем не беспокоил.

Сам Пустовалов натолкнулся на Катерину, почувствовав ее упругое тело, резковатый запах лайма и мохито. Дешевый «кельвин кляйн», но это конечно лучше запаха крысиного дерьма и перегара из пасти гориллы, которую, как он понял по обрывкам разговоров, звали Иваном.

– Ты живешь в этом районе? – спросил он, убирая руки с ее поясицы.

– Жила, – ответила девушка с театральной обреченностью.

– На Площади Ильича есть переход?

– Да, на Римскую.

– Где именно?

– В смысле, «где»?

Девушка повернула голову вполоборота. В полумраке ее профиль выглядел обворожительным: упругая гладкая кожа, чуть приподнятый «женский» нос, сверкающие от воз-

буждения скулы. Пустовалов любил красивых женщин. Он, разумеется, избегал длительных связей и девушек выбирал из числа небогатых студенток. И эта явно не избалованная деньгами девочка со смазливym лицом и первоклассной фигурой вполне могла бы стать одной из его подруг на одну ночь. Где-то впереди шла еще одна худая девчонка, она, конечно, не обладала таким зарядом сексуальности, но в чертах ее лица таилось нечто возвышенное. Что-то такое, чего прежде он никогда не встречал. Вот только казалось, будто мрачное выражение лица притупляло ее красоту, как глыба льда притупляет свет.

– Я имею в виду, где он на станции?

Девушка призадумалась.

– Он... вроде бы в центре.

– Справа или слева?

– Что?

– От нас справа или слева?

– По-моему слева, я точно не помню, а... это имеет значение?

Пустовалов не ответил и девушка добавила:

– Там сложные выходы наверху. Я в них вечно путаюсь.

– Наверху платформа «Серп и Молот», – подхватил Ромик. – Куча переходов и настоящий вавилон.

– Но это же неважно? – спросила девушка вполголоса, обращаясь к Пустовалову. – Главное выбраться отсюда?

Пустовалов смотрел на девушку. Он больше других по-

нимал ее состояние, для этого даже необязательно слышать обеспокоенность в ее голосе. Чувство дискомфорта, вызванного резкой сменой обстановки, перерастающего в страх. Плюс этот...

– Вы слышали?! Только что!

Пустовалов слышал. Не тот самый звук, какой-то новый. Тяжелый металлический грохот, но очень далекий – как будто на другом краю Москвы рухнуло колесо обозрения.

– Что это?

– Хрен его знает.

– Апокалипсис! – воскликнул Ромик. – Там наверху полный хаос!

– Мы все умрем?

– А может, уже умерли?

– И по этому туннелю идем не мы, а наши души?

– Ага, души пассажиров метро.

Катя засмеялась.

– А что, – подхватил Ромик, – будет тебе смешно, если ты сейчас вернешься в вагон и увидишь там собственное мёртвое тело?

– Пускай лучше моя душа остается в неведении. Я туда не вернусь.

– А я бы вернулся.

– Ты извращенец!

Все засмеялись.

– Офигеть, какие вы все испорченные.

– А зачем ты хочешь вернуться?

– Может, он хочет полазать по чужим карманам?

– А зачем призракам деньги?

– Кое-кто задает много тупых вопросов.

Ну вот, подумал Пустовалов – одни и те же фрагменты одного и того же кошмарного сна. Как быстро люди сближаются в замкнутом пространстве.

– Просто мне почему-то кажется, что надо было идти назад.

– Так чего же не пошел? – спросил Пустовалов.

– Не привык отрываться от коллектива. Кроме того, я боюсь темноты.

– А если там все закрыто, нас могут не выпустить? – спросила Катя, повернув голову к Пустовалову.

– Могут, – сказал Пустовалов и поглядел на Харитонову. – Но среди нас есть те, кого это не остановит.

Когда далеко впереди показался светлый квадрат станции и путь пошел в гору, Пустовалов крикнул Виктору, чтобы он выключил фонарь.

– От кого палимся? – заговорщицки спросил Ромик.

– А ты этот фонарь в магазине купил?

Виктор выключил фонарь.

– А телефоны тоже?

– Да.

Харитонов остановился, пропуская остальных.

– Ты поэтому вернулся? – спросил он из темноты, когда

Пустовалов поравнялся с ним.

– О чем ты?

– Ты не из тех, кто первым рвется в бой, да?

– А ты из тех, кто всюду видит бой?

Теперь горилла шел следом, и запах лайма смешивался с запахом перегара.

– Слушай внимательно, я спрошу только один раз: в правое ухо или в левое?

Пустовалов улыбнулся в темноте.

– Побереги силы.

– Для чего я должен беречь силы?

– Думаешь, хуже быть не может?

– Может. Но не таким как ты об этом рассуждать.

– Если будешь продолжать, ты вернешься туда, где все началось.

– Ты понятия не имеешь, о чем говоришь.

Пустовалов засмеялся.

– Ты просто не понимаешь, что сам же идешь туда.

– Мой вопрос в силе.

Пустовалов обернулся.

– Я вернулся за этим.

Перед лицом Харитонова появился молоток.

– Зачем он тебе?

– Пригодится, если выход со станции будет закрыт. У меня сегодня еще есть планы, и встреча с полицией в них не входит.

Харитонов явно не поверил ему, но Пустовалов знал, что в планы гориллы тоже не входила встреча с полицией, а значит, выбора у этого злобного зверя нет.

– Почему там так темно? – спросила Катя.

Пустовалов и Харитонов посмотрели вперед.

Проем действительно выглядел чуть светлее самого туннеля.

– Я же говорил! – воскликнул Ромик. – Блэкаут. Такое уже было в Москве...

– Не гони.

– Мы просто мелкие были, но вот старички наверное помнят аварию на Чагинской подстанции. Я читал про это.

– Звучит убедительно, – впервые подала голос «мрачная» девушка, – но почему тогда там так тихо? Где уборщики и дезинфекторы?

– Откуда девушке в бомбере от «Ив Сен Лоран» известно про дезинфекторов?

– Это просто логично.

Пустовалов отошел в сторону и снова стал что-то настраивать на своих часах. Того странного звука он больше не слышал, но ухо следовало держать остро. Бугай что-то заподозрил и теперь хмуρο поглядывал на него, но Пустовалова он не очень беспокоил.

– Не отставай! – крикнул он.

– Не шуми, – ответил Пустовалов, который был уже в двадцати метрах позади.

– Мы все равно в одной лодке.

– Нет никакой лодки.

Пустовалов пропал из вида, скрывшись в темноте туннеля.

Харитонов все еще присматривался.

– Эй. Ты сбежал что ли?

Он глядел мимо Пустовалова, который стоял на дроссель-трансформаторе и хотел уже повернуться к остальным, но его остановил голос из темноты:

– Слушай, командир, лучше дай команду, чтобы все заткнулись.

Глава 8

Площадь Ильича

Виктор ловко забрался на край платформы и вместе с азиатами помог девушкам. Харитонов едва не оглушил всех, повиснув на щите. Забирался он медленно, используя для этого все четыре конечности, как старая коала.

Пустовалов вышел последним, озираясь и щурясь, словно заспанный кот. Ему никто не подал руки – он ведь мужчина да к тому же довольно спортивного вида. Хотя Пустовалову очень не хотелось пачкать руки, ему все же пришлось коснуться грязного пола, после чего он тщательно оттирал ладони влажными салфетками.

Бросив салфетки на рельсы, Пустовалов первым делом достал смартфон. Часы показывали 01:44, устаревший прогноз погоды в Москве, схематичное изображение луны и падающего снега. И надпись – нет сети.

На станции царил полумрак. Тусклый свет исходил лишь от нескольких ламп в виде металлических молний, да и тем явно не хватало мощности. Многочисленные тени прятали углы, поглощали пустоты и ниши, а каждое движение, вздох или шорох заставляли тревожно оборачиваться. Но Пустовалов понимал, что могло быть и хуже, если действительно произошла какая-то авария. Быть может, этот полумрак – заслуга резервного питания. Часы над туннелем не работа-

ли. Платформу от небольшого зала отделяли исполинские кубические пилоны из темно-красного мрамора – настолько огромные, что зала с платформы практически не было видно.

Тихие разговоры и смех катились в разные стороны, утекали меж пилонов, уносились по ступеням в порталы перехода на Римскую и в туннели. Пустовалову казалось, что их слышно во всех закоулках, туннельных укрытиях и заброшенных, погруженных во тьму туалетах, построенных на случай ядерной войны, и все, кто прячется в тенях этих черных, чуждых человеку мест пробуждаются от многолетнего сна и тоже прислушиваются.

Пустовалов вышел в главный зал, когда Виктор с азиатами уже подходили к эскалаторам. Станция выглядела мертвой, будто ее законсервировали или забросили лет пять назад, несмотря на множество оставленных следов – видимо все дело в тусклом свете и непривычной для метро тишине. На гранитных полах темнели и пересекались многочисленные дорожки следов. Вдоль пилона, напротив перехода, валялась пара использованных проездных билетов, обертка от чипсов «Lays» и сложенная вчетверо «Комсомольская правда».

Здесь явно не приступали к вечерней уборке. Пустовалов поглядел на бутылку из-под пива, оставленную на первой ступеньке. Из трех порталов перехода на Римскую на него опускалась густая непроглядная тьма.

Он не спешил, будто принохивался. Подходя к кабинке дежурного, он единственный заметил выдавшуюся сумку «Adidas» со сломанным карабином ремешка. В таких обычно носят инструменты. Она стояла у металлического щита с декоративными накладками в виде множества пересекающихся ромбов. В левой части щита висел замок, а в правой угадывались петли, и Пустовалов понял, что этот щит укрывает торец гермоворот, которые при выезде превращали станцию в огромное бомбоубежище.

С вершины эскалаторного тоннеля косоватым куполом падал рассеянный свет, будто в пещере. Это свечение и доносившийся сверху механический гул приободрили Пустовалова. Настороживший его звук явно пришел не отсюда. Возможно, их пути разошлись. Оно и к лучшему – он и так хлебнул неприятностей в этот день, пора бы им на сегодня закончиться. Да, пускай он не успеет в квартиру на Флотской – не так уж и много он потеряет. Главное добраться до неприметной «Вольво С80», предусмотрительно припаркованной в семистах метрах к северу от дома, на небольшой стоянке под вязом. Даже если ясинские люди поджидают его на квартире, до «Вольво» им так быстро не добраться. Как минимум до полудня ее не вычислят, а к тому времени он уже переседет на «Тойоту Короллу», которая ждет его на Тракторном проезде в городе Валдай. Настроение его улучшилось.

Оглянувшись на темную станцию, в торце которой крепился тяжелый барельеф с изображением Ленина, стал под-

ниматься. В отличие от остальных, он пошел не по центральному, а по левому эскалатору.

Пустовалов быстро догнал Харитонову, который заметно отставал, и теперь они поднимались вровень по соседним эскалаторам. Великан смотрел вверх, на Катю, но услышав тонкий писк на часах Пустовалова, повернул голову.

– Что они с тобой сделают, когда поймают?

– О чем ты, приятель?

Харитонов сплюнул, начиная отставать от Пустовалова.

– У тебя интересные часы – идут задом наперед.

Пустовалов усмехнулся.

– Я, кажется, понял, почему тебя никто не выносит.

Харитонов захрипел, пытаясь одновременно рассмеяться и подавить приступ одышки.

В следующую секунду резкий свист вынудил их повернуть головы.

Сверху по третьему эскалатору спускался полный мужчина, которому свистели и кричали ребята, но толстяк их игнорировал. Он выглядел необычно: сверкающая лысина, по краям которой свисали длинные засаленные волосы. На мясистом лице старомодные квадратные очки. На толстых губах в окружении кустообразной щетины играла придурковатая улыбка.

– Эй! – крикнул ему Харитонов.

Толстяк повернул к нему свое лоснящееся лицо.

– Че тут бл.. происходит?!

– Уже все в порядке, – ответил толстяк неожиданно четким интеллигентным голосом.

– И что было?

– Каскадная авария.

Толстяк двигался, не сбавляя хода.

– Ты работаешь тут?

– Ага, – ответил он, погружаясь во тьму, – электриком.

Пустовалов вздохнул и посмотрел вверх.

На вершине эскалатора стоял Виктор и махал руками.

– Что там? Открыто?! – крикнула ему Катя, которой предстояло преодолеть еще треть эскалатора.

– Непонятно! Но тут, по крайней мере, светло!

– Лысый пидар врет, – тихо сказал Харитонов.

Пустовалов с интересом на него посмотрел.

В вестибюле действительно было светло – горели все люминесцентные лампы, отражаясь в мраморных стенах. Пустовалов не спешил – оставаясь у эскалатора, он тряс забитыми ногами, пристально следя за азиатами и Виктором, которые за турникетами поочередно дергали внешние стеклянные двери левого портала. Судя по всему, они все были закрыты.

Пока Харитонов, сметая металлические ограждения, двигался к ним, Пустовалов огляделся. По обе стороны от него располагались обычные деревянные двери. Еще одна дверь за турникетами, ведущая в помещение касс, была распахнута, внутри горел свет, и Пустовалов видел часть стены, по

которой равномерно двигалась тень, похожая на гигантский лепесток.

Сместившийся в расширенный вестибюль шум оставил Пустовалова в относительной тишине. Он заметил, что девушка с глазами-льдинками, которую звали Даша, стояла рядом с ним неподалеку и тоже не спешила к остальным. Пустовалов видел ее со спины, часть нежной шеи и щеки вздрагивали, будто от холода. Она сжимала что-то перед собой, и он вспомнил об игрушечном крокодиле.

Внезапно тихий звук привлек его внимание. Пустовалов посмотрел на правую дверь под потухшим лайтбоксом «Полиция». Подошел к ней, прислушался и отчетливо разобрал тихий стон, затем осторожно потянул дверь – несмотря на кодовый замок, она поддалась.

Он сразу понял почему – выходящие отверстия ригелей были заклеены скотчем. Заглянув в помещение, Пустовалов сильно удивился. Хотя любой другой человек перепугался бы до смерти. На него из-за решетки обезьянника в абсолютной тишине глядели несколько пар глаз.

Пустовалова не только удивила и насторожила эта неестественная тишина – не менее странным был вид «заключенных». Меньше всего они походили на хулиганов, а больше на самых обычных пассажиров метро. Тинейджер в темной парке, немолодая женщина, похожая на бухгалтера. Крепкий выбритый мужчина лет шестидесяти. За ним теснился кто-то еще и там же кто-то тихо стонал. Мужчина в кожаной куртке

приложил палец к губам:

– Тсс!

Пустовалов, с трудом оторвав от них взгляд, быстро оглядел крохотное помещение: стол, мониторы, решетка, замок, шкаф, дверь. Ничего особенного, но что-то было не так.

– Помогите нам, – еле слышно прошептал мужчина.

Пустовалов перевел на него вопросительный взгляд.

– Позвоните в полицию.

– Вас закрыла полиция? – также тихо спросил Пустовалов.

– Позвоните, – прошептал тинейджер, – у нас отобрали телефоны.

– Покажите ему, – сказала женщина-«бухгалтер».

«Заключенные» расступились, и Пустовалов увидел на скамье у стены полицейского. Он сидел неподвижно, сильно закинув голову назад и закрыв глаза. Всю нижнюю часть лица его закрывал платок, насквозь пропитанный кровью. Кровь стекала несколькими ручейками по подбородку на черный полицейский китель, брюки и весь плиточный пол в «обезьяннике» был обильно закапан его кровью.

В этот момент в помещении за дверью раздался однократный стук, как будто сдвинули со скрипом что-то тяжелое. Пустовалов насторожился. Не спуская глаз с двери, он аккуратно по-кошачьи шагнул в помещение и вытянул шею. На стуле за столом он заметил округлую кевларовую поверхность, и увиденного ему хватило, чтобы достроить общую картину. Большого не требовалось. Он понятия не имел, что

происходит в этом проклятом метро, но то, что происходит именно здесь, он понял. И потому медлить не стал.

– Вызовите полицию и ФСБ, – сказал мужчина, – они опасны.

Пустовалов кивнул и шагнул за дверь.

– Вы там видели второго? – спросила женщина.

– Второго? – удивился Пустовалов.

– Он где-то там, – женщина указала за спину Пустовалова.

В это время за дверью раздался звук спуска воды из туалетного бачка, и Пустовалов поспешно закрыл дверь.

Развернувшись, он натолкнулся на Дашу. Ее большие глаза-льдинки смотрели вопросительно снизу вверх, и Пустовалов задержал взгляд на ее красивом лице.

– Что там? – спросила она.

Помимо любопытства он увидел в ее глазах еще кое-что. Доверие.

– Ничего хорошего, – ответил Пустовалов, отстраняя девушку, – не стоит здесь оставаться.

Пустовалов зашагал к эскалатору.

В это время Виктор, заметив его, закричал:

– Ну! Где вы ходите?!

Он демонстративно открыл и закрыл первую стеклянную дверь.

Однако вид и поведение Пустовалова охладили его пыл. Пустовалов, едва посмотрев в его сторону, коротко мотнул головой. Виктора не более чем озадачило такое поведение,

но Иван Харитонов на редкость быстро сообразил. В это время из перехода выкатился истошный вопль и Пустовалов понял, что он принадлежал одному из азиатов, которые уже покинули метро. В следующую секунду Пустовалов рванул на эскалатор. Следом за ним последовала Даша, потому что, во-первых, находилась к нему ближе всех, а во-вторых, по какой-то интуитивной причине доверяла ему. Одновременно Харитонов, оттолкнув металлический разделитель, бросился к эскалатору, но остановился, привлеченный оглушительным ударом за спиной. В метро ворвался окровавленный киргиз и, пронзительно вереща, побежал к эскалаторам. За ним побежали и остальные, но прежде они успели заметить, как второй азиат пролетел за стеклянными дверями, будто запущенный кем-то мяч, и с глухим стуком приземлился за колоннами.

Пустовалов бежал по эскалатору первым, но вскоре его обогнал азиат. Следом бежала Даша, за ней – Харитонов, оглушительно топая и грозя проломить эскалатор. Виктор бежал за Дашей, а Ромик с Катей – по соседнему эскалатору.

– Ауааммеааа!!! – бесновато раздалось сверху. Кто-то там наверху с нечеловеческой силой разбрасывал ограждения.

Под топот ног где-то позади слева визжала от страха Катя.

Азиат первым выскочил на станцию и скрылся под сводом. Следом выбежал Пустовалов, на ходу заметив, что сумка «Adidas» исчезла, также как и навесной замок на металлической двери. Азиат уже преодолел половину зала и умчался

вверх по лестнице перехода на Римскую.

Пустовалов пробежал дальше, миновал ближайший пилон и спрятался за следующим. Харитонов, обогнавший Дашу, последовал за ним. Оба тяжело дышали. Пустовалов морщил лоб, выглядывая из-за угла. По центру зала к ним летели Ромик, Виктор и девушки.

Виктор замешкался у перехода, но видя, что Даша с Катей помчались к пилону, за которым стояли Харитонов с Пустоваловым, развернулся, натолкнулся на Дашу и едва не упал. Даша выронила плюшевого крокодила, который приземлился на первую ступеньку перехода. Виктор потянул Дашу за собой, и тотчас на станцию опустился гортанный вопль.

Пилон был настолько широк, что с запасом укрывал всех шестерых.

– Заткнитесь, – сказал Пустовалов, протягивая Харитонову молоток. – Встань с краю.

Харитонов молча взял молоток и, заметив в другой руке Пустовалова пистолет Walther PPX M1, бросил на него короткий насмешливый взгляд – дескать, так я и думал.

Воинственные вопли тем временем приближались, и это действительно было страшно.

– Они убьют нас?! – прошептала Катя.

– Если будете шуметь.

– О боже!

Катя зажала рот обеими руками.

– Аммоооуу! – выкатился под своды вестибюля оглуши-

тельный крик.

– Если пойдет с твоей стороны, – Пустовалов указал пальцем на Харитонову, – свали его на рельсы!

Даша стояла рядом с Пустоваловым и не сводила с него глаз. Зрачки ее были расширены, так что глаза-льдинки стали теперь сияющими угольками. Глядя в эти глаза, Пустовалов приложил палец к губам.

Стало тихо.

– Айлуааааээээсссс! – раздалось совсем рядом.

Пустовалов присел на одно колено, прижавшись плечом к холодному мрамору. Он видел фрагмент пилона и часть стены на другой стороне. Проблема в том, что если они оба пойдут проверять зал, то шансов у него нет. Непонятны их намерения, но Пустовалов не ждал ничего хорошего.

Через несколько секунд перед ним вытянулся конус светодиодного луча. Ярко осветив грань соседнего пилона, он переместился на бронзовое лицо Ленина, прошелся по другим пилонам, беломраморным просветам путевых стен и исчез.

Услышав громкие шаги где-то над головой, Пустовалов понял, что преследователь убежал в переход.

– Убежал, – прошептал Ромик.

– Тихо! – скомандовал Пустовалов. – Сейчас придет второй.

– Второй?!

– Будь готов, – бросил он Харитонову. – Этот пойдет сюда.

Пустовалов вспомнил о кевларовой сфере. Если Пустова-

лов не попадет в голову под баллистическим шлемом с первого выстрела, ему придется прыгать вправо, но шансов у остальных не будет.

Он был уверен, что если второй профессионал, то пойдет по центру, поочередно оглядывая пилоны, затем осмотрит платформы. Он двигался намного тише. Только через полминуты раздались тихие шаги по платформе и через несколько секунд сдержанное дыхание совсем рядом.

Он медленно приближался. Его шаги глушили мягкие подошвы и правильная постановка стопы, но Пустовалов слышал шуршание одежды. Он, конечно, не слишком усердствовал – в конце концов, он имел дело с обычными пассажирами метро.

Пульс Пустовалова привычно замедлился. Он направил ствол «Вальтера» в то место, где примерно должна была появиться голова на фоне пилон. В шлеме или нет? Высок он или нет? Глаза привыкли к темноте. Пустовалов поставил на высокий рост.

Раздался треск рации. Тихий, но совсем рядом. Четыре-пять метров.

Могучие легкие извергли слова на непонятном языке.

Пустовалов продолжал целиться в колонну напротив. Его беспокоило, что на другой стороне гораздо темнее, если он пойдет там, то...

В поле зрения показался кончик ствола. Пустовалов узнал винтовку FN SCAR-L. Автомат был направлен в их сторо-

ну. Он слишком медленно, чересчур медленно двигается для того, кто не знает, где они прячутся.

Он словно ждал, когда Пустовалов выглянет, но Пустовалов этого делать не собирался. Он не спускал глаз с кончика ствола, превратившись в статую стрелка. Пульс сократился до тридцати семи ударов в минуту.

На какое-то время показалось, что ствол автомата движется, но все расплывалось в полумраке. Может быть, там уже и нет никого? Он слышал дыхание, но не видел его. Текли секунды. Чего же он ждет?

Все просто, он ждет, когда ты выдашь себя. Но его самого выдала рация. Пустовалов буквально над собственным ухом услышал ломанные английские «shit» и «here».

Могучие лёгкие выдохнули сложный звук. На этот раз Пустовалов отчетливо слышал его шаги. Через несколько секунд звук шагов раздался над головой и стал отдаляться.

Пустовалов выглянул из-за пилона.

С первой ступеньки перехода на него смотрел плюшевый крокодил.

Он поднялся и бегом пересек зал. Все побежали следом, прыгнули на темные пути. Виктор зашипел от боли, неудачно приземлившись. Роман подхватил Катю под мышки, а Харитонов, смотрел в спину Пустовалова, который, перепрыгнув через треугольный знак, не оглядываясь, уже бежал к туннелю в сторону Марксистской.

Глава 9

Марсистская

Как только Площадь Ильича скрылась за туннельным изгибом, Пустовалова догнал задыхающийся Харитонов.

– Что это было?

– Понятия не имею.

В равномерных вспышках света возникала и пропадала крепкая фигура. Пустовалов поискал глазами Виктора.

– Ты сохранил фонарь?

– Да, вот.

– Видел, кто это был?

– Кто за нами бежал? Нет, но это был... кто-то очень-очень здоровый.

– Так ты видел или нет?

– Краем глаза, просто движение за стеклом.

– А ты? – обратился Харитонов к Пустовалову. – Он же был прямо перед тобой.

Пустовалов покачал головой.

– Я видел только его «скар эйч».

– Чего?

– Штурмовая винтовка.

– И что все это значит?

– Не знаю, но на черном рынке достать такую очень трудно.

Пустовалов отвернулся, продолжив шагать по туннелю.

– А на каком языке он орал?

– На арабском, наверное, – предположил Ромик.

– Это не арабский, – уверенно заявила девушка с глазами-льдинками. – Это плохой английский некоренного носителя из французской колонии в латинской Америке.

– Откуда тебе знать?

– Возможно, французская Гвиана.

– Ты хочешь сказать, что поняла, о чем он кричал? – спросил Пустовалов.

– Он требовал, чтобы мы остановились.

– Бред! Зачем мы им нужны?

– Если они захватили метро, то...

– Захватили метро? Что за чушь!

– Ну, или станцию, не знаю...

– Что-то произошло... Там наверху. Может, какие-то террористы чего-то и захватили, но чтобы метро... Какая-то глупость.

– Террористы?

– Ну, ИГИЛ или что-то такое.

– И что можно захватить на Площади Ильича?

– Откуда я знаю! Я просто говорю, что мы не знаем всего. Харитонов снова догнал Пустовалова.

– Ты уверен, что мы идем верной дорогой?

– А у нас есть выбор?

– Я пойду назад, – заявила Катя.

– Ты что шутишь? – удивился Ромик.

– А с чего вы взяли, что мы им нужны?

– Это шок, – пояснил Виктор.

– Это не шок! Они что, по-вашему, сидят там и ждут нас?

У них там какие-то свои дела. Мы просто попались под горячую руку.

– Ты же визжала на все метро!

– Что, хочешь вернуться к этим обезьянам? – повернулся к ней Харитонов.

– Обезьяна это ты!

– Значит, там, в вагоне, я был прав насчет тебя?

– Да пошел ты!

Виктор ускорил шаг, догнал быстро отдаляющегося от всех Пустовалова, который достал из рюкзака шоколадный зонтик Simon Coll и принялся разворачивать обертку.

– Послушайте, на Площади Ильича, в том помещении, что вы видели?

– Кевларовый шлем и людей в обезьяннике, – Пустовалов отправил шоколадную конфету в рот.

– Людей?

– Они зачем-то запихнули в обезьянник обычных пассажиров. Как сельдей в бочку. И среди них был сильно избитый мент.

Виктор нахмурился.

– Тебя ведь зовут Виктор? – спросил Пустовалов.

– Ага.

– Ты инженер?

– Учусь в физтехе.

Пустовалов обернулся в туннель, где в полумраке мелькали усталые лица.

Катя отставала от остальных метров на пять.

– Как думаешь, отсюда можно выбраться не через станции?

– Из тоннеля? Ну, если представить метро как гигантское бомбоубежище, то оно должно делиться на автономные отсеки, и каждый такой отсек по идее должен иметь свой герметичный выход. Но я сомневаюсь, что мы сможем его открыть, даже если найдем.

Пустовалов кивнул и погрузился в свои мысли, пока его не оглушил девичий визг.

Метрах в пятнадцати луч фонаря осветил Харитонову и Катю, которую тот крепко держал за запястье.

– Еще один вопль и я сломаю тебе руку, – говорил великан.

– Этот придурок опять за свое, – закатил глаза Виктор.

Девушка с ненавистью глядела на Харитонova.

– Роман, свети, – приказал Харитонов.

Луч уткнулся в его плотный затылок, переходящий в медвежью шею.

– Что ты делаешь? – крикнул Пустовалов.

– Провожу воспитательную работу.

– Слушай, я видел, какую работу провели с ментом твои

родственники из Гвианы.

– Лучше поинтересуйся у этой шлюхи, что она собиралась сделать.

– Это преступление! – жестким голосом заявила Катя. – Отпусти меня сейчас же! Я иду домой.

Вопреки ожиданиям, Пустовалов не увидел в лице девушки страха, оно было перекошено от гнева.

– Это не называется идти домой, дура, это называется под-вергнуть всех риску.

– Какому риску? Я никого не заставляю идти со мной!

– Ты с ума сошла! – поддержал великана Ромик.

Катя с силой дернула руку на себя, и, судя по тому, как вспышка боли отразилась на ее лице, с таким же успехом можно дергать руку, зажатую в дубовой колодке.

– Что ты делаешь?!

Катя посмотрела на Пустовалова.

– На кого ты смотришь? – усмехнулся Харитонов, притягивая девушку к себе. – Ему плевать на всех, кроме себя. И этот тоже не поможет...

Харитонов словно видел отражения в глазах девушки.

– Там, в вагоне, он чего-то дунул, а теперь запал выдохся, – Харитонов обернулся с хищной улыбкой, указав на неожиданно появившегося Виктора зажатым в руке молотком.

Виктор и впрямь, казалось, впал в ступор. И то ли дело было в ракурсе луча, то ли что-то изменилось в самом Хари-

тонове, но сейчас он был по-настоящему страшен, как дикий голодный медведь-шатун. Медведь-людоед.

– Свети.

Скачущий луч вернулся на место.

– Вы мне еще спасибо скажете. – Сказал Харитонов, ловко перехватывая Катину руку выше локтя. – Ничего личного, все ради общего блага.

– По-твоему, ломать руки молотком это общее благо? – спросил Пустовалов.

– Ломать?! О чем ты говоришь! – испугалась девушка.

Вместо ответа последовал оглушительный, почти животный далекий крик. Пустовалов слышал такой крик в детстве, когда случайно забрался с Гариком и Вадиком в свиноводческий комплекс.

– Что они там делают?

– Экзекуция, – улыбнулся Харитонов. – Кое-кому здесь она тоже не повредит.

Медведя-шатуна дикие крики не только не пугали, но, казалось, даже радовали.

– Все любят, – говорил Харитонов, пытаясь расстегнуть ремень на брюках, – когда кто-то делает за них грязную работу. Даже те, у кого есть ствол, не станут применять его, если им это невыгодно. Я правильно говорю?

Харитонов потянул руку девушки вниз, будто собирался уложить ее на рельсу, как на плаху.

Катя завизжала и стала изо всех сил вырываться.

Луч фонаря дрогнул.

– Свети! – скомандовал Харитонов.

– Иван... – робко начал Ромик.

– Заткнись!

– Отпусти ее, придурок!

Миниатюрная девушка встала перед Харитоновым. Пу-стовалов почувствовал легкий укол. Его удивили требова-тельные нотки в дрожащем голосе, но неприятное чувство не было связано с чувством вины или беспокойства. Оно было связано с воспоминанием. Очень далеким воспоминанием. И почему на рожон часто лезет тот, кто меньше всего готов к последствиям?

– Что такое? – посмотрел на Дашу страшный Харитонов. –

Я же сказал заткнуться.

– Убери молоток и отпусти ее.

В плотоядных крохотных глазках Харитонova сверкнул интерес.

Даша продолжала стоять перед ним, хотя ее плечи вздра-гивали.

– Ну? Что еще сделать?

– Я обещаю тебе большие неприятности, если не отпу-стишь ее, – сказала она неуверенно.

– Вы меня удивляете, – сказал Харитонов, неожиданно убирая молоток в задний карман.

После этого под всеобщее молчание он сунул катину руку в петлю, которую соорудил из ремня.

– Вот так ты никуда не убежишь, – сказал он, стягивая петлю на загорелом запястье девушки.

Продельвая эту манипуляцию, Харитонов старательно пытался, будто занимался чем-то серьезным и важным и, закончив, с удивлением, оглядел всех.

– Вы что, серьезно думали, что я ей руку сломаю? – спросил он, забрасывая ремень с катиной рукой на плечо. – Я что тут один нормальный?

После этих слов Харитонов с довольным видом двинулся по туннелю первым, быстро пропав из освещенной зоны.

Привязанная Катя дернулась следом.

– Эй, я тебе не собака...

– Заткнись, а то передумаю!

Дальше все шли молча, будто потерянные, и только минут через пять, Ромик, неспособный на долгое молчание, стал рассказывать какую-то скучную историю про свои подростковые поездки в деревню к бабушке, где заодно происходили загадочные убийства в лесу. Голос Ромика катился по туннелю:

– Кто-то нападал на одиноких грибников из-за спины и резал им горло. Все думали, что это типа какой-то сезонный убийца, но за все годы его так и не поймали. Проверяли местных и приезжих, кого-то даже задержали, но убийства продолжались. Все называли его грибной убийца, а моя бабушка думала, это грибной дух широколиственных лесов и темных чащ. Меня, конечно, не выпускали гулять из-за этого

гребаного грибного убийцы, и каждое предложение родителей съездить в деревню, чтобы погулять на свежем воздухе, звучало как стеб. Ехать в деревню, говорю, чтобы сидеть в доме и пялиться в телевизор, который ловит три канала. Ха. Я, понятное дело, уходил без спросу. Мы с пацанами все хотели выследить и поймать его. А вот теперь думаю – а если бы он нас поймал?

– У тебя повеселей нет истории?

– Согласен, история дерьмовая. Но настроение такое. Одно дерьмо в голову лезет.

– А этот твой грибной убийца, это что-то типа лесного духа или человек? – спросил Виктор.

– Скорее это наш российский Слендермен. Во всяком случае, мне он таким представлялся.

Минут через пять туннель резко повернул направо, и неожиданно перед всеми возникла станция. Они увидели почти весь ряд красно-мраморных колонн с выемками и всю платформу, за исключением мертвой зоны в ближнем углу.

Выбеленная ярким светом Марксистская не выглядела такой зловещей и мертвой, как Площадь Ильича. Многочисленные лучи пересекались на белом потолке, спускались на светло-розовый «газган» путевых стен, статично сияли блики на черном гранитном цоколе. Казалось, что на станции вот-вот вскипит жизнь – из-за колонн выйдут пассажиры, а звенящую тишину и мерный гул вентиляторов потопит разноголосица. Но станция молчала, рождая необъяснимое чув-

ство тревоги и странное ощущение какой-то неестественности происходящего.

Пустовалов отошел к своду и встал за медной табличкой. Его обогнали Виктор и Ромик. Громадная бесформенная тень остановилась рядом.

– Ты говорил, что смотреть надо лучше. А лучше тебя этого никто не умеет.

Пустовалов ощутил тяжелый запах пота и перегара.

– У тебя, конечно, волина есть... И ты можешь всех кинуть, но...

– Не беспокойся, – Пустовалов посмотрел в сторону станции, прищурился. Затем окинул взором свою компанию. Все ждали. Даже Катя, приподняв стиснутую ремнем руку, смотрела на него. – Я пойду.

На самом деле он давно решил, что пришла пора действовать по-настоящему и лишняя компания теперь только обуза. И хотя возвращаться Пустовалов действительно не собирался, разыграть маленький спектакль не мешало.

– Первое условие, – Пустовалов указал пальцем на Ромика, – соблюдать тишину. Второе, – палец переместился на Виктора, – никуда не лезть. Третье, – палец уткнулся в Харитонову, – следить за выполнением первых двух условий.

– Мы можем подержать твою сумку, – предложил Харитонов, в полумраке туннеля походивший на путника-магра со своей пленницей-рабыней.

– Спасибо, сам справлюсь.

Пустовалов не сразу вышел на станцию – подходя к Марксистской, он обратил внимание на стрелку на рельсах и, подняв взгляд, обнаружил уходящий под резким углом направо однопутный туннель. Постояв недолго у таблички с номером «309А», он зашел в примыкавший туннель и встал за углом. Из глубины туннеля в спину дул теплый ветерок, неся густой запах креозота, но Пустовалов чувствовал здесь себя уютно из-за того, что находился на свету.

Со своей позиции он еще раз оглядел Марксистскую. Ничего подозрительного на первый взгляд, кроме далекой трескучей музыки со смутно узнаваемым мотивом и приглушенного гула какого-то механизма. На станции горели все светильники, блики неподвижно сияли на розовых поверхностях мраморных пилонов с продольными выемками, но все они хранили статику – отражения все тех же неподвижных элементов.

Пустовалов пересек пути, забрался на платформу с туннельной стороны, через решетчатую дверь посмотрел в противоположный портал – единственное место, которое его беспокоило. Впрочем, он понимал – глупо устраивать там засаду.

Подтянув лямку рюкзака, он сунул «вальтер» за пояс, затем перелез через ограждение и выбрался на платформу. Неслышно ступая, дошел до первого проема. Выглянул в зал. На мраморной колонне напротив ярко-синяя наклейка указывала стрелкой выход в город. Именно оттуда неслась му-

зыка и механический гул, который как теперь понял Пустовалов, издавал работающий эскалатор.

Прислонившись спиной к широкому торцу стены, он стал смещаться влево, понемногу открывая себе обзор. Перед глазами показались серебристо-хрустальные, похожие на штопоры, светильники главного зала и ряд пилонов. В пространство над противоположными путями с центра зала уводила сдвоенная лестница перехода. Пустынный зал завершился приплюснутым выходом к четырем эскалаторам перехода на кольцевую линию.

Пустовалов переместился к колонне напротив и, прижавшись к ней, стал так же метр за метром открывать себе обзор с другой стороны.

В поле зрения появилось панно с серпом и молотом над порталом выхода, под ним – рифлёный лист металла, прикрывающий боковину проема. У боковины на полу были разбросаны инструменты: отвертка, строительный нож, молоток, шуруповерт, небольшая сабельная электропила с длинным ножом, арматурные ножницы, мотки проволоки, несколько грязных перчаток и еще какой-то хлам. Под сводом слегка покачивалось информационное табло «выход в город». Дальше – эскалаторы. С этой стороны их было всего три. Работали только первый и второй, оба на подъем.

Пустовалов вышел из-за колонны. Посмотрел на соседнюю платформу и не спеша направился к эскалаторам, пока их вид не открылся ему целиком. Наверху располагал-

ся сводчатый полукруг света, но никаких признаков жизни, кроме трескучего стереозвука, в котором он не без труда разобрал голос Муслима Магомаева, размашисто и проникновенно певшего про героев спорта. Пустовалов подумал, что вряд ли жители французской Гвианы будут слушать Магомаева.

Дверь кабинки дежурного была распахнута, стул развернут в сторону центрального зала. Пустовалов заметил сигаретный пепел на полу и перевел взгляд на россыпь инструментов за поваленными ограждениями, потом посмотрел выше – вдоль рифленого листа и дальше по периметру всего проема. Так же как и на Площади Ильича металлический обод здесь скрывал огромную дверь, которая в случае ядерной войны должна была превратить станцию в герметичное бомбоубежище.

Он подошёл к инструментам. Среди разбросанных ключей, отверток и ветоши мелькнуло что-то знакомое. Поддев ногой грязную сумку, он увидел трилистник и большую черную надпись «Адидас» на белом фоне. Тесемчатый ремешок был привязан узлом к пластмассовой скобе. Пустовалов присел, подобрал самую чистую на вид отвертку и, удерживая ее за наконечник, оттянул боковину сумки. Внутри обнаружились простой ареометр, замусоленная записная книжка, измазанный в мазуте фонарь и удостоверение работника метрополитена на имя Ивана Сытина с фотографией молодого парня.

Пустовалов сунул удостоверение в карман, затем взял записную книжку, открыл наугад и сразу увидел изображения женских половых органов, нарисованные шариковой ручкой, будто рукой школьника.

Внезапно прекратившийся гул заставил его поднять взгляд. Средний эскалатор остановился. Пустовалов бросил записную книжку в сумку, встал и посмотрел в конец зала. Там, так же безмятежно и слегка поскрипывая, покачивалось информационное табло. В переходе на Таганскую что-то методично щелкало. Не спуская с лестницы глаз, Пустовалов стал медленно отходить к кабинке дежурного.

У первого эскалатора он остановился, поднял руку с пистолетом и посмотрел вверх. Табло над головой висело неподвижно. Пустовалов еще раз оглянулся на переход и шагнул на первый эскалатор, который тут же подхватил его и понес вверх. Эскалаторы здесь были длинными. В самом стволе было до рези в глазах ярко – работали все шарообразные светильники на балюстрадах.

Он проехал четверть пути, когда голос Муслима Магомаева умолк. Тотчас следом остановился эскалатор и, разумеется, погас наверху свет, а вместе с ним и ряд светильников на второй балюстраде. Теперь Пустовалов стоял на самом видном месте с трех сторон окруженный тьмой. Не самое завидное положение. Прежде чем кто-либо на планете успел бы сделать такой вывод, Пустовалов ловко перемахнул через балюстраду, оказавшись на среднем эскалаторе, и, не задержи-

ваясь, повторил маневр, перебравшись на третий эскалатор. Здесь, в темноте, он пригнулся и замер прислушиваясь.

Подождав пять-шесть секунд, он стал осторожно спускаться. В зале теперь царил полумрак, как на Площади Ильича. Скрывшись в небольшой нише, Пустовалов внимательно осмотрел пространство, которое теперь излучало угрозу. Возможно, дело в обилии теней, которых минуту назад здесь еще не было. Двигаясь бесшумно – сам словно тень, он пошел вдоль стены, пока не оказался возле сумки с инструментами. Среди них явно чего-то не хватало. Сабельной пилы.

Пустовалов по-рысьи стремительно нырнул в темноту за колонну.

Примерно в это же время Виктор, которого Харитонов отправил в другой конец платформы следить за станцией, добрался до второго портала и теперь с удивлением наблюдал за странными перемещениями Пустовалова.

Первое время, пока он еще привыкал к темноте, внезапно опустившейся на Марксистскую, было довольно тихо. Потом неожиданно, с какой-то звериной стремительностью, метрах в тридцати от него на пути приземлилась сильная фигура. Виктор не думал, что человек способен на такие прыжки. Темное пятно скорее походило на крупного зверя из семейства кошачьих, и Виктор испытал настоящий ужас. Спики-

ровавший зверь, почти не издавая звуков, понесся от него по путям.

И к тому времени, когда, благодаря просвету между пилонами, Виктор, наконец, узнал в «хищнике» Пустовалова, сам Пустовалов уже занимал позицию напротив перехода на Таганскую.

Как кот, его привлекала добыча. Пустовалов пригнулся, так что глаза оказались вровень с полом, и долго, не мигая, следил за чем-то в темноте. Лишь однажды он дернулся, как кошка, решившись на очередной крадущийся шаг – точный, уверенный. Еще ниже опустив голову, Пустовалов продолжал безотрывно следить за одной ему ведомой целью, а потом, когда Виктор услышал тихий стук шагов, Пустовалов с легкостью ягуара вскочил на перрон и метнулся в зал. Взгляд его при этом ни на секунду не отвлекался от «добычи».

Виктор был заворожен и восхищен действиями Пустовалова, как тайный наблюдатель, ставший случайным свидетелем чего-то волнующего и экзотического.

Пустовалов же несколько не удивился, когда тьма над лестницей перехода сплела очертания толстяка, сжимавшего в руке сабельную ножовку.

Старомодные очки сверкнули в полумраке зала. На губах застыла дебильная полуулыбка. Толстяк, несмотря на габариты, двигался на удивление тихо. Но еще тише двигался Пустовалов.

От неожиданности толстяк крикнул, когда в его шею под

сальными прядями уперся ствол «вальтера».

– Стой.

Толстяк повиновался.

– Бросай.

– А?

Удар стволом в шею, болезненный как удар током.

Кажется, толстяк понял, что включать дурака больше не стоит.

Ножовка упала на пол.

– Подними руки. Иди.

Толстяк замешкался. Он был выше Пустовалова примерно на полголовы. Пустовалов подобрал сабельную электропилу и включил ее. Толстяк сразу зашагал прямо, вдавив голову в плечи.

– Стой! На колени.

Толстяк опустился прямо в центр восьмиконечной звезды инкрустированной в гранитном полу.

– Руки за голову.

Пустовалов положил пилу на пол, уверенным движением обыскал карманы, извлек связку трехгранных ключей, телефон и пачку сигарет. Сигареты и телефон бросил, а ключи оставил себе.

– Ты ведь на самом деле не работаешь здесь, верно?

– Что?

Перед толстяком на пол приземлилось удостоверение на имя Ивана Сытина.

Пустовалов глядел сверху вниз на сверкающую лысину.

– Что им нужно?

– Кому?

– Тем, на кого ты работаешь.

– Ты скоро сам все поймешь, – сказал толстяк тихим и четким голосом.

– Полагаю, на вопрос, как отсюда выбраться, ты тоже не собираешься отвечать нормально? Ну что ж, придется познакомиться тебя с другим психопатом. Вставай!

– Выбраться! – усмехнулся толстяк, с трудом поднимаясь на ноги. – Это невозможно.

– Мне приходилось выбираться из более безнадежных мест, – Пустовалов попытался разглядеть глаза толстяка за толстыми стеклами очков.

Толстяк замотал головой.

– Ты не понял.

Пустовалов вопросительно приподнял брови.

– Выбираться некуда.

– Что это значит?

– Там больше ничего нет.

– Понял. Хочешь помучиться.

Толстяк понимающе улыбнулся.

– Таким как ты принять это трудно. Но поверь – чем дольше ты будешь сопротивляться, тем труднее тебе будет сохранить то, что осталось.

– Что наверху? – спросил Пустовалов.

– Тебе знакомо чувство брошенности? То чувство, когда все ушли, а ты остался. Или про тебя все забыли.

Пустовалов нахмурился.

– Что наверху?

– Наверху ничего нет. Ничего того, к чему ты так стремишься – всего этого просто больше не существует. Но ты существуешь и ты не один. И чем быстрее ты поймешь это и перестанешь сопротивляться, тем будет лучше для тебя.

Пустовалов закусил губу, как всегда делал в сильной задумчивости.

В этот момент включились передние эскалаторы. На этот раз все три и все на спуск. И сразу перед ними выросли лучи фонарей – судя по мощности световых потоков – профессиональные. Кто-то уже бежал по эскалаторам.

– Повернись не опуская рук, – тихо сказал Пустовалов.

Толстяк с застывшей улыбкой повернулся к эскалаторам. Ветер из туннеля развеивал его грязные волосы.

Пустовалов неслышно попятился назад. Напротив перехода на Таганскую он прижался к колонне, не спуская глаз с толстяка.

Тот стоял неподвижно с поднятыми руками под куполом света единственной работавшей в зале люстры.

Пустовалов глянул в переход – лестница терялась в непроглядном мраке. Затем шагнул назад и со всего размаху швырнул в этот мрак сабельную пилу. Темнота отозвалась далеким ударом и прежде, чем скрыться за колонной Пусто-

валов заметил, что голова толстяка дернулась на звук удара.

Через несколько секунд его встретили бледные лица в темном туннеле.

– Плохие новости, – сказал Пустовалов, глядя, как дикие крики на Марксистской обнажают страх в лицах его спутников.

Глава 10

На этот раз Харитонов не приставал к Пустовалову с расспросами. Он тоже слышал крики на Марксистской, и они тоже ему не нравились. И в отличие от остальных, он знал, что так кричат те, у кого от потери берегов уехала крыша. И те, кто знает, что над ними никого нет. Он только не мог понять, откуда в них эта уверенность. Ведь в пятидесяти метрах выше – столица огромной страны с многочисленной армией, полицией и кучей спецслужб.

Шли молча. Возможно, сказывалась усталость, а может, каждый, наконец, осознал иллюзорность собственной безопасности, и пытался как-то объяснить себе все, что с ним происходит.

Только через пять минут Пустовалов спросил у Виктора, что это за туннель.

– Межлинейник, – пожал плечами Виктор.

– Куда он ведет?

– Никуда. Он просто соединяет пути.

Пустовалов остановился. Из мрака выплыл Харитонов.

– Когда они узнают, что мы здесь?

– Есть пять путей, по которым мы могли уйти со станции.

– Эй ты! Выключи фонарь! – закричал Харитонов на Ромика.

– Это не имеет смысла, если у них есть тепловизоры.

– А они у них есть?

– Если у них есть шлемы, фонари и винтовки, то почему не быть тепловизорам?

– И кто они такие? – спросил Ромик.

Пустовалов снова попытался отыскать ответ на этот вопрос, но чем больше вариантов рождалось в его голове, тем абсурдней выглядело все происходящее.

– Эй, смотрите, здесь проход, – Виктор влезал в узкую сбойку, подсвечивая в нее дисплеем своего «хуавея».

– Что там?

– Насосная станция, – раздался его приглушенный голос. – На случай затопления. Значит, где-то рядом должен быть и туалет.

Туннель плавно поворачивал налево, и через полсотни метров луч действительно выхватил медную табличку с надписью «женская уборная». Над входом мерцала тусклая лампочка.

– Не знаю, как ты понял...

– Шесть против одного, – сказал Харитонов, снимая ремень с катиной руки. – Либо они должны быть уже здесь.

– Почему шесть?

– Пять туннелей и один переход.

– Там два перехода.

– Но в один ты захерачил пилу?

Пустовалов фыркнул и поглядел на Катю, взбегавшую по лестнице.

– Девушки, пожалуйста, недолго! – крикнул Ромик ей вслед.

Катя остановилась и показала ему средний палец.

– Идите на хер! Это женский туалет!

Закрыв дверь, Катя брезгливо огляделась.

Уборная – громкое слово. Полукруглый закуток, кошмар клаустрофоба. Бледный свет «айфона» выхватил тюбинговые панели, покрытые вековым налетом, и грязно-белую плитку – ни дать, ни взять декорации к фильму «Пила». Несмотря на «женскую уборную», здесь были и писсуары в виде бетонной канавы, а все туалетные кабинки не имели дверей. И только у одной из трех моек имелся кран.

Пока Даша осматривала его, Катя направилась к дальней кабинке.

– Спасибо тебе, – сказала она, расстегивая джинсы.

Даша достала из сумки влажную салфетку и накрыла ею кран.

– За что?

– За то, что вступилась.

Серию холостых хлопков сменила кривая струя бурой воды.

– Я могла бы сделать больше.

Подсвечивая дисплеем, Даша ждала, когда темный поток

станет хотя бы просто мутным. Жажда была настолько сильной, что она решила в любом случае выпить воды.

– Ты сделала гораздо больше, чем все эти ничтожества.

– Я не про это, – Даша подставила ладонь под ледяную струю и сделала глоток. Вода была жесткой, отдавала ржавчиной и еще чем-то затхлым. Казалось, что это вода не из московского водоканала, а из подземного стоячего болота, которое цвело и гнило здесь еще до Ивана Калиты. Даша испытала странное чувство – одновременно тошноту и удовольствие.

– А про что? – Катя вышла из кабинки, потирая запястье.

– Я могла бы отправить за решетку этого ублюдка. Он это заслужил. – Даша вытерла губы тыльной стороной ладони.

Катя посветила на нее айфоном. Крошечные льдинки глаз сияли в полумраке, отражая свет дисплея.

– Ты на самом деле можешь это сделать?

– Пора это сделать! И не только это!

Катя с интересом посмотрела в угрюмое лицо. Она вдруг впервые заметила, что это мелкая заносчивая дрянь на самом деле очень красива. Красива, как ангел, угодивший в западню. Катя хмыкнула и убрала смартфон в задний карман джинсов.

– Ну, как вода?

– Дерьмовая, но пить можно.

Даша посторонилась.

– Послушай, – сказала она, разглядывая в полумраке

очертания катиной фигуры, склонившейся над мойкой. – Я думаю тебе лучше пока не злить его.

– Не злить?!

– Делай все, что он говорит.

– Ты не знаешь таких, как он. Этим садистам нельзя потакать.

– Я знаю, кто он, но поверь, «те» еще хуже.

– С чего ты взяла?

Даша покачала головой.

Катя подняла лицо к потолку и замычала, гася рвущийся из груди вопль.

– Черт! И это называется начать новую жизнь!

Даша смотрела на Катю круглыми глазами, удивляясь, как можно одновременно извергать столько эмоций.

– Почему ты вступилась за меня?

– Мне не нравится, что этот ублюдок наглеет от безнаказанности.

– А мне это нравится. В смысле то, что ты делаешь, – засмеялась Катя. – Ты часто так поступаешь?

– Не часто. По правде сказать – никогда, – нахмурилась

Даша.

– Это из ЦУМа?

– Чего? – не поняла Даша.

– Ив Сен Лоран, – Катя кивнула на красный бомбер Даши.

– Нет, это... это из Хэрродса.

– Ну конечно, – сказала Катя, улыбнувшись на этот раз

искренне.

Худая фигура Виктора возникла в проеме.

– Девушки...

– Это женский туалет! – завизжала Катя, так что перепуганный Виктор едва не свалился с лестницы.

– То есть, он мессия? – Ромик вытянул руки, изображая, видимо, пастора деструктивной секты. – Откажись от своих денег, я возьму это бремя на себя?

Пустовалов улыбнулся.

– Ага, и мы тут вроде как брошенные.

– Кто сказал, что мы брошенные? – спросила Даша, замедив не лестнице.

– Наконец-то! Принцессы! – обрадовался Ромик.

Пустовалов посмотрел на Дашу и с удивлением обнаружил искренний страх в красивых глазах-льдинках.

– Это сказал тот тип на станции?

– Не обращай внимания, он сумасшедший.

Но Даша не могла не обращать внимания. Когда спустя три минуты Пустовалов вышел из туалета, Даша снова подошла к нему.

– Он говорил о том, что происходит наверху? – спросила она, хмуро глядя в его глаза.

Пустовалов ощущал слабый изысканный аромат экзоти-

ческих цветов – далекий от той банальной парфюмерной тяжести, исходившей от Кати и подумал, что эта девочка так же, как и он, редкий гость в метро. В полумраке он видел только очертания красивого лица и сверкающие глаза.

– Я же сказал: он просто псих. Ты бы видела его рисунки.

Даша несколько секунд молча смотрела в его лицо, будто оценивала и, наконец, произнесла:

– Я хочу, чтобы вы взглянули.

– На что?

Девушка посмотрела по сторонам и достала из сумки диодовый аппарат, который Пустовалов сразу узнал, хотя и видел впервые в жизни. Брови привычно поползли вверх – так неестественно выглядел подобный кирпичу телефон «Сказка-2» в хрупкой изящной ладони.

– Откуда он у тебя?!

– Отец мне его дал.

Пустовалов покачал головой.

– Это невозможно.

– Возможно, – заявила Даша уверенным голосом. – Невозможно то, что я не могу по нему дозвониться отцу.

Артистичное лицо Пустовалова не могло сдержать искреннего изумления, так что даже Даша, на несколько секунд забыв про телефон, с неподдельной зрительской увлеченностью наблюдала за его мимикой.

– Отцу?

– Он работает, но...

Пустовалов протянул руку.

Девушка передала ему телефон. В центре черного экрана была одна-единственная иконка – бесконечно крутящийся земной шар. Пустовалов нажал кнопку вызова – никакой реакции.

– Не может определить координаты... Слушай, лучше спрячь его, пока никто не увидел. Не знаю, зачем отец дал его тебе, но ты его конкретно подставляешь.

– Чем?

– Это секретный аппарат, который нельзя гражданским раздавать просто так.

– Не такой уж секретный, если даже вы о нем знаете.

– Может быть, я тоже работаю в спецслужбах.

– Сомневаюсь.

Пустовалов посмотрел на девушку.

– Кто твой отец?

– Неважно.

Но Пустовалов уже понял. Понял, откуда эта нетерпимость во взгляде и требовательность в голосе.

– Какая у тебя фамилия?

Даша помотала головой.

– Ладно, ладно. – Пустовалов улыбнулся. – На всякий случай: Васильева?

Девушка смотрела холодно, без тени улыбки.

– Или Афанасьева?

Даша склонила голову на бок и скрестила руки на груди.

– С ума сойти!

Из темноты неслышно появился Харитонов.

– Взял телефончик?

– Ничего себе! – тут же заглушил его возбужденный голос Виктора. – Спутниковый телефон! Да еще и русский!

– Тише!

– Он не работает, – сказал Пустовалов.

– Зачем он вам?

– На всякий случай, – ответила Даша.

– Ну вот, всякий случай наступил, и он не работает? – усмехнулся Харитонов.

Пустовалов похлопал его по плечу.

– Зато она не врала, когда обещала тебе неприятности.

Харитонов бросил мутный взгляд на Дашу.

– Это ведь то, что я думаю? Телефон апокалипсиса? – спросил Виктор.

– Он самый.

– Телефон чего? – удивился Ромик.

– Средство связи высшего руководства страны и спецслужб.

– Откуда он у вас?

– Пускай он посмотрит, – Пустовалов кивнул на Виктора.

Виктор взял телефон, его интеллигентное лицо нахмурилось, глядя в дисплей, грязные худые пальцы уверенно жали на кнопки.

– У него есть длинноволновый передатчик?

Даша кивнула.

– Странно.

– Почему он не работает? – спросил Пустовалов.

– Он-то как раз работает.

– Слушайте, на что вы всё намекаете? Мы под землей, в конце концов.

– Он работает в шахтах и убежищах на глубине до двухсот метров, – сказала Даша.

Пустовалов посмотрел на Виктора.

– Ну, ладно, какая-то причина все-таки есть?

– Только если одновременно не рухнули все военные спутники России, – произнес Виктор, поднимая взгляд.

Перед тем, как отправиться дальше, Пустовалов попросил Виктора отстать при первой возможности.

– Ты можешь точно сказать, куда ведет этот туннель? – прошептал Пустовалов, когда Виктор исполнил его просьбу.

– Рано или поздно мы выйдем на развилку.

– И оттуда снова на станцию?

– Да.

Пустовалов кивнул, а Виктор с неудовольствием посмотрел вперед, где в темноте мерцали огни.

– Послушай, я боюсь, что через станции выйти не получится.

– Вы имеете в виду прямо все станции? – спросил Виктор.

– Мне кажется, здесь все не так просто.

– Но даже если так, полиция рано или поздно решит эту проблему?

– Понимаешь, в чем дело, – Пустовалов задумчиво потер подбородок тыльной стороной ладони. – Даже если полиция решит эту проблему, то она может нас задержать. Мы ведь в какой-то степени свидетели того, что здесь происходит. А у меня на все это нет времени.

– Понимаю.

– Так вот я хочу предложить тебе сделку.

– Сделку?

– Помоги мне выбраться отсюда минуя станции, и я заплачу тебе тысячу евро. Наличными.

– Но...

– Ты студент. Тебе нужны бабки, а мне нужно решение проблемы.

– Но чем же я могу помочь?

– Просто смотри по сторонам. Оценивай, и если что-то привлечет твое внимание, дай мне знать. Договорились?

– Ну, хорошо. Я, правда, ничего не могу обещать...

– И держись меня, если начнется что-то стремное.

– А оно начнется?

Пустовалов посмотрел на Виктора.

– Если начнется. Так по рукам?

– Да, но... а как быть с ними?

– С кем с ними?

– Этот маньяк снова привязал девушку.

– Послушай, не думай об этом.

– Не думать?

– Не забивай голову тем, чего не можешь изменить.

Виктор вспомнил, как испугался прыжка дикого зверя на рельсы.

– А ты тоже не можешь?

– В сложившейся ситуации он может быть полезен.

– Полезен?!

Лицо удивленного Виктора внезапно осветил яркий луч фонаря. Виктор зажмурился.

– Эй, голубки! – загремел голос Харитонов. – О чем шепчетесь?!

Луч переместился на Пустовалова.

– Все те же мутят воду!

– Приятель, отдохни! – крикнул ему Пустовалов, закрываясь от яркого света.

– Имей в виду – я вижу тебя насквозь!

В следующую секунду Ромик, шедший перед ним, громко выругался, Харитонов натолкнулся на него, и луч тотчас пропал.

– Что случилось?!

В ответ раздавалась лишь возня и шипение от боли.

– Херня какая-то.

Луч снова появился и пошел по толстому метровому

окладу из металла, втиснутому в туннель.

– Это же гермодверь!

– Че-го?

– Дверь в бомбоубежище.

Пустовалов с интересом посмотрел на нее. Многотонная дверь в открытом положении на добрую половину собственной толщины утопала в специальной нише. Цилиндрический винтовой засов полуметрового диаметра выглядел хрупким стержнем на фоне сплюснутого железобетонного куба двери. Каждая из четырех петель – размером с монитор первого «Мака». Пустовалов подумал, что едва ли сумел бы поднять хотя бы одну из них. Такую дверь, разумеется, невозможно закрыть традиционным способом, даже несмотря на наличие специальных рельсов, круговым сегментом повторявших предполагаемый путь закрывания. Перегородка дверного блока рассекала туннель, оставляя квадратный дверной проем, усиленный полутораметровой металлической рамой – в ширину двери.

– На случай ядерного удара?

– Такие двери есть на станциях, – сказал Пустовалов, – но они закрыты щитами. Я видел на Марксистской перед эскалаторами.

– Да, – подтвердил Виктор, – но там они выдвижные или подъемные, а эта редкая.

Почти сразу за дверью туннель расширялся вдвое. Луч фонаря медленно осветил новое пространство. Они стояли

у развилки. Туннель уходил дальше, но из него, образуя острый угол, вырастала еще одна ветка.

– Витян прав, это точно межлинейник, – сказал Ромик, прихрамывая на ушибленную ногу, – один на кольцевую, второй на Таганку.

– Куда?

Ответом послужил далекий стук молотка.

– Сюда, – Пустовалов направился в соседний туннель.

Харитонов кивнул Роману и двинулся за Пустоваловым, потянув за собою Катю.

Виктор избегал смотреть на девушку, ему было стыдно за свое бессилие в неспособности как-то повлиять на Харитонova. А вот Пустовалову, казалось, было совсем наплевать, хотя он и мог повлиять – ведь у него был пистолет.

На этот раз они пошли по левой стороне, но проход здесь был уже. Тюбинги вырастали почти у самых рельсов, под ноги попадались выступы, о которые постоянно кто-нибудь спотыкался.

– Что это так шумит? – спросила Даша.

– Вентилятор, – ответил Виктор.

По ходу движения шум нарастал и вскоре так закладывал уши, что приходилось кричать.

– Так тут есть электричество?! – прокричал Ромик. – Значит, кто-то играет со светом?!

У Пустовалова появилось плохое предчувствие.

– Здесь! – крикнул Ромик.

Он стоял у небольшой сбойки, за которой шумел исполинский вентилятор. От путей его отделяла решетчатая дверь, закрытая обычным замком с трехгранной скважиной. Здесь туннель поворачивал, скрывая дальнейший обзор.

Пустовалова обошли, и теперь Виктор, забрав фонарь у Ромика, светил прямо перед собой, так что Пустовалов последним заметил яркий встречный свет.

Зато он первым узнал тройной рассеянный луч восемнадцатого «флэшлайта». Такая мощь разом высветила пространство туннеля и всех, кто в нем находился.

Пустовалов, все еще не имея прямой видимости, услышал крики. На тубингах перед ним запрыгали отсветы мощных лучей.

Он развернулся и побежал в темноте, стараясь высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться о шпалы, и среди всего этого девичьего визга, английских «стэнд» и «донт шутинг фо килл» ему казалось, что он слышит и русскую речь с южнороссийским акцентом. «Стойте» – кричали им, – «вас не тронут».

В первые секунды их укрывал естественный туннельный изгиб, даже луч фонаря в три тысячи люмен не способен светить сквозь стены. Все бежали, не видя ничего перед собой. Пустовалов спрятался в вентиляционной сбойке, и, ощущая, как привычно замедляются удары сердца, достал из кармана отобранную у толстяка связку ключей. Кто-то схватил его за предплечье.

– Это я.

Пустовалов узнал голос Виктора, сунул ключ в типовой замок, открыл дверь, затащил Виктора внутрь и, просунув руки через решетку, наощупь закрыл дверь на ключ. Сразу за дверью направо уходил простенок метра на два. Пустовалов увлек Виктора в сырой угол, прошептал на ухо:

– Сиди тихо, как мышь.

В ту же секунду мимо них по туннелю пробежал кто-то тяжелый и фыркавший, как конь. Раздались выстрелы и женский визг. Виктор часто задышал, а Пустовалов напротив стал дышать медленно и глубоко.

Он двинулся спиной к углу, нащупывая пространство ногой, пока она не уперлась во что-то. В туннеле зажегся свет. Но неяркий – бледный полукруг упал на пол вентиляторной. Пустовалов и Виктор, сидя в темном углу, смотрели на тени мелькавшие в этом полукруге. В туннеле много кричали, но из-за рева вентилятора нельзя было разобрать слов.

У сбойки кто-то остановился, Пустовалов увидел очертания головы и плечей, возникших в полукруге света на полу.

Затем этот кто-то приблизился к решетчатой двери, подергал ее. Его крупная тень целиком заслонила просвет. Потом тень отступила.

Минуты через две Пустовалов осторожно выглянул в проем.

Они просидели молча еще минут пять, затем Пустовалов выглянул снова.

– Открывай, я прикрою, – сказал он Виктору, протягивая ключ.

В темноте сверкнули испуганные глаза. Пока Виктор возился с замком, Пустовалов следил за узкой сбойкой над худыми сгорбленными плечами. Прямо напротив светил фонарь. Когда Виктор открыл и вернул ключи, Пустовалов первым вышел в сбойку и теперь Виктор наблюдал за уверенными движениями Пустовалова, который оглядел сначала тугие сплетения кабелей, затем осторожно выглянул в туннель и жестом позвал за собой.

Пустовалов пошел в ту же сторону, куда несколько минут назад они шли вшестером. Теперь тут было светлее – через каждые двадцать метров на правой стороне горели фонари. Они светили очень тускло, и в туннеле скорее царил полумрак, но все же теперь тут было не спрятаться, если не считать сбойки и темных зон за шкафчиками, которых здесь было довольно много.

– Ты уверен, что нам надо идти именно туда? – спросил Виктор, с сомнением поглядывая назад, откуда раздавались совсем уже далекие крики.

Пустовалов его не слушал. Он остановился, задрал голову вверх. Прямо над ними проходило сплетение кабелей, настолько толстое и плотное, что там мог бы спрятаться человек.

– Волна вроде миновала.

– Если тут есть электричество, значит, и датчики движе-

ния могут работать.

Пустовалов задумчиво посмотрел на Виктора.

– Тогда у нас совсем нет времени.

Пустовалов зашагал быстрее. Они снова вышли к изгибу. Виктор шел в двух шагах, глядя на ярко-салатовую, измазанную в районе правой лопатки побелкой куртку Пустовалова, и думал о том, что должно быть она хорошо светится в темноте. Пустовалов сжимал в руке «вальтер».

– Я возьму, – сказал Виктор, увидев валявшийся фонарь, который бросил, когда убегал.

– Не трогай.

– Здесь кто-то упал из девушек, – сказал Виктор. – Помню, что чуть не сшиб ее, когда уронил фонарь.

Но Пустовалов не слушал его.

Виктор неожиданно остановился.

– Разве мы не должны вернуться?

– Куда? – искренне удивился Пустовалов.

– Ну... – Виктор хотел сказать «за ними», но не сказал.

Пустовалов продолжал двигаться вперед. В эту секунду он посмотрел направо, и его профиль с крепким подбородком и прямым лбом резко очертил фонарный свет.

– Здесь какой-то проход...

Глава 11

Напротив размещалась небольшая сбойка, уходившая далеко – метров на тридцать в глубину. Из нее шел теплый воздух, но сама сбойка была настолько узкой и тесной, что пройти по ней можно только сильно согнувшись. В паре метрах от входа лежала рельсовая тележка без одного колеса.

– Скорее всего, там тоже вентилятор, – предположил Виктор, – так почему ты не хочешь...

– А выбраться оттуда можно?

– Ну-у, это не просто вентканал, раз там в конце ничего не видно, возможно, сам вентилятор находится где-то выше или ниже, а значит, обслуживает не только этот канал, так что... Вернемся?

– Если тебе мало проблем, можешь вернуться. У меня таких планов нет.

– Но...

Виктор снова хотел возразить, хотел сказать, что там... А кто собственно там? Люди, которых еще пару часов назад он не знал. Возможно, опасность, совместно пережитый стресс и все такое сближают, но точно не таких, как этот мужчина в дорогой куртке и ботинках от Роберто Морелли. Собственно, кто ему эти навязавшиеся пассажиры, если у него свои планы на этот вечер и довольно важные, судя по таймеру с обратным отчетом на его электронных часах. Он ведь изна-

чально собирался идти один. Да и для него, Виктора, кто эти люди? Телка, для которой он пустое место. Орангутан, который час назад катал его по полу в вагоне метро? Или эта странная девица с няшной мордочкой, у которой один только холод во взгляде. Да может, они и не видят в нем того, кого он вообразил себе. Возможно, на самом деле все это больше походит на ту вечеринку старшекурсников, на которой его никто не ждал, а он заявился с дебильным воплем «а вот и я». Похоже, Виктор, ты попал в плен собственных иллюзий, сказал он себе. Возможно, вообразил, что стал героем приключений, но, увы, это жизнь со всем ее дерьмом. С гопниками в электричке и дорожным рабочим вонзающим штыковую лопату в лицо своему напарнику. И, похоже, этот мужчина в ботинках за тридцать тысяч, в отличие от него, прекрасно это понимал. Во всяком случае, он первым предложил ему идти вместе с ним.

Виктор почти смирился, но неожиданный женский крик снова вызвал в нем ту же волну негодования, которая заставила его подняться в вагоне.

– Как думаешь, это они?

– Какая разница.

Опять это равнодушие.

Виктор понимал, что не может спасти никого, а тот, кто может, делать этого не собирается и даже если он топнет ногой и уйдет в другую сторону, Пустовалов не побежит за ним и не будет его останавливать.

Пустовалов будто прочитал его мысли.

– Послушай, я не хочу ничего навязывать, но, поверь, всем насрать на твои душевные муки. В лучшем случае ты просто сдохнешь, и про тебя все забудут, а в худшем... Давай лучше проверим, что еще тут есть.

Пустовалов двинулся дальше. Кажется, на этом его взгляд на проблему, волновавшую Виктора, исчерпывался.

– Разве ты не хотел бы, чтобы тебе помогли?

Пустовалов обернулся, фонарь осветил его непривычное для московской зимы загорелое лицо:

– Мне никто не помогал.

– Значит, ты не был...

Пустовалов вдруг двинулся ему навстречу, Виктор отступил, но Пустовалов схватил его за плечо.

– Был, – сказал он спокойно, и Виктор почему-то сразу ему поверил.

– Идем. Наша сделка в силе.

Виктор побрел за Пустоваловым.

– Может, тебе просто нечего терять, – проговорил Пустовалов, не оборачиваясь. – Если думаешь так, то поверь – ты ошибаешься.

Виктор смутился. Ведь отчасти так оно и было – терять ему особо нечего.

Пустовалов подошел к узкой сбойке, которая оказалось небольшим замкнутым помещением с выступом кубической формы у дальней стены. На полу справа лежала колесная па-

ра от вагонетки.

Через тридцать метров, они набрали на еще одну сбойку. Она была широкой, ступеньки уводили наверх.

– Похоже, туалет.

Виктор взбежал по лестнице.

– Так и есть, – сообщил он, вернувшись, – но не такой роскошный как в том туннеле.

– Проходы видишь?

Виктор помотал головой. И, посмотрев поверх плеча Пустовалова, кивнул.

– Там, возможно, есть.

Чуть правее напротив размещался еще один проход, в конце которого горел тусклый свет.

– Он ведет к туннелю, из которого мы пришли, – сказал Виктор с грустью, – туда, полагаю, идти бесполезно?

– Они могли побежать туда.

Пустовалов остановился – за плавным поворотом показался кусочек квадратного проема:

– Там главный туннель и дальше станция. Есть мысли?

Виктор задумался.

– Я думаю, здесь должны быть прямые выходы, с герметичными дверями и гасителями ударных волн в виде каких-нибудь каналов.

– Как на станции?

– Не, там автоматика, а я говорю о тех, что открываются вручную.

– Но здесь их нет?

– Думаю, они есть в основных туннелях.

Пустовалов резко поднял руку – впереди послышались голоса.

– Послушайте!

– Ш-ш! – зашипел Пустовалов, осторожно вглядываясь вперед.

Виктор постучал его по плечу. Пустовалов обернулся. Метрах в десяти за ними стоял невысокий коренастый мужчина совершенно безобидного вида: лет пятидесяти, с короткой благообразной бородкой, в красно-синей форме сотрудника метро.

Пустовалов смотрел, как расширяются глаза на добром лице мужика, как в них растет страх. Выглядел он совсем не пугающе – походил скорее на архитектора, работающего в русском стиле, или на опытного банщика.

– Мы пассажиры, – поторопился успокоить его Виктор.

Взгляд мужчины был прикован к пистолету в руках Пустовалова.

Пустовалов бегло осмотрел фигуру мужчины и убрал пистолет в карман.

– Он пневматический.

При исчезновении пистолета взгляд мужчины немного оттаял.

– Вы... откуда, – тихо прошептал мужчина, так что Пустовалов его не сразу понял.

– Мы из поезда. Пассажиры, – повторил Виктор.

Мужчина перевел взгляд на Виктора и уже совсем очевидно уверился, что перед ним действительно пассажиры.

– Но как вы сюда попали?

Пустовалов шагнул к нему.

– Слушайте, это сейчас неважно. Что здесь случилось? Вы знаете?

– Конечно.

– Черт, – Пустовалов быстро глянул по сторонам и подошел к мужчине, заглянув в его простое, слегка напуганное русское лицо. – Так что?

Мужчина заморгал.

– Вы не знаете?

– Откуда?! Мы же просто ехали, потом бац – все погасло, связи нет и...

– Но как...

– Мы были на станции.

– На станции? Больше не суйтесь туда! Ближайшая станция, через которую можно выбраться – Новокузнецкая. Этот узел полностью контролируется ими.

– Кем?

– Я не знаю... – мужчина пожал плечами. – Террористами, наверное. Все что мне известно – примерно тысяча человек попыталась захватить здания в Москве. Большую часть из них уже перебили, но пара сотен, в этом районе, отступили в метро. На поверхности их блокировали, там полиция и вой-

ска из дивизии.

– Что за чертовщина, почему они не спускаются! Мы их видели и на Площади Ильича и здесь... Они повсюду и чувствуют себя очень вольготно.

– Да-да, – зашептал мужчина, – захвачен именно этот перегон. Третьяковка тоже была, но ее отбили. Я сам... едва выжил. Моих коллег похитили, а я спрятался в раздевалке за ручной гермодверью.

– Но что им тут делать?

– Им просто некуда деваться.

– Постойте, но почему закрыты двери на Площади Ильича?

– Вы были там?

– Да.

– Значит, они пробрались и туда. – Мужчина в задумчивости сощурился.

– Пробрались?

– Станцию удалось законсервировать.

– Так это закрыли вы?

– Ее закрыли работники станции, чтобы отрезать пути.

Ведь они уже попытались совершить подобное на Киевской и Тургеневской. Их там заглушили. Здесь последний заступ. Человек двести. Вам надо идти на Новокузнецкую.

– А вам?

– Я знаю путь короче.

– Ну, так мы пойдем лучше с вами!

– Не стоит. Замараетесь вконец, – мужчина кивнул на грязное лицо Виктора. – К тому же на Новокузнецкой организован центр помощи. Там медики, полиция, дают какую-то еду и по пятьсот рублей. Вам лучше туда.

– Нам это не надо. Вы знаете выход короче? Просто на улицу?

– Я иду туда.

– Тогда мы идем с вами.

– Ну, хорошо.

Издали послышались крики. Мужчина посерьёзnel, вытянул лицо.

– Дуйте за мной.

Виктор посмотрел на Пустовалова, но мужчина с аккумуляторным фонарем на плече уже спешно удалялся.

Пустовалов двинулся следом.

Мужчина шел очень быстро, так что Виктор периодически переходил на бег. Он сказал, что зовут его Сергей – именно так, с буквой «и» во втором слого, как в именах святых. Работал он мастером-околоточным, проверял состояние служебно-соединительной ветви и знал здесь каждый закуток.

Сергей привел их к туалетам, которые пять минут назад проверял Виктор.

– Я вас еще тут заметил, – сообщил он, – но не знал кто вы.

Пустовалов с сомнением посмотрел на него.

– Вы хотите в туалет?

– Давайте сюда, – мужчина посмотрел в темную сторону туннеля, откуда издали кто-то снова закричал, – быстро!

Мужчина зашел в туалет, включил в нем свет. При свете тусклой лампочки на полу стала заметна черная крышка люка. Пустовалов нахмурился, когда увидел, как мужчина открыл люк.

– Что-то не так? – спросил у него Виктор.

Пустовалов покачал головой, слегка подталкивая Виктора к люку.

Сергий уже скрылся наполовину там:

– Последний – закрывай крышку! И осторожно тут нет первой ступеньки.

Виктор стремительно прыгнул вслед за Сергием, и Пустовалов уже слышал откуда-то из глубины его голос.

– Так что им надо?

– А пес их знает, – отвечало удаляющееся эхо, – одно знаю...

Дальше Пустовалов не разбирал – слышал только бубнеж. Сам он стоял, глядя в полумрак подпола. Глазам его открылся близкий пол с исколотой плиткой, часть стены с тонкими грязными трубами и черная вертикальная сварная лестница. Лицо его нахмурилось. Пустовалов видел такой же технический подпол. Много лет назад. Сейчас этот люк напомнил о прошлом. И старое тяжелое чувство ржавой спицей вонзилось в сердце.

Пустовалов коротко потрянул головой, сильно зажмурился

на секунду, безуспешно пытаясь отогнать живой образ Гарика, и быстро спустился.

В коридорном пространстве он оказался среди насосных установок. Пустовалов закрыл люк и, согнувшись, пошел на голоса.

Ведя спутников тесным коридором меж насосных установок, Сергей рассказывал о том, как чудо спасло ему жизнь. Он пил чай с коллегами в комнате отдыха, когда сработал датчик движения в туннеле и он отправился проверять. Ничего не нашел, но вернувшись, увидел, как двух его коллег уводят куда-то «здоровенные детины». Причем были они «избиты до полусмерти».

– Куда они их уводят? – спросил Виктор, успевая озираться по сторонам, периодически касаясь какой-нибудь установки.

– А пес их знает! Может, собирают как заложников. Им деваться некуда. Прижали там, прижмут и здесь.

– А как вы все это узнали? Связь же не работает.

– Связь глушит полиция. Чтобы террористы не переговаривались. Я звонил по стационарному телефону.

– Да, оснащены они неплохо.

Тем временем Сергей вывел их в темное помещение, где можно было выпрямиться в полный рост. Помещение примерно двадцати квадратных метров, в отличие от предыдущих, имело классическую прямоугольную форму.

Сергей покрутил фонарем, луч осветил стены из бетон-

ных блоков, насосы, деревянные доски и гору тряпок в углу. В помещении было очень пыльно и душно, так что Виктор начал чихать. Сергей подошел к двери, достал ключ.

– А как вы нас выведете, если все ими контролируется?

– Через штольни. Шахты такие, заброшенные, которые строили при открытии метро, но потом отказались от них из-за узости каналов. Их потом заменили на крупные с вентилями, а старые заложили.

Сергей посветил фонарем в угол, на проем в стене размером примерно метр на метр, заложённый кирпичами.

– Вон у воздухораспределителя видите? На той стороне туннеля есть такая же, только открытая, – сказал он, открывшая дверь.

– Воу, – тихо сказал Виктор.

Сергей выключил фонарь и осторожно выглянул в проем: где-то вдали маячило скудное пятно света.

– Здесь не шумите, – сказал он, не оборачиваясь. – Через пятьдесят метров туннель, можно на супостатов нарваться.

– Окей.

Мужчина повел их по темному коридору, который освещала лишь одна тусклая лампочка в конце над дверью. Других дверей, не считая насосной станции, здесь не было. Пол был грязным и залит водой.

Сергей уже стоял в конце, возился с дверью.

– Слышь, Виктор, – прошептал Пустовалов, не спуская глаз с крепкой спины Сергея, – ты че там сказал?

– Где?

– «Воу», – тебя что-то удивило?

Виктор прыснул и, повернувшись к Пустовалову тихо сказал:

– ВОУ – это водоотливная установка. Мужик ошибся. Назвал ее воздухораспределителем.

– Ага, ясно.

Сергий тем временем открыл дверь и жестом поманил их за собой.

– Послушайте, Сергей, – прошептал Виктор, – мы там по дороге видели сбойку, откуда идет теплый воздух. Она тоже куда-то ведет?

– Там только вомд и тупик.

– Чего?

– Вентилятор говорю и тупик. Здесь ни звука! Тихо!

Сергий осторожно выглянул из проема, откуда сильно дуло, и Пустовалов догадался, что они вышли к туннелю таганско-краснопресненской линии.

– Быстро! – прошептал Сергей и побежал, суетливо пересекая пути по диагонали.

Пустовалов пробежал следом, а Виктор споткнулся и растянулся прямо на рельсах.

– Да что ж ты! Эх! – Сергей сокрушался у стены.

– Ты как? – Пустовалов помог ему подняться.

– Ногу ушиб. Немного.

– Идти можешь?

– Да.

Виктор скривил лицо и тенью последовал за Пустоваловым вдоль стены. Сутулая фигура Сергея кралась вдоль тюбинговых панелей. Он слегка косолапил и походил на медвежонка.

Через полсотни метров Пустовалов увидел станцию. На ней царил все тот же полумрак. Со своей позиции он видел только кусочек платформы. Перед станцией еще один туннель, уводивший вправо, напротив – лестница с узким пандусом.

Сергей поднялся по лестнице, открыл обычную деревянную дверь и, перед тем как скрыться за ней, посмотрел по сторонам.

– Сюда, быстро!

Они попали в блок технических помещений: яркий люминесцентный свет, плитка на полу, округлые тюбинговые стены, выкрашенные в синий цвет. После туннелей тут казалось даже уютно. Коридор метров на тридцать шел до поворота направо, а посередине была всего лишь одна металлическая дверь, возле которой и остановился Сергей.

– Обождите тут, проверю, – сказал он.

Виктор что-то хотел спросить, но Пустовалов быстро кивнул.

Сергей приоткрыл дверь, юркнул внутрь, прикрыл за собою.

– Странно, что эта штольня... – начал Виктор, но Пусто-

валов перебил его, приложив палец к губам:

– Тсс, наш уговор помнишь?

Виктор открыл рот, но ничего не успел сказать. Из-за двери появился Сергей, вздохнул как-то устало.

– Все в порядке, – сказал он, отходя в сторону, обращаясь к Пустовалову, – идите первыми. Там впереди лестни...

Сергей не договорил. В его морщинистый лоб уперся ствол «Вальтера ППКС»

– Сколько?

Сергей потерял дар речи. Виктор, судя по отвисшей челюсти – тоже.

– Сколько их там?

– Д-двое.

– Открывай.

– З-зачем... – серые глаза Сергия смотрели испуганно, как тогда в туннеле. Почти. Сейчас страх был настоящим. Пустовалов очень хорошо знал этот взгляд. – Открывай дверь. Виктор, иди назад.

Но Виктор оставался на месте.

– Что?

– Вали назад!

Виктор попятился к выходу в туннель, не спуская глаз с лица Сергия и пистолета у его лба.

– Открывай! – скомандовал Пустовалов.

Сергий не двигался. Пустовалов ударил его стволом в лоб. Мужчина моргнул и дрожащей рукой потянул на себя дверь.

Пустовалов сделал два быстрых шага назад.

Сергий тотчас упал замертво от очереди прошившей его шею и грудь. Пустовалов стал отступать по коридору спиной назад, не сводя прицела с двери.

Первым выскочил широкий, похожий на шкаф военный, сжимавший штурмовую винтовку. Пустовалов выстрелил, и две пули из трех попали солдату в голову – он упал, почти целиком загородив проход.

Второй, конечно, не будет рисковать, видя обездвиженные ноги своего товарища. Не будет поступать так опрометчиво. Фейковый околоточный Сергей наверняка сказал им, что привел двух обычных пассажиров. Возможно, даже успел сообщить, что один из них вооружен пистолетом. И все же это ведь просто заблудшие пассажиры, пара обычных лохов.

За спиной раздался металлический стук – Виктор открыл дверь. Продолжая движение спиной вперед, Пустовалов вышел на металлический пандус и, захлопнув дверь, повернулся к Виктору, который уже стоял у широкого проема на другой стороне.

Тот, второй, был черным как смоль. Высоким, широким, как баскетболист, с длинными пальцами на огромных ладонях. Пустовалов узнал это когда закрывал дверь машинного зала и увидел, как негр с двумя винтовками за спиной, пытая, с трудом, забирается в узкий коллектор. Здесь он был бы неплохой мишенью, но Пустовалов опасался, что выстрел

вблизи станции привлечет внимание. Лучше раствориться в темноте. В одиночку негру трудновато будет искать их при наличии стольких путей. Главное, чтобы в туннеле их не поджидали другие сюрпризы.

Виктор выскочил из люка метротуалета и уже спускался по ступеням к туннелю – очевидно, он плохо соображал, и Пустовалов, бежавший следом, счел глупым кричать ему. Выбежав в туннель, Виктор, даже не оглядываясь, сразу бросился налево, но вместо длинной вентсбойки свернул в тупиковую – там, где лежала колесная пара.

Пробегая следом Пустовалов, на ходу бросил перед сбойкой свою куртку, а сам пересек пути, разбил лампочку над головой и встал в тени, за шкафчиком.

Виктор понял, что это конец, когда до него дошло, что он оказался в тупиковой сбойке. Над головой, в бетонном выступе, размещался лишь воздухозаборник, через который могла пролезть только его рука. Он хотел уже выскочить обратно, но услышал в туннеле шипение рации. Низкий голос звучал совсем рядом, и в этом голосе слышалась какая-то нечеловеческая мощь. На путях перед входом в сбойку светилась узнаваемая салатовая куртка, и Виктор с ужасом решил, что это лежит уже мертвый Пустовалов. Еще бы! Ведь он застрелил одного из них! В отличие от других заложни-

ков его не «похитят», чтобы отправить к месту сбора. Его убьют и, возможно, даже мучительно. Виктор как никогда остро почувствовал, что ему все-таки есть что терять.

Шаги приближались.

Виктор прижался к грязному полу за колесной парой, цепеня от понимания, что это помещение обязательно проверят.

Возбужденный шепот раздался прямо над его головой, и сквозь закрытые веки Виктор ощутил яркий свет. Баскетболист-великан стоял над ним, его громадное, похожее на испанский кусок обсидиана лицо излучало нездоровое возбуждение. В темноте светились белые глаза. В угловатом каменном кулаке негр сжимал нож с полуметровым лезвием.

Он молча протянул руку и стальным обручем горячих пальцев сжал Виктору шею. Свет в глазах померк, звезды заискрились в неуловимых углах, но в следующее мгновение на Виктора обрушилась целая тонна.

– Жив? – донеслось, будто сквозь толщу воды.

Виктор ударился головой о бетонную стену, успев за сонмом плотных теней заметить мелькнувший силуэт с узнаваемыми вьющимися волосами и, хрипя, попытался выбраться из-под мертвого африканца, но потерял равновесие, завалился на бок и снизу вверх посмотрел на Пустовалова.

– Теперь у нас есть штурмовые винтовки, – радостно сообщил тот.

Виктор не видел его лица – возможно, потому что оно бы-

ло в тени, но скорее всего из-за слез в глазах.

Глава 12

Только укрывшись в машинном зале, Харитонов, Даша, Ромик и Катя заметили, что их теперь четверо. В отличие от других, Даша не пыталась спрятаться в тени и за металлическими шкафами. Печально глядя в светлый арочный проем на Таганскую кольцевую, она думала о бестолковости всей этой возни. Без мужчины в салатовой куртке любые их попытки укрыться были обречены на провал. Можно было вообще никуда не бежать – по крайней мере, ее не мучали бы теперь мерзкий привкус меди во рту и пульсирующая боль в висках.

– А где Виктор и этот? – сквозь тяжелое дыхание спросил Ромик.

«Этот», повторила про себя Даша и тотчас вздрогнула, услышав громкие голоса в туннеле.

Голоса говорили по-русски.

– Ну и как рация работает здесь? – низко спрашивал один.

– Ты видел провода в туннелях? – звонко вторил другой.

– Кабеля? Ну?

– Они выполняют роль волноводов.

Голоса звучали совсем близко. Через секунду-другую их обнаружат – вот так, и нет никакого плана. Даша не верила, что все обойдется малой кровью.

Харитонов осторожно выглянул, показывая жестом

остальным – дескать, совсем рядом.

– Русские... – прошептал Ромик. – Может, свои?

Даша смотрела на огромную фигуру Харитонов, понимая, что он хочет заговорить с ними, и, пользуясь тем, что они тоже какие-то военные, наладить контакт. Ничего более оригинального не пришло в голову этому медведю.

В это время ее осветил яркий луч фонаря.

– Ну, вот и приехали!

В проеме стоял угловатый великан с бородой, в черной форме – так, наверное, и должен выглядеть подземный камуфляж. Он был крупнее и выше даже Харитонova. Великан говорил по-русски, но автомат на его широкой груди и форма, подсумки на ремне и каска были Даше не знакомы, хотя благодаря отцу она знала почти все российское оружие.

– Ну что, – сказал великан, – выходи строиться.

Из-за спины великана возник азиат. Азиат был как раз вровень с Харитоновым, то есть по азиатским меркам довольно крупный. Только, в отличие от пузатого и рыхлого Харитонova, под плотным камуфляжем азиата бугрилась рельефная мускулатура.

– Да поживее.

Харитонов зажмурился от света.

– Мужики, – пробасил он невесть откуда взявшимся тоном подхалима-балагура, – вы за наших или ненаших?

– Кто тебе промыл мозги? – спросил безо всякого акцента азиат. – Тут все наши.

Наверное, бурят или якут, подумала Даша. Только ей показалось, что, несмотря на хороший русский выговор, последние годы он редко говорил на родном языке – это было заметно по тому, как он аккуратно и долго он подбирал слова.

Великан с прямым длинным носом и остроконечной окладистой бородкой с любопытством осмотрел Дашу и переключился на Катю. Катя явно интересовала его больше – он пытался одновременно охватить взглядом ее грудь, изгибы ног и бедер.

– Что это? – кивнул он на болтающийся ремень на катиной руке.

– Это он, – Катя указала на Харитонову, – хотел связать меня!

– Что? – бородач развернулся к Харитонову. – А ну к стене!

– С какой стати? – усмехнулся Харитонов.

Великан, сжимая могучей ладонью рукоятку винтовки, чуть сдвинул ее на груди.

– Вы кто такие вообще?

– Без разговоров! – азиат подошел к Харитонову и пополицейски ловко выкрутил ему руку.

Харитонов ударился грудью о грязную стену.

– Это что, захват?

– Арест, – сказал он, стягивая плотные харитоновские запястья пластиковым хомутом. – Остальные выходите друг за

другом.

– Мы арестованы? – спросила Даша.

– Только он и на время пути.

– Какого пути?

– Помолчите, – вальяжно пробасил великан. – Говорю один раз, и больше никаких вопросов. Произошло ЧП. Действуют особые меры. В целях безопасности вас доставят в пункт сбора.

– Что случилось наверху? – спросил Ромик, и великан устремил на него взгляд строгого родителя.

– Извините, – тут же сообразил Ромик, – я понял. Никаких вопросов.

Даше все это не нравилось. Ей бы очень хотелось, чтобы прямо сейчас здесь появились крепкие подчиненные ее отца с аббревиатурой ФСБ на спине. И дело было даже не в том, врали эти двое или нет – просто Даша не хотела, чтобы ее куда-либо доставляли против ее желания даже в целях «безопасности». Эта нетерпимость, не считая общего недоверия к людям, пожалуй, была единственной чертой, которая объединяла ее с Пустоваловым.

Даша попыталась представить, как бы поступил тот мужчина в салатовой куртке, и с сожалением поняла, что он, скорее всего, просто не оказался бы в подобной ситуации. Впрочем, ведь так оно и случилось. Он не потерял головы как они, сумел где-то спрятаться и того тощего парня с собой прихватил. Естественно, он ему полезен, ведь парень разбирается

во всякой технической фигне.

В лице бородача было что-то восточное, он почти не спускал глаз с Кати, и потому Даша смогла его рассмотреть, не привлекая к себе особого внимания. Дашу в целом раздражали мужчины, кроме двоих, не считая отца. Но она всегда считала, что особенно не любит brutальных мужчин, черноволосых, бородатых и кареглазых.

Однако тот, в чьей компании ей хотелось сейчас оказаться, тоже был крепким, черноволосым и имел большие карие глаза. И Даша неожиданно осознала, что хотела быть с ним заодно не только потому, что у него хорошо получалось уходить от неприятностей. А еще потому, что он казался ей плоть от плоти того мира, который сейчас уплывал от нее. Она снова вспомнила о «брошенности». Она уже слышала это слово в очень похожем контексте. Тогда ее мир тоже рушился. Теперь это чувство было острее, она ощущала себя брошенной, но тот мужчина словно оставался на краю уходящего мира – срывался, падал, но уверенно и ловко снова забирался на самый край. И теперь он словно отдалялся вместе с ним, унося с собой то небольшое, что хоть как-то могло противостоять разрушению. Симпатизировать такому человеку легко. Ведь он не просто незнакомец – старомодная улыбка в духе фильмов о Бонде были частью ее мира. Физически в нем не было ничего особенного. Его лицо не было слишком умным или глупым, слишком добрым или злым. Оно не было грубым или смазливym, но оно бесспорно было обаятель-

ным. В нем будто под маской таились игра и озорство, как внутренняя нежность и чувствительность Даши скрывались под маской хмурости и отстраненности. Он – тот мальчишка, которого она знала с детства, пока однажды не поняла, что влюбилась. Что может быть еще плотью и кровью этого мира, как не этот озорной знакомый взгляд? Тот, кто, несмотря на наложенные годами пороки, оставался понятным, чей хрипловатый крик влетал в окно воскресным утром, когда неугомонный ум в очередной раз рождал опасную затею. И в этом крике она ощущала всю его энергию и горячее сердце. Тот, кто умел раздражать и быть вредино́й, и тот, кто умел расшевелить и разогнать тоску в дождливый день. Тот, с кем она болтала до глубокой ночи и кто с очаровательной серьезностью дарил поздравительную открытку, написанную с ошибками, в которых она видела отражение все той же легкости и беспечного озорства. Тот, чьих родителей она знала как своих собственных. Тот, чьи слезы она видела, тот, чья невинная улыбка заставляла забыть об обидах. Тот, кого никогда не существовало в реальности, тот, кто просто жил там, где живут все вымышленные друзья одиноких людей. Но те, кого никогда не существовало, иногда неожиданно обретают плоть. И пускай эта плоть не совсем то, что рисовала фантазия, неоспоримым и главным остается одно – он часть того мира. Ее мира. И он будет бороться и победит. Или погибнет вместе с ним. Иного не дано. Просто потому, что он и есть этот мир.

Вот Харитонов не был частью того мира – он быстро покори́лся – наверное, как бывший военный он привык подчиняться. Но Даша не была наивной девчонкой, она понимала разницу – там где один проскочит, второй погибнет, и все же... Все же она была дочерью генерала армии, и в ее сумочке лежал телефон апокалипсиса. Однажды он заработает и определит местоположение...

Их вели по путям мимо Таганской. На станции царили тишина и полумрак. С широченных пилонов к сводам уходили треугольные майоликовые панно небесно-голубого цвета.

– Слышал, Тимур, про бывший командный пункт? – произнес азиат.

– Ммм, – промычал великан, не отрывая черных глаз от катиной фигуры.

– Огромный бункер. Где-то здесь...

На станции возникло движение. Даша повернула голову и увидела на платформе мужика с длинными по краям лысины волосами. Мужик улыбался, глядя на них, и все его маслянистое лицо за исключением тону́щих в линзах глаз светилось неподдельной радостью.

Позади захрипела рация.

– Мы работаем, – деловито ответил азиат по-английски.

Рация в ответ заговорила по-английски, проглатывая слова, но Даша все поняла.

– Что там? – спросил бородач тоже по-английски.

– Кто-то убил двоих наших из восьмого орнута и забрал

оружие.

– Да ну?!

– Может, еще кто-то проник?

– Не может быть.

– Ну не пассажир же это сделал.

У Даши забилось сердце.

– Скажи, что мы заняты.

– Я так и сказал.

Азиат отключил рацию, и снова стало тихо – так, что Даша услышала, как за ее спиной великан промурлыкал шепотом:

– Эта киска...

Концовку фразы она не расслышала потому что, видимо, не в силах выносить тишину Ромик, идущий перед ней, принялся напевать. В ту же секунду к нему решительно прошагал великан и дал подзатыльник, от которого Ромик улетел в спину Харитонову. Где-то позади на станции захохотал толстяк.

– Я же сказал – молчать, – спокойно сказал великан, будто всего лишь сделал вежливое замечание.

Ромик, ссутулившись, потирал ушибленную голову. Даша заметила кривую усмешку на лице Харитонова.

Как только они миновали станцию и вошли в туннель, великан снова замурлыкал что-то по-английски, и на этот раз Даша не могла ничего разобрать. Азиат засмеялся и затем громко по-русски приказал, чтобы они свернули в ближайший проход, который оказался довольно широкой межтун-

нельной сбойкой. В ее углублении обнаружилась черная металлическая дверь, которая видимо и была целью их пути. Дверь открыл азиат, и они зашли в вытянутое помещение.

Слева при входе располагалась ржавая мойка в белом уголке с закрытым резным латунным щитком вентиляционного коллектора. Напротив санитарного уголка, отгороженного от остального пространства двухметровой стенкой, хаотичной горой были набросаны коробки с дозиметрами. В конце у стены стоял широченный стол на четыре рабочих места, в центре которого громоздился пульт с мониторами. На столе – замызганный светло-голубой электрочайник и три потертые кружки. На кафельном полу темнели грязные разводы. Пахло сыростью и несвежим потом.

Как только все вошли в помещение, чернобородый великан толкнул Ромика в коробки с дозиметрами. Толкнул без особого усилия, однако Ромик улетел в самый дальний угол, утонув в куче коробок. Судя по неподвижной позе, он ударился головой о стену и потерял сознание. Даша с тоской смотрела на его почерневшие от грязи кроссовки «Рибок» сорок пятого размера, торчавшие из коробок.

– Свяжи им ноги, Николай, – распорядился великан, властной рукой по-хозяйски снимая сумку и ремень.

Азиат стянул Ромику ноги хомутом. Девушкам указали путь к столу, а Харитонову заставили встать на колени, спиной к неподвижному Ромику.

После того как девушек усадили за стол и азиат закрыл

дверь на ключ, великан подошел к Харитонову, встал напротив и стал методично бить его по лицу. Вполсилы, а может, и в треть силы. Харитонов молчал. И даже не хрипел. Из носа и рта у него потекла кровь.

Харитонов, надо сказать, держался невозмутимо. Он не молил о пощаде, не требовал прекратить, не ныл, как говорится. Смотрел он прямо перед собой и даже иногда усмехался. Даша обратила внимания, что у бородача началась эрекция.

– Зачем вы это делаете? – не выдержала она.

Великан посмотрел на нее. Глаза его горели от возбуждения.

После чего повернулся к Харитонову и нанес еще шесть ударов.

К этому моменту лицо Харитонова превратилось в кровавое месиво. Оба глаза заплыли, кровь стекала по подбородку на грудь, обильной лужей собираясь на полу. Наконец, великан отошел, вытер вафельным полотенцем окровавленные, похожие на калиброванные булыжники, кулаки, оставив Харитонова на коленях.

– Зачем вы бьете связанного?! – неожиданно закричала Катя.

Великан дал ей с размаху сильную пощечину и, схватив могучими руками, развернул к себе спиной.

Обе девушки завизжали. Даша попыталась вскочить, но азиат ухватил ее за руку, с силой потянул, усадив себе на ко-

лени, и обнял сзади обеими руками. У Даши все поплыло перед глазами, она почувствовала тошноту. Однако больше азиат ничего не делал, в отличие от великана. Катя кричала, этот крик покатился по туннелям, станциям, переходам, вентиляционным коллекторам и сбойкам – во все стороны.

Виктор лежал на боку, и наблюдал за Пустоваловым, который без куртки выглядел гораздо атлетичней – несмотря на средний рост, под тонким кашемиром свитера были заметны грудные мышцы, бицепсы и развитые плечи. Похоже, мужик любил посещать тренажерный зал. Крепкая фигура, правда, располагала к быстрому набору массы. Виктору при его эктоморфном телосложении ничего подобного не светило.

Виктор не мог пошевелиться. Хотел, но не мог – силы оставили его.

Пустовалов отсоединил магазин, осмотрел его, уверенным движением поставил на место, передернул затвор. Винтовка внушительно щелкнула.

– Нам повезло, что наш африканский друг тщательно соблюдает правила, – сказал Пустовалов, нагибаясь к трупу исполина, чтобы снять с него ремень.

Виктор старался не смотреть на труп.

Тусклый свет, падавший из туннеля через дверной проем, скрывал лицо Пустовалова. Виктор видел лишь очертания –

крепкий подбородок, линии щек.

– Я, кажется, измазался в крысином говне, – сказал Виктор, – и еще... не могу встать.

Пустовалов взял фонарь и осветил на Виктора.

– Не, я в порядке... Это просто...

– Дыши через нос.

Пустовалов достал из рюкзака шоколадную конфету в виде зонтика и сунул ему в руку.

– На, съешь. Тебе нужна глюкоза.

Конфета оказалась чертовски вкусной и мгновенно растворилась во рту.

– Спасибо...

Попробуй подняться. Тут нельзя задерживаться.

Виктор вытянул ноги, которые тотчас уперлись в стену, перевернулся на живот и, опираясь на руки, попробовал встать.

Пустовалов подхватил его, помог подняться, после чего протянул винтовку.

– Сможешь нести?

Виктор осторожно взял оружие и едва не выронил.

– Это а эр пятнадцать. Повернись.

Виктор медленно повернулся, и Пустовалов сунул ему в задние карманы джинсов по магазину.

– А как стрелять?

– Очень просто, – сказал Пустовалов, показывая ему наглядно на своей винтовке, которая была чуть больше, – это

предохранитель, у тебя такой же, положение «Fire». Понятно?

– Понятно.

– Держи всегда в положении «Safe». И еще – никогда не направляй в меня даже на предохранителе. – Пустовалов подхватил с пола магазин.

– Что это?

– Эм ка вэ пятнадцать со «слонобойными» патронами.

Пустовалов снова уверенно присоединил магазин, будто всю жизнь только этим и занимался.

– Очень просто, как видишь, но надеюсь, до этого не дойдет.

Пустовалов также забрал у мертвеца небольшой пистолет «Зиг зауэр» и снял с ремня тугий компактно набитый пакет с изображением медицинского креста.

– Рации оставим, частоты уже поменяли, – сказал Пустовалов, цепляя аптечку на свой ремень. Затем взял фонарь и осторожно выглянул в туннель.

– Запомнил правила?

– Всегда «сэйфить» и не направлять в тебя.

– Молодец.

– Послушай!

– Тсссс!

– Я только хотел сказать спасибо, – прошептал Виктор.

Выпив в уборной воды, Виктор немного пришел в себя, и они вернулись к сбойке со сломанной вагонеткой. Пустова-

лов отправил Виктора первым, потому что считал не очень разумным ползти впереди пережившего шок подростка с зараженной АР-15. Парень, конечно, вроде как не дурак, но рисковать Пустовалов не собирался.

– Тут подъем наверх, – сообщил Виктор, дойдя до конца сбойки

– Отлично.

Они поднялись по узким ступенькам и оказались возле огромного неработающего вентилятора.

– ВОМД, – пояснил Виктор, – это аббревиатура. Странно, что он размещен тут, я думал, их ставят в вентшахтах.

– Смотри, есть ли дальше проход.

Вентилятор, огороженный сеткой-рабицей, был буквально втиснут в маленькое помещение. Налево вел небольшой проход, по которому можно было продвигаться только боком. Над головой висели простые стеклянные плафоны с неработающими лампочками.

За вентилятором пространство расширилось метра на полтора, так что можно было уместиться вдвоем. Напротив задней стенки вентилятора крепились бетонные пластины, выполнявшие функции гигантского фильтра. Сам узкий проход тянулся дальше, пропадая во тьме. В комнатке задней части, возле металлического шкафа, висела электросхема с заголовком «Всб-626». Они прошли дальше и оказались у зарешеченной двери, закрытой на висячий замок. Направо ступеньки вели в какой-то кабельный коллектор, судя по бо-

ковым крючьям и фиксаторам для проводов. Самих кабелей, впрочем, не было.

– Что будем делать? – спросил Виктор.

– Выруби фонарь, за решеткой туннель.

– Что мы ищем?

– Виктор, соберись. Выберемся – я куплю тебе пива и отправлю домой на такси. Ты понимаешь, что сейчас начнется? Когда они найдут своих мертвых друзей?

– Я просто не могу во все это поверить. – Виктор прижался к стене.

– Не время думать. Лезь в коллектор.

Коллектор шел круто вниз, потом долго по прямой, затем снова поднимался и дальше разветвлялся надвое – вверх и вниз. Они отправились наверх. Виктор полез, подняв облако пыли, и закашлялся.

– Кажись, вентиляционный, – сообщил он.

– Слышишь голоса? – спросил Пустовалов.

– Да, там орет кто-то...

По мере приближения крики усиливались. Это были женские крики. Виктор увидел впереди квадратный рассеянный свет. Метрах в трех от него ответвление уходило налево, но оно было наглухо замуровано двойной решеткой.

– Черт!

– Оттуда! – прошептал Виктор.

Ясно слышался мужской смех, и неожиданный женский вопль заставил Виктора вздрогнуть.

– Это же она! – возбудился Виктор.

– Кто?

– Ну, Катя, которая была с нами! Похоже, там что-то происходит. Нехорошее.

Пустовалов все понял, но ему совсем не хотелось тратить силы на очередную попытку перевоспитания Виктора. Он решил, что, в крайнем случае, пойдет дальше один.

– Идем назад, – сказал Пустовалов, увидев, что Виктор намеревается ползти к квадратному источнику света, – здесь тупик!

На Пустовалова обернулось изумленное лицо:

– Но здесь не тупик!

– Тащи сюда свою задницу!

Истошный женский крик заставил лицо Виктора вытянуться, отчего оно стало похожим на овечью морду.

– Послушай, у нас же есть оружие!

– У них тоже. – Пустовалов понял, что спорить и доказывать бесполезно. – Ты просто тоже умрешь.

– А ты?

Пустовалов решил больше не тратить времени.

– Не забудь включить «Fire», спаситель.

Виктор несколько секунд пристально смотрел на Пустовалова, и тому даже показалось, что Виктор передумает и двинется за ним. Пустовалову все-таки очень не хотелось идти дальше одному. Но Виктор дернул головой, не глядя, наощупь выключил предохранитель и как-то невероятно быстро

метнулся к решетке, из-за которой пылил рассеянный свет. Ударил рукой, решетка упала, повиснув очевидно на нижних петлях. Пустовалов успел увидеть, как Виктор исчез, и следом на фоне сине-белой казенной стены показалась его голова. Мелькнул профиль и раскрытый в крике рот. Пустовалов увидел, что справа и слева выход из коллектора огражден стенами с белой плиткой.

– Дверь! – услышал Пустовалов крик с южным акцентом и понял, что те, кто внутри, решили, что Виктор появился из-за двери.

Пустовалов стремительно подполз, осторожно выглянул вместе со стволом автомата. Крышка коллектора лежала прямо под ним, упираясь в мойку. Совсем рядом справа он увидел дверь, но основное пространство помещения было скрыто боковой перегородкой как в больничной палате. Она укрывала и Пустовалова.

Виктора, судя по всему, уже били за этой перегородкой, поскольку он визжал – раздавались глухие удары, громыхала мебель, и, разумеется, никаких выстрелов АР-15.

«Придурок», – подумал Пустовалов, хватая крышку, и, оказавшись в эту секунду на месте него кто-то другой, он, по меньшей мере, вздрогнул бы, а то и просто вывалился из коллектора. Пустовалов же просто замер – прямо на него пялилась здоровенная окровавленная башка. Пустовалов даже на какую-то долю секунды подумал, что это лицо, с которого содрали кожу. Он не сразу узнал его. Но все-таки узнал. Ха-

ритонов смотрел на него сквозь красное месиво. Стоял на коленях прямо напротив него в паре метров. И он, мать его, улыбался. Белели зубы на фоне красной маски.

Не в силах отвести от него взгляда, Пустовалов поднял крышку, поставил ее на место и теперь смотрел на Харитонова сквозь резную латунную решетку.

Пустовалов ожидал, что Харитонов заорет, чтобы сдать его – это было бы логично, но он лишь продолжал молча улыбаться. Пустовалов видел всякое – он уже понял, что Виктор не жилец, что остальные тоже, что ноги которые видны за спиной Харитонова – это ноги очевидно мертвого Ромика, но эта улыбка... Улыбаться, когда твое лицо превратили в фарш... Крышка выскользнула из рук и с грохотом упала на мойку.

– Дверь, Колян! – заорал великан, отталкивая Катю.

Азиат оставил Виктора, пнув его еще раз в живот, и подошел к двери. Подергал ручку.

– Слушай, а она ведь...

Азиат замер. Его звали Николаем, он был якутом и двадцать один год своей жизни отдал службе в государственных и частных военизированных структурах. Сейчас он понял, что допустил промах, но не в силах был сдержать себя – хотя, с другой стороны, что еще остается, как ни повиновать-

ся инстинктам, если ситуация выходит из-под контроля? Информация по зрительным каналам уже поступила в мозг. Он медленно повернул голову, реагируя на сигнал, полученный боковым зрением. Тяжелая решетчатая крышка лежала на мойке, а в лицо Николаю прямо из канала смотрел черный ствол МКВ-15. В следующее мгновение «слонобойный» патрон SOCOM снес ему половину головы.

На огромное, будто вырубленное из камня лицо Тимура с богатырской бородкой легла тень удивления. Нахмурившись, он могучей рукой взял за ствол свою винтовку, словно она была игрушечной. Бросил быстрый взгляд на тощего Виктора, который лежал пришибленный, сжимая живот, пока на пол перед ним сползала Катя.

Медленно снял с предохранителя и направил ствол в сторону простенка, скрывающего мойку. Он уже понял, откуда появился тот, кто убил Николая.

У двери лежал труп без верхней части головы, половину винтовки Николая скрывала перегородка. Тимур выстрелил и три пули со звоном вошли в кирпичную стену, по комнате разлетелись осколки белой плитки.

Там лишь один человек, двоим там не поместиться.

Держа на прицеле торец стены, Тимур шаг за шагом двигался по дуге, постепенно открывая себе обзор мертвой зо-

ны. Вот появилась деревянная рамка графика уборки, надпись «КВ», сделанная маркером на стене. Напротив мойки на коленях стоял этот окровавленный пес. Избитый пес, с которым он еще не закончил. Пес стоял неподвижно, как памятник, не отрывая взгляда от того, что находилось там, за перегородкой. Проклятый сукин сын видит, что там. Видит, но молчит. На мгновение Тимур даже позавидовал ему.

Еще один шаг и еще десять сантиметров пустоты. Может, там и нет никого? Этот кто-то уполз в свою шахту, как крыса?

Но там все же кто-то был. Иначе кто запустил винтовку МКВ-15, которая со свистом, гремя пластиковыми карабинами, летела сейчас над перегородкой в сторону скрючившегося доходяги.

Глупый ход, он ведь неопасен. Доходяга даже не сообразил, что это была винтовка, он лишь сжался еще сильнее.

Но расчет был, конечно, не на это. Тимур не за высокий рост и физическую силу вошел в число избранных. Вернее, не только за это. Вот, правда, понял это он слишком поздно – где-то на четверть секунды позже, чем следовало, и потому к перегородке успела повернуться лишь его голова, а ствол АР-15 так и замер между доходягой и кирпичной стеной.

Теперь он увидел его.

На него смотрели спокойные большие глаза. Сукин сын даже не нервничал! Прямо под ними – ствол серебристого «Зиг Зауэра», девятимиллиметровая пуля из которого уже

направлялась к его скуле.

В голове Тимура что-то треснуло, мгновенно обожгло, и, будто получив нокаут, он стал оседать. Крепкий мужчина среднего роста вышел из-за перегородки, но Тимур был бессилен. Он рухнул на спину, узловатые пальцы разжали цевье автомата.

Пустовалов понял, что кроме него в помещении все были невменяемы, и потому решил, что самым полезным вначале будет освободить раненного «зверя». Достав складной «Милитари», который он забрал у африканца, Пустовалов разрезал хомуты на ногах Харитонову, затем освободил его руки и даже помог подняться, стараясь при этом не глядеть в лицо, от которого разлило свежей кровью. Потом направился к Виктору:

– Как?

Виктор оторвал руку от живота, показал большой палец.

Головорез был еще жив, но не опасен. Он агонизировал. Дергались длинные ноги, обутые в черные берцы из гидрофобной кожи. Катерина била его ногой по лицу. Розовый «Эйр макс» соскальзывал с него, как с гладкого камня. Катя визжала, не переставая, и не могла остановиться, пока сзади не подошел человек-медведь и не схватил ее за запястье. Катя развернулась и набросилась на него, но, увидев лицо,

в ужасе замерла. Харитонов без слов, аккуратно, как будто даже по-братски отстранил Катю и сам подошел к великану.

Виктор, который лежал на боку и наблюдал за всем этим под углом девяносто градусов, отметил, что на ногах Харитонova были далеко не кроссовки. А разношенные башмаки с каблуками. Виктор почувствовал, как внутренности сжимаются в комок и этот комок начинает пульсировать у него в животе. Харитонов занес ногу над лицом Тимура. Со своей стороны Виктор не видел окровавленной стороны лица, в которую угодила пуля. Веки бородатого исполина подрагивали, но неожиданно он открыл правый глаз и устремил его на нависший над ним ботинок Харитонova. Виктор зажмурился в нужный момент. Но уши заткнуть не успел. Звук напомнил ему ломающую плитку шоколада. Не в силах сдерживать рвотный позыв, Виктор испустил обжигающую струю на грязный плиточный пол.

Глава 13

После инцидента с путевым обходчиком Пустовалов оставил последние иллюзии и, подчиняясь врожденному инстинкту, готовился теперь только к худшему. Отныне действовать предстояло по-другому, и прежде всего следовало выяснить, что узнали эти несчастные за время своих злоключений. Однако, оглядев усыпанное кровавыми осколками помещение, Пустовалов понял, что все находящиеся здесь, начиная от внезапно «очнувшегося» Ромика до Харитонова пребывали в шоковом состоянии. Но проблема заключалась не только в этом. Пустовалова беспокоило, что за последние полчаса он при свидетелях убил трех человек, и хотя остальные поучаствовали в убийстве четвертого – кем бы они ни были – это обстоятельство не могло пройти мимо внимания компетентных органов. Впрочем, никто из свидетелей ничего не знал о самом Пустовалове, кроме имени. Камер в туннелях не было, и разве что на входе и в окрестностях могли работать системы распознавания лиц, но от них его защищали не раз протестированная бейсболка с инфракрасными диодами, замаскированными под логотип команды «Хаас» и усовершенствованная куртка.

Виктор сидел у стены, не замечая, что ребристый ствол автомата со снятым предохранителем, выглядывающего из-под мертвеца, нацелен прямо на его гениталии.

В углу за столом сидела Даша и, не мигая, смотрела на Пустовалова.

– Почему вы вернулись? – спросила она, как только их взгляды встретились.

Пустовалов кивнул на Виктора.

– Он вернулся.

– Я имею в виду вас.

Эта девчонка раскусила его быстрее Харитонова.

– Не знаю, но мне кажется, что проблема не только в этих головорезах.

– Вы про то, что сказал вам работник метро?

– Это странно, но... Не знаю, это место как будто навязывает всем свою волю.

– Как в кошмарном сне...

– Сон рано или поздно заканчивается. А здесь словно лабиринт без выхода. Как будто кто-то или что-то управляет пространством.

– Ты чего там нанюхался в вентиляции? – прохрипел голос за спиной. Пустовалов оглянулся. Харитонов стоял над мойкой, отплевываясь кровавой слюной.

– Неважно выглядишь.

– Бывало и хуже...

Пустовалов снял с пояса аптечку и швырнул ему. Харитонов, несмотря на видимую неповоротливость, ловко поймал ее.

Ромик, продолжая неподвижно сидеть на куче коробок,

глядел на то, что осталось от головы азиата.

– Домой охота, – произнес он меланхолично.

Что-то во взгляде парня показалось Пустовалову странным.

– Кем ты работаешь? – спросил он.

– Строителем. Собираю строительные леса. – Ромик медленно моргнул, продолжая пялиться на труп. – Они не простят такое.

– Кто?

Ромик перевел шальной взгляд на Пустовалова.

– Они.

В это время на поясе азиата с сильными помехами заработала рация. Повторив дважды одну и ту же фразу, рация замолчала.

Ромик потянулся к ней.

– Не трогай!

– Мы сможем их подслушивать.

– Не получится, они снова сменят частоту, – сказала Даша.

– Снова? – уточнил Пустовалов.

– Они уже меняли ее после того, как вы убили тех двоих.

Пустовалов посмотрел на девушку. Сообразительная, мелькнула в голове беззлобная мысль – и не только потому, что Пустовалов не умел злиться.

– Что еще ты слышала?

– Почти ничего. Мне только показалось странным их

удивление, когда они узнали об этом, как будто... как будто это вообще невозможно. Понимаете?

Пустовалов насторожился.

– Что они сказали?

– «Ну не пассажир же это сделал».

Виктор и Пустовалов переглянулись.

– Как будто все остальные варианты исключены...

– Что с твоим телефоном?

Даша едва заметно покачала головой.

В это время Виктор, сидевший на полу, вдруг изменился в лице и стал подниматься, пытаясь одной рукой ухватиться за стену.

– Тихо-тихо-тихо...

Пустовалов определил источник ужаса в его глазах – Катя, до того сидевшая неподвижно за столом, теперь вытаскивала из-под трупа гиганта измазанный кровью автомат SR-47.

Взяв оружие, девушка неумело, но уверенно перехватила его. И то ли ее одержимая сосредоточенность, то ли молчаливая уверенность внушали всем необъяснимую тревогу. Может быть, это тоже часть новых правил игры?

– Лучше не трогай, – сказал Виктор.

– Что?! – возмутилась Катя. – С какой стати?!

– Ты не умеешь им пользоваться!

– Сейчас посмотрим.

Катя прицелилась в монитор на столе.

– В самом деле, не надо, – поддержал Виктора Ромик.

– Да пошел ты!

– Идиотка!

Катя нацелила на него автомат. Ромик тотчас замолчал и ссутулился. В следующее мгновение Виктор попытался выхватить у нее оружие.

Катя оттолкнула его и оглушительно завизжала, прижимая автомат к груди.

– Пошли на хрен! Почему у вас есть автоматы, а мне нельзя?!

– Справедливо, – неожиданно сказал Харитонов, отходя от мойки и стряхивая с рук капли воды. – Почему ты считаешь, что можешь иметь оружие, а она нет?

– Иван, она же не в адеквате! Посмотри на нее! – заявил Роман.

– А ты что, врач? – Харитонов двинулся к Кате, не замечая, как ствол ее автомата поворачивается в его сторону. – Может, она и не умеет им пользоваться, но зато ее рука точно не дрогнет.

Харитонов подошел к Кате. Ствол уперся в его залитый кровью свитер.

– Верно?

Харитонов протянул руку к оружию.

Виктор зажмурился.

– Только держи переводчик огня на предохранителе, если не собираешься его использовать.

Толстые пальцы Харитонova переключили предохрани-

тель в положение «safe».

Пустовалов глядя на последние действия Кати, на ее стройное и сильное тело, в сочетании с уверенностью и заряженным оружием в загорелых руках, ощутил волну сексуального возбуждения. Однако другая девушка его неожиданно взволновала сильнее, и это чувство совсем не походило на обычный прилив крови внизу живота. Когда Даша выбиралась из-за стола, ее взгляд уперся в труп азиата. Девушка пошатнулась, и Пустовалов удержал ее, успев помимо ужаса заметить в ее лице испуг, вызванный видимо его прикосновением.

Даже негативная эмоция на мгновение преобразила ее – холод отступил, обнажив чувственность, которой Пустовалов прежде не замечал. Он понял, что просто никогда не имел дело с девушками такого уровня – он не был знатоком подобной красоты, но увидев теперь и в какой-то степени поняв ее, сумел восхититься новым чувством.

Чтобы не усугублять нездоровую атмосферу, Пустовалов накрыл изуродованные головы убитых коробками и заодно обыскал трупы. Как и в случае с африканцем, его озадачили пустые карманы. Никаких мобильных, жвачек, ключей от машин, и жетонов. Для столь разночинной публики, эти таинственные молодчики вели себя слишком дисциплинированно. Впрочем, у великана в нагрудном кармане обнаружилось кое-что. Пустовалов достал листок, сложенный вчетверо.

На листке была напечатана усеченная схема метро – черные линии с кружками станций, подписанными по-английски и круг кольцевой, за который каждая радиальная ветка выходила только на две станции, упираясь дальше в пунктирный круг. Что он означал, Пустовалов не понимал, но точно не вторую кольцевую линию. Ее вроде бы еще не построили. Все ветки внутри кольца сопровождали стрелки, направленные к кольцевым станциям, которые в свою очередь были обведены дополнительными кружками, а станция «Komsomolskaya» была зачеркнута крест-накрест красным маркером. Пустовалов показал чертеж Виктору.

– Надеюсь это хороший знак.

– Ты о чем?

– Я там живу. На Комсомольской.

– И что там?

Виктор пожал плечами.

– Горячая ванна.

– Тихо! Слышите?!

Издали доносился зычный хохот. Судя по голосам человек пять-шесть.

– Надо валить! – испугался Виктор.

– А ты знаешь куда? – спросила Даша. – А то последний раз у нас вышло не очень удачно.

– Ну, мы же спасли вас.

– Он прав, они могут знать про это место, – сказал Пустовалов.

– А вы уверены, что это вообще «они»?

– А вы встречали в метро кого-то другого? Я – нет. С тех пор как сюда спустился.

– Так они что, все-таки захватили метро? – спросил Ромик.

– Бред! Как можно захватить метро?!

– Они закрывают гермодвери на станциях, значит либо действительно пытаются захватить, либо наверху произошло что-то, от чего они спасаются.

– Что, например? Ядерный взрыв?

– Его бы мы услышали, – сказал Виктор.

Ромик задрал рукав свитера и принялся с усилием щипать предплечье.

Харитонов хмуро на него посмотрел.

– Что ты делаешь?

– Может, нас усыпили газом. Тогда я не должен чувствовать боль.

– Ну и как – не чувствуешь?

– Непонятно...

– Помочь?

Можно было подумать, что Харитонов шутит, но в перебитом лице Пустовалов не увидел и намека на юмор. Чем-то этот рослый парень не нравился «медведю». Может, все дело в его странной «отключке», которая закончилась, как только в помещении стало безопасно.

– А может, это какой-то эксперимент?

– Слишком накладно для эксперимента. Куда девать девять миллионов пассажиров?

– Слушайте, а это идея! Может, нам просто спрятаться где-то и дождаться когда откроется метро?

– А если оно не откроется?

– Но девять миллионов не могут просто пересесть на автобусы.

– А если их больше нет? Девяти миллионов.

– Что думаешь? – обратился Пустовалов к Виктору.

Пустовалову показалось, что истина где-то рядом, и лицо Виктора убеждало в этом.

– Я все думаю о словах того мужика, который завел нас и который...

– Сергей?

– Да, помнишь, он говорил про старые вентиляционные штольни? Я думаю, про них он не врал.

Глава 14

Мир Пустовалова, в отличие от других миров, никогда не менял цвета в зависимости от настроения, «черных лебедей» и химических реакций в организме. Мир Пустовалова всегда оставался серым. Кто-то, не углубляясь в суть, назвал бы это кошмаром, но ведь Пустовалов в силу природной способности погружаться в патологическое спокойствие не знал, что такое черная полоса. По-настоящему, он никогда не бывал в полной заднице, хотя 99,99% жителей Земли не согласились бы с ним, получив на свою долю хотя бы десятую часть проблем, которые ему приходилось решать. Но 99,99% не узнают и что такое брадикардия в условиях, когда кто-то тычет в тебя автоматом Калашникова. Хотя, если подумать, тот, кто тычет, хочет от тебя чего-то другого, помимо твоей смерти, иначе давно бы нажал на спуск. А для таких как Пустовалов это уже тысяча новых возможностей, если, конечно, ты можешь хотя бы дышать.

Но, как оказалось, врожденная брадикардия иногда может дать сбой – тридцать лет назад Пустовалов почувствовал себя как 99,99% землян, и по иронии судьбы это тоже случилось под землей.

Пустовалов большую часть жизни провел в Москве, однако последний раз спускался в метро десять лет назад, в попытке обогнать спецназ, двигавшийся на четырех маши-

нах по закованной в пробке Большой Дмитровке в офис компании «Капиталстрой». Тогда он проехал всего две станции и с тех пор пользовался только такси и трамваями, но сейчас Пустовалов подумал, что, возможно, между его редкими посещениями метро и тем далеким событием все-таки была связь. Вероятно, была. Впрочем, думал об этом Пустовалов недолго – секунды две. В сером мире никто не занимается самокопанием, не играет в игры с собственным сознанием, извлекая спрятанные подальше факты в угоду инстинкту саморазрушения.

Пустовалов помнил, что подвозившие его полицейские говорили о теракте на Серпуховке, и если учесть, что на усиление в центр погнали даже обычных сотрудников оперчасти из Соколиной горы, дело было намного серьезнее какого-нибудь захвата заложников. Но все же это был не ядерный удар и не зомби-вирус. Он ясно слышал слово теракт.

Теракт есть теракт, и возможно, запрещенная группировка и впрямь решила захватить какие-то объекты в Москве. Как бы странно это теперь не звучало, но Пустовалов считал, что истина блуждала где-то рядом. Для него важным было другое. Во-первых, очевидное ЧП означало сокращение возможностей Ясина. Конечно, рано или поздно он доберется до квартиры на Фестивальной, а позже и до вишневой «Вольво». Но в условиях всеобщего аврала даже такой влиятельный бандит как Ясин не сможет мобилизовать все свои контакты в органах. Этот несомненный плюс прибавлялся к дру-

гому – в условиях хаоса и смещенного центра внимания намного проще проскакать между струй. Пустовалов не верил в опасность усиления режима на границе, ведь рукотворный хаос – состояние ума, а не действий. И хаос – его стихия, и если можно назвать Пустовалова специалистом в какой-то области, помимо ухода от неприятностей, то это без сомнения – ловля рыбы в мутной воде.

Правда, еще была проблема с этой внезапно взволновавшей его девчонкой. Она как бомба замедленного действия с зарядом в десять тысяч килотонн и фамилией в качестве детонатора. В сравнении с ней Ясин был просто тараканом. Пустовалов понимал, что неработающая «Сказка-2» тоже умеет отправлять сигналы. И главный сигнал она отправила, как только перестала работать. Эту девчонку начали искать, едва пропали все сигналы – ее ищут под камерами в городе, метрополитене, точках входа вездесущей системы «Безопасный город». В отличие от рядовых москвичей, Пустовалов знал, что за этой системой стоят не просто операторы с усталыми лицами. И ищут ее конечно не обычные следаки.

Пустовалов подтянул лямку рюкзака. Здесь, в туннеле на пути к Китай-городу, было так тихо и спокойно, что он снова вернулся к мыслям о будущем. О вишневой «Вольво с80», о маленькой вилле, нависающей над Валенсийским заливом, и пришвартованной яхте, о затяжном трипе с юга Европы на север в «Ягуаре» с нулевым пробегом. Картинки сменялись, но что-то мешало обрести им цвета – под безмятежным по-

током пираньей скользила неприятная мысль: несмотря на брадикардию и способность проскакивать между струй, он все же никак не мог поверить, что из метро так трудно выбраться. Оно, словно гигантский живой организм, сознательно не отпускало его.

Ему приходилось выбираться из разных мест, самое жуткое из которых тоже находилось под землей. Возможно, долгое пребывание в подземелье как-то особенно влияет на человеческое сознание. Во всяком случае, именно сейчас, спустя тридцать лет, ему вдруг вспомнилось то странное, лишающее способности действовать балансирование между паникой и безысходностью.

Шли молча, Пустовалов слышал только шаги за спиной и бряцанье пластиковых карабинов. Иногда шаги прекращались – это означало, что Виктор поднимал руку. Пустовалов, не оглядываясь, останавливался и продолжал смотреть перед собой, пока Виктор исследовал очередную сбойку или проход.

Длинный перегон. Длинный и мертвый. Возможно, метро уже пора открываться – ему не хотелось смотреть на часы. Два лишних движения – слишком расточительно в сложившихся условиях. Казалось, что сделка с Ясином, смерть полковника – все это было уже давно, на прошлой неделе. Странное дело: ближайшие события отдаляются, а события тридцатилетней давности становятся ближе.

Шаги снова прекратились – Пустовалов понял, что Вик-

тор отправился в большую левую сбойку и остановился. Он пытался вспомнить, терял ли когда-нибудь прежде контроль над ситуацией так же, как сейчас. Пожалуй, только однажды, в том самом подвале. И на что рассчитывать в таких ситуациях – этот вопрос задавал он себе тогда и задал сейчас.

Что может помочь, кроме как...

– Здесь кое-что есть.

Первые слова, прозвучавшие за полчаса.

... кроме как удача, закончил мысль Пустовалов и обернулся к широкому проему, из которого выглядывал Виктор.

– Здесь воздухозаборники, через которые можно пролезть, но я не вижу, что там наверху, мой смарт сдох.

Пустовалов достал кнопочную «Нокиа» и, передав Виктору, последовал за ним.

Виктор просунул телефон под нависающий куб у стены. Беззвучно сработала вспышка.

– Неплохо, – сообщил он, разглядывая снимок. – Там лестница и открытая гермодверь.

– Тот самый выход?

– Не совсем. Передвижная платформа на колесиках, для мытья стен и замены лампочек, но кто-то ведь ее туда затащил? Значит, там есть полноценный проход. Надо только выломать воздухозаборники. – Виктор ухватился за край пластины. – Хотя бы один.

Но воздухозаборник остался на месте, как ни дергал и ни висел на нем Виктор.

Пока к делу не подключился Харитонов и не выломал сразу два.

В узком помещении – всего метра полтора в ширину, стояла металлическая люлька с прикладными лесенками, потолок был настолько высоким, что пропадал во тьме. Железная гермодверь впереди оказалась на удивление узкой.

– Видимо, для толстяков эвакуация не предусмотрена, – на автомате выдал унылую шутку Ромик, перешагивая через высокий порожек.

– Дело в нормах питания во время ядерной войны.

– Не гони.

За дверью находилась маленькая комнатка со шкафами управления и неработающим стационарным телефоном. По центру – закрытая снаружи дверь, и слева, в метре от пола, лист тонкого гипсокартона прикрывал проход в широкую трубу диаметром около полутора метров. Виктор забрался в нее и посветил «Нокией».

– Идет далеко, – гулко прозвучал голос и закашлялся, – а пыли блин...

Пыль была въедливой и невесомой, отчего все тоже принялись чихать. Труба несколько раз разветвлялась.

Виктор сворачивал одному ему ведомым инстинктом, пока, наконец, фонарный луч не уперся в ступени. Переступив через прибитые к трубе доски, Виктор очутился на узкой лестнице, заваленной строительным мусором, который покрывал толстый слой пыли. Поднимаясь на два пролета,

лестница упиралась в небольшое помещение, заставленное громоздкими устройствами.

– Идет наверх – хороший знак.

Виктор осветил большое, измазанное мазутом устройство выше головы.

– Судя по остаткам фильтров, это заброшенная фильтро-вентиляционная установка, – Виктор развернулся, подошел к гигантскому железному кубу, протер пальцем медную табличку и прочитал: «АИР 1954 год».

– Ну и ну! А это значит система нагнетания...

– Здесь сто лет никого не было, это и на метро уже не похоже, – Пустовалов поставил ногу на край деревянного ящика, посветил внутрь. На дне блеснули стекла сгнивших противогозов.

– Скорее заброшенное бомбоубежище.

– Там дальше еще проход.

Узкий коридор вел метров на двадцать. По обе стороны размещались небольшие однотипные помещения с разными устройствами: дизель-генераторами, насосами, шкафами управления, топливными и масляными резервуарами. Все они были в нерабочем состоянии и довольно запущенными на вид.

В конце коридор замыкался в полукруглом каменном зале, в центре которого – в окружении изгиба – размещался наклонный бетонный выступ под металлическую гермодверь. Дверь не имела ручек и, судя по всему, закрывалась изнутри.

– А вот и выход, – сообщил Виктор, освещая внезапно расширившееся пространство. – Да тут прямо фитнес-центр!

Вдоль изогнутых стен стояли старые, в основном сломанные тренажёры. Два степпера, один сломанный гребной тренажер. Несколько скамеек для пресса с кусками торчащего из-под рваной обшивки поролона. В углу лежали ржавые блины от штанги и пара древних боксерских перчаток, обе на левую руку. Все покрывал толстый слой пыли.

– Ну, вот и все. Дверь герметическая, открывается вручную, но закрыта изнутри.

– Это похоже на каменный стакан, – предположил Виктор, изучая выступ. – Остальная часть утоплена в стен. Подозреваю, что за стеной есть другие помещения.

– Можно как-нибудь сломать ее? – спросила Катя, усаживаясь на скамейку для пресса.

– Опа! – Ромик щелкнул выключателем, и одна-единственная лампочка засияла с пятиметрового потолка.

– Здесь, по крайней мере, кто-то бывает.

– Скорее всего, «стакан» ведет на поверхность. Это отдельный вход из какого-то старого советского учреждения. А сейчас используют как склад.

– Дверь явно заменили.

– Где мы примерно? – спросил Пустовалов.

– Под Китай-городом.

– И что, теперь? – устало спросила Даша.

– Ну, нахер, – Ромик опустил на тренажер для трицепса и вытянул ноги. – Привал.

– М-да.

Виктор перестал подступаться к двери и присел на корточки.

– Так что скажете? – спросил он.

– Херня все это. – Ромик достал сигареты и первым делом протянул пачку Харитонову.

– О чем ты?

– Они не террористы.

– А кто?

Ромик задумчиво покачал головой.

– Куда они вас вели? – спросил Пустовалов, поддевая носком ботинка серый от грязи теннисный мячик.

– Говорили, что произошло какое-то ЧП и нас ведут к остальным типа ради нашей же безопасности, – ответил Ромик, затягиваясь сигаретой. – Но может, просто блефовали, чтоб мы не рыпались.

– Так и есть, – подтвердил Харитонов.

– Но мы не можем точно знать, мы – всего лишь один вагон одного застрявшего поезда. – усомнился Виктор.

– Я видел и других пассажиров в обезьяннике.

Ромик усмехнулся и сплюнул.

– Ну, на хрена мы им? Требовать выкуп?

– Что же случилось, по-твоему? – спросила Катя.

– А ты не понимаешь? – Ромик сощурился от сигаретного

дыма.

Все посмотрели на него.

– Давай без театральных пауз.

– Спецоперация ЦРУ. Да не, чё вы фыркаете! Конечно, они как всегда используют «мясо». Какой-то сброд головорезов типа Blackwater, замаскированный под ИГИЛ или Давидову ветвь, захватывает ключевые объекты управления, в том числе ядерным оружием. После чего наносятся ракетные удары по всем, кто принимает решения. Знаете, как по Хаттабу? Прямо в форточку залетают. Они же всех видят из космоса. – Ромик глянул на Дашу. – И, кстати, спутники из той же оперы. Бедуин спутник не собьет.

Харитонов усмехнулся, но по медвежьему лицу было заметно, что он задумался.

– К тому же они говорили про какой-то секретный штаб, там, неподалеку, когда вели нас, помните?

– Штаб дальней авиации, – подтвердила Даша.

– Именно! – Ромик потянулся с торжествующей улыбкой.

– Вы что, серьезно? – Виктор иронически сдвинул брови, – штаб дальней авиации – это музей на Таганке. Бывший советский подземный бункер. Тоже мне, органы управления.

– Во всяком случае, пока это самая правдоподобная версия.

– Так, где же твой батя? – спросил Харитонов, усаживаясь на скамейку напротив Даши.

– Тихо! – Виктор поднял голову. – Слышите?

Все затихли.

– Это что, музыка?

Где-то очень тихо действительно играла ритмичная музыка, особенно отчетливо прорывались басы.

– Это же за дверью, – прошептал Ромик.

– Где же еще.

– Постучим? – Виктор обернулся на Пустовалова.

– А вдруг там эти? – насторожилась Катя.

– У нас есть чем их встретить, – Харитонов тяжело поднялся, морща израненное лицо.

Виктор и Ромик стучали прикладами минут пять, прежде чем умолкла музыка.

– Идут!

За дверью послышался тяжелый лязг. Все затаили дыхание. Дверь буднично приотворилась, управляемая внутренним рычагом, за нею оказалась еще одна дверь – решетчатая, а уже из-за решетки на них смотрели огромный накачанный блондин и высокая стройная девушка в леггинсах и спортивном топе. Виктор не мог оторвать взгляда от восьми кубиков ее обнаженного пресса. На заблудших путников надвинулось облако густых ароматов бананового крема, мирры и просто свежего воздуха от хорошо работающей вентиляции. Атлет в широких красных штанах смотрел на вооруженных людей сквозь стекла узких очков с интересом и без страха. Интерьер небольшого помещения за его спиной сиял бежевыми обоями с золотыми звездочками и хромом металли-

ческой винтовой лестницы, уходившей наверх. У основания лестницы стояло белое кресло с крошечным и совершенно неуместным в этом мрачном месте стильным круглым стеклянным столиком. Больше в этом помещении было просто нечему уместиться – это действительно был «стакан», площадью два на два метра, расширяющийся кверху, с небольшим полуметровым колодцем в углу в виде каменной пирамиды. «Царство Аида» – заметил красную надпись на деревянной табличке Пустовалов и стал медленно поднимать свой МКВ-15, но Харитонов, стоявший рядом, ударил его по стволу.

– Мы заблудились... – начал коммуникацию Виктор, но его перебила Катя.

– Помогите нам! Помогите выбраться отсюда! – девушка бросилась к двери. – Метро захватили террористы!

Это было лишнее, подумал Пустовалов. Впрочем, сам их вид говорил за себя, и блондин в белой футболке, судя по всему, больше доверял глазам, чем ушам. Он оглядел стоявших перед ним девушек, которые будто специально вышли вперед, прикрывая грязных вооруженных мужчин.

– Хорошо! – сказал атлет неожиданным тенором. – Только девчонки вперед.

Он открыл замок на решетке длинным сложным ключом, дернул дверь на себя. Мимо него к лестнице проскользнула Даша, затем Катя. Следом сунулся Виктор, но неожиданно получил от атлета могучий толчок в грудь, такой силы, что

отлетел на Пустовалова, который в свою очередь сам едва не упал и сделал три шага назад. Прежде чем все успели сообщить, что к чему, дверь захлопнулась, и за нею уже лязгали внутренние засовы.

Харитонов усмехнулся одним уголком рта, а Ромик подошел к двери, размахнулся, но остановил кулак у самой двери и лишь легонько ударил по ней:

– Какие приятные люди, – сказал он тихо, а потом вдруг заорал, – чтобы вы сдохли, твари!!!

– Что это было? – Виктор сидел на полу, крутя головой по сторонам. – Я не понимаю...

– Подождем, девчонки сейчас объяснят им, что к чему, – сказал Харитонов, – хотя...

– Сомневаюсь, – Пустовалов присел на край скамейки, положив на колени автомат.

– Тогда разнесем шквальным огнем эту, нахрен, дверь.

– Это просто шлюз. У них над лестницей еще один люк.

– Да знаю! – отмахнулся Харитонов и стукнул кулаком в дверь, от чего вибрация пошла в железобетонные стены. – Суки!

Глава 15

Даша следила, как увитые венами руки атлета ловко разбираются с засовами и замками. Когда все ригели встали в пазы, атлет продел через проушину скобу увесистого замка, закрыл его длинным ключом и обернулся.

Даша приготовилась к худшему, но атлет лишь добродушно улыбнулся.

– Как я их, а?

Маленькие глазки сияли радостью. Даша решила было, что опасаться нечего, но напарница атлета снова ее озадачила.

– Инга, ты молодец!

Сдерживаясь, чтобы не выдать удивления, Даша присмотрелась к «Инге», но глаза не обманывали – перед ней стоял стопроцентный мужик: широкоплечий, короткостриженный, с квадратным загорелым лицом. Даша решила, что просто ослышалась.

Атлет тем временем остановил на девушке взгляд.

– Они навредили вам?

Живое лицо переменялось, явив озабоченность, но Даша ни на секунду ему не поверила.

– Скорее сами получили, – хмуро ответила Катя.

Атлет жизнерадостно захохотал.

– Молодцы, девчонки! Так держать! И можете не беспо-

коиться, тут у нас два метра железобетона и стальной каркас с двойным шлюзом.

Даша приподняла уголок рта.

– Послушайте, вы, наверное, не так поняли. Они такие же, как мы.

– Ну, это вряд ли, – хохотнул атлет, с интересом оглядев Дашу с головы до ног.

– Я имею в виду они тоже пассажиры. Они...

– Так вы из метро?! – атлет присвистнул и кивнул подружке. – Лисенок, ты помнишь, я говорила тебе, что этот проход ведет в метро!

– С ума сойти! – изумилась девушка. – Так у нас теперь свой проход в метро?!

– Я же говорю: деньги сами ко мне липнут! – хохотал атлет.

Надо признать, смех у него был искренний и заразительный.

Даша снова украдкой взглянула на атлета. Но нет – все по-прежнему. С тем же успехом можно было вообразить женщиной Харитонову.

Атлет тем временем приблизился к Даше, сгустив банановый аромат. Веселое лицо его снова переменялось.

– То есть, вы просто пассажиры?

– Да.

– И они пассажиры?

– Именно.

– И между вами больше ничего общего?

Даша помотала головой. Ей очень хотелось отступить, но она и так уже прижималась к стене. Ей казалось, что все пространство этого крохотного этажа было заполнено атлетом – его раздутой мышечной массой, его оглушительным хохотом, тяжелыми мужскими ароматами и всепроникающей назойливостью. Атлет доминировал на всех уровнях.

– Ну и хрен тогда с ними!

– Вы вообще в курсе, что произошло?! – разозлилась Даша. – Метро захвачено!

Атлет с подружкой переглянулись. Даша поняла, что они оба озадачились, но отнюдь не захватом метро, а ее психическим состоянием. Даша по привычке скрестила руки.

– Короче. От вас можно позвонить?

– Стоп-стоп, – атлет поднял палец. – У нас тут не совсем то, что вы думаете.

– Что вы имеете в виду?

Атлет соединил ладони у груди на манер коучей, обучающих московских хипстеров искусству безмыслия.

– Здесь вы можете рассчитывать на кров и чистую одежду. Бесплатную одежду, – повысил он голос, не давая Даше вставить слово, и, посмотрев на Катю, добавил, – есть новенький костюм Оливия вон Холле, кстати, как раз твоего размера.

У Кати заблестели глаза.

– Но никаких телефонов у нас нет!

Даша неслышно вздохнула.

Наверху помещение расширилось примерно втрое, но, несмотря на керамическую плитку и стены, украшенные закрытыми коваными светильниками, этот этаж использовался как склад. Винтовая лестница поднималась выше, а все пространство вокруг нее занимали многочисленные коробки, пластиковые бочонки и упаковки кричащих цветов с разноцветными надписями разных форматов. В основном «NitroTech» и «MassTech».

– Над нами находится самый большой в Москве фитнес-центр «Авалон», – сказал атлет, глядя на Дашу сквозь кованые заполнители. – А раньше было советское бюро по разработке какой-то хрени для подводных лодок. Когда я купила это здание, выяснилось, что у него есть почти тысяча квадратов неучтенной площади. Вы уже поняли, что это?

– Путь эвакуации в бомбоубежище?

– Да плевать на бомбоубежище. Здесь теперь райский остров. Полигон испытания секретных техник наслаждения имени вашей покорной слуги, – кокетливо хохотнул атлет.

– Мы называем это местом релаксации, – пояснила подруга атлета.

– Не буду забегать вперед, девчонки, но возможно, если будете себя хорошо вести, то получите льготный купон на остаток курса. Как вам?

– Не знаю, – сообщила Даша.

– Вы просто не знаете, сколько он стоит.

– Большое спасибо, но если у вас нет телефонов, то я пред-

почла бы просто уйти, – сказала Даша, поднимаясь на пролет и оглядывая уже весьма внушительное помещение с мягкими диванами, расположенными между четырьмя массивными дверями, равноудаленными друг от друга и от центральной лестницы с орнаментированными матовыми стеклянными вставками.

– Там душевая и сауна, – игнорируя вопрос, атлет указывал пальцем по сторонам, – а тут массажный кабинет.

Даша достала смартфон. Связь по-прежнему не работала.

– Здесь нет связи, – приблизился к ней атлет, – и здесь никто не думает о таких вещах.

– А наверху?

– Сами увидите.

На следующем этаже был основной зал, как догадалась Даша. Здесь было практически все: небольшой тренажерный зал, комната для загара, что-то вроде кабинета мануальной терапии, комнат отдыха, спальни и еще какие-то закрытые двери.

– Из-за особенности планировки тут у нас все разбито по этажам, – пояснила девушка. – Получается так, что между спальней и туалетом один этаж, а между столовой и туалетом уже два.

Даша хотела сказать, что все это, конечно, очень интересно, но она при всем уважении и гостеприимстве не собирается здесь задерживаться. Но она не стала этого говорить. И даже намекать на это не стала. Ей почему-то подумалось, что

темноволосый мужчина поступил бы также.

Еще выше располагался зал – столовая, зона кухни и что-то вроде гостиной. Лестница вела еще выше, но наверху помещение было темным, и здесь атлет преградил им путь.

– Я тороплюсь, – сказала Даша.

– Это вековая пыль, – с наигранной скромностью улыбнулся атлет, – на твоих волосах. От тебя пахнет крысами и сточными водами. Ты в таком виде собираешься идти? Но это недостойно девушки такой утонченной красоты. И потом еще очень рано. У нас есть чистая одежда. Сходите в душ, мы вас накормим натуральным здоровым завтраком. Позвольте хоть что-то сделать для вас.

Даша снова вздохнула.

Их отвели в душевую, на второй уровень. Подруга атлета проявила заботу и выдала два комплекта спортивной одежды – трико, топики и даже нижнее белье с кроссовками. Видимо вкусы атлета распространялись и на них.

– Халатов нет, мы ими не пользуемся, а полотенца висят в раздевалке.

– Послушайте, – обратилась к ней Даша, – вы не в курсе, что там наверху?

– О, нет, – улыбнулась девушка. Впрочем, у нее был такой тип лица, что казалось, будто она все время улыбается. – У нас тут специальные процедуры, и пока они не закончатся, мы не можем подниматься.

– Что за процедуры?

– Да вы не беспокойтесь.

Катя и Даша остались одни. На полочке Даша обнаружила шампунь «Дессанж» и свой любимый «Ли Стаффорд», а также россыпь разноцветных шариков мыла ручной работы. Лейки крепились к темно-коричневой плитке, без каких-либо признаков разделения на мужскую и женскую зоны. Сауна отделялась от душевой раздвижной дверью из непрозрачного стекла, прямо перед ней, на небольшом подиуме с лесенкой размещалась гигантская акриловая ванна с четырьмя подголовникам.

– Мне все равно сейчас некуда идти, – сказала Катя, легко сбрасывая одежду.

Даже несмотря на запах пота, ее тело излучало мощную энергию женской притягательности. Даша понимала, что ей в этом смысле досталось меньше от матери-природы. Впрочем, Антуан утверждал, что мужчины ищут в женщинах разнообразие и даже самое аппетитное тело рано или поздно надоедает мужчине.

Она тоже разделась и с наслаждением встала под душ.

– Ты проверяла телефон наверху?

– Не работает.

Стоя под душем, Даша постепенно повышала температуру воды, разглядывая спину Кати, у которой была необычная татуировка на пояснице, и снова вспомнила Антуана, который презирал женщин с татуировками. Он говорил, это как нарисовать на картине Микеланджело граффити. И то и дру-

гое вроде как искусство, но... Контраст заметен только при сочетании. Возможно, поэтому на ее худом теле не было ни одной татуировки и пирсинга, хотя в творческой среде, в которой обитала Даша, это было редкостью. Даже у Лены был скромный пирсинг в ушах, хотя она говорила, что это не все места, где у нее есть пирсинг.

Катя еще мыла голову, когда Даша уже закончила принимать душ и присела на диван возле душевой.

Стройная подруга атлета – ее звали Алина – сказала, что придет за ними через полчаса. Оставалось еще минут пятнадцать.

Даша сидела, обмотав полотенце вокруг головы, и думала о мужчинах, которые остались за железной дверью. Интересно, чем они заняты. Наверное, придумали новый план и ушли. Там есть кому придумывать планы. Даша всегда была беспокойной натурой. Сейчас ее беспокоило несколько вещей. Во-первых, ей не нравилась эта накачанная стероидами лесбиянка, во-вторых не нравилась ее приторно улыбающаяся подруга, которая обращалась с ней, как с пациенткой психушки, в-третьих, не нравилось, что они вроде как выбрались из метро, но вроде как и нет. Собственно, ничего не поменялось – здесь чище, но она все также вынуждена делать то, что не хочет, понятия не имеет, что происходит наверху, и как дела у отца тоже до сих пор не знает. Даша совсем не хотела есть и сидеть в каком-то подвальном «острове». Ей вдруг остро захотелось на улицу. Пускай там да-

же мороз, а у нее мокрые волосы. Она готова была на все. Главное найти ближайший банкомат или такси. Ей нужно на улицу! Прямо сейчас. Сверху послышался низкий, сильный хохот атлета. Даша представила, как бы на ее месте поступил тот мужчина. Представить его на своем месте было трудно, но она была уверена, что он точно не стал бы расслаиваться и тратить время на пустую болтовню с атлетом.

Пока Катя с наслаждением натягивала трико «HEROINE Sport», Даша неслышно преодолела виток лестницы и замерла на площадке этажом выше. Здесь царил покой и полумрак. Изгиб коридора освещал бледный свет из-за приоткрытой двери.

Зато этажом выше царило оживление. Топал атлет, гремел его смех. И был слышен обеспокоенный голос Алины – его подруги, жаловавшейся, что не может найти кошку по кличке Банафрит.

– Она же всегда спит наверху.

– Вчера я видела ее там, но сегодня не помню.

Голос Алины звучал равномерно удаленно, а вот голос атлета то приближался, то удалялся. Дождавшись, когда он снова отдалится, Даша, неслышно ступая, поднялась на их уровень, решив, что если ее заметят, она просто скажет, что закончила принимать душ. Но поднявшись, Даша увидела лишь пустой коридор. Атлет с подругой разговаривали во второй комнате, где была настежь открыта дверь – она видела их тени в коридоре. Дверь ближайшей комнаты тоже была

открыта, но свет внутри выключен. Даша уже занесла ногу над ступенькой, как совсем близко зазвучал голос атлета:

– Сейчас принесу.

Даша увидела его загорелую кисть с брильянтовым кольцом на среднем пальце, ухватившуюся за дверной косяк, и расстроено приготовилась действовать по второму плану, но атлет задержался.

Он продолжал что-то говорить Алине.

В какую-то долю секунды Даша вновь подумала о Пустовалове, и сердце ее забилось от осознания того, что где-то в глубине души она уже приняла решение поднять ставки и пойти на риск. От мысли быть застигнутой на середине лестницы надвинулось, было, чувство неловкости, но Даша не подпустила его. Она уже насмотрелась сегодня, к чему приводит потакание пресловутым социальным стереотипам. На какое-то мгновение ее охватил ступор, но мысль о темноволосом мужчине помогла и теперь. Рано сдаваться и выдавать свои намерения. Она не успеет скрыться на верхнем этаже незамеченной, но план «Б» тоже никуда не годится.

За мгновение перед тем, как атлет вышел в коридор, Даша скрылась в первой комнате. Ударившись надкостницей обо что-то металлическое, девушка закусила губу.

Атлет прошел совсем рядом – Даша ощутила густой запах бананового крема и вибрацию пола от тяжелых шагов. Неожиданно вибрация прекратилась. Даша затаила дыхание. Он остановился, но зачем? Заметил ее? Или ушел? Спустил-

ся по лестнице? Потекли секунды неведения. Сердце Даши стучало в тишине. Она подумала, что он заметил ее, и даже зажмурилась, готовясь встретить яркий свет. И обидно было, что разозлиться не получалось, чувство неловкости и стыда – быть застигнутой в таком глупом положении – обволакивало ее. Но ничего не происходило. Атлет так и стоял где-то за дверью в коридоре. Или ушел? Может, он спустился по лестнице также бесшумно как она? Простояв еще секунд десять, Даша решила выглянуть. Она уже поверила, что в коридоре никого нет. Сделав осторожный шаг к выходу, Даша вздрогнула и едва не вскрикнула. Неожиданно, оглушительно низкий голос атлета ворвался в ее личное пространство.

– Я рождена для любви-и-и!

Сердце Даши подпрыгнуло, но в следующую секунду тяжелые шаги застучали по лестнице. Судя по источнику пения – атлет спускался.

Даша судорожно выдохнула и, не задерживаясь, выглянула в коридор. В соседней комнате Алина стучала посудой, слышался плеск воды. Этажом ниже голос блондина продолжал громогласно напевать. Даша пулей забежала на следующий этаж и только здесь заметила, что уронила на лестнице полотенце. Выругавшись про себя, девушка спустилась на пол-пролета и заметила, что на этаже вдруг стало тихо. Не задерживаясь, она вернулась. Здесь было светло, и планировка была намного более обширной, хотя и повторяла нижние этажи.

Главное отличие состояло в том, что в помещении не было как такового коридора – только небольшое пространство и одна дверь в изогнутой стене.

Дверь поддавалась, бесшумно открывшись. Войдя в помещение, Даша обнаружила полукруглый холл с приглушенным светом и четыремя равноудаленными дверьми. Она предположила, что ближайшая дверь слева и была выходом, поскольку была самой широкой. Но она оказалось запертой. Дверь, впрочем, казалась самой обычной на вид, с английским замком. Даша огляделась – ряд фотографий на стене с фигуристыми женщинами. Рядом размещался белый комод. Даша открыла первый ящик и обнаружила хаотично сваленные straponы, огромные фаллоимитаторы и всевозможные насадки чудовищных размеров. Даша поморщилась и закрыла ящик – копаться здесь в поисках ключа точно было бессмысленно. Она достала смартфон – сигнала не было.

– Черт, – тихо выругалась девушка. Взгляд ее глаз-льдинок просканировал окружающее пространство и остановился на единственной двери, причудливо подсвеченной по периметру светодиодными полосами. «Только для членов клуба Paradisum» – гласила игривая надпись, выделенная холодным зеленоватым светом.

Даша приподняла уголок рта и двинулась к двери.

Положив ладонь на дверную ручку, девушка ожидала встретить сопротивление, но нажимная ручка мягко опустилась, дверь бесшумно приотворилась.

– Разве ты член клуба?

Даша вздрогнула и обернулась.

Она стояла в проходе. Или он. Конфликт чувств и здравого смысла. В приглушенном свете атлет выглядел как-то поновому зловеще.

Они молча рассматривали друг друга, пока атлет, наконец, не заговорил.

– Я знаю таких как ты, – маленьких, худеньких, неуклюжих девушек с ледяным красивым лицом. Вы гораздо сильнее, чем кажитесь. Но я знаю больше, чем другие. Знаю, что скрывают такие как ты.

Даша на секунду закрыла глаза.

– Скажите, что вам нужно от нас? – выговорила она, преодолевая страх услышать правдивый ответ.

– А ты еще не поняла?

Атлет двинулся к ней. Даша не спускала глаз с его лица. Ее охватил ужас.

Могучая рука потянулась к ее плечу, но Даша отстранилась. Атлет широко улыбнулся и кивнул, словно одобряя ее реакцию.

– Неужели ты еще не поняла, что все, что тебе угрожает, осталось за пределами этого бункера?

Даша попыталась увидеть маленькие глазки за стеклами очков.

– Я могу дать тебе еду, отдых, покой, чувство защищенности и даже больше.

Атлет двусмысленно кивнул на дверь за дашиной спиной.

– Только не думай, пожалуйста, что мне нужно что-то взамен. Если ты хочешь уйти прямо сейчас – тебя никто не станет удерживать.

Даша изучающе посмотрела на квадратное лицо атлета. Наконец, в нем промелькнуло что-то женственное.

– Как решишь – так и будет.

Атлет вернулся к двери, остановился, посмотрел на Дашу.

– Решай.

Но Даша уже решила. Она молча подошла к широкой двери и вопросительно поглядела на атлета.

Атлет рассмеялся и покачал головой.

– О, нет. Выход не здесь, – сообщил он таинственно.

– А где?

– Идем.

Атлет двинулся вниз по лестнице, и Даша с неохотой последовала за ним. Они спустились на один этаж, где в модном облегающем костюме уже находились Катя, а рядом с ней с приклеенной улыбкой Алина.

Атлет, не обращая на них внимания, стал спускаться ниже.

– Стойте, – не выдержала Даша, – где выход?

Атлет остановился, молча ошупал взглядом Дашу и привычно улыбнулся.

– Там же где и вход.

– Как это... Что за чушь!

Атлет развел руками.

– Извини, а чего ты хотела?

– Я тоже извиняюсь, что отвлекаю, но завтрак готов, – сообщила Алина.

Даша с ненавистью смотрела на атлета.

– Она еще не в курсе? – спросила Алина.

Даша перевела на нее вопросительный взгляд.

– Не в курсе чего?

Атлет поднялся на ступеньку.

– Ладно, давай так – посмотри на свои мужские «Патри-мони», богатенькая девочка, и отсчитай семнадцать часов тридцать одну минуту. Ибо ровно через это время откроется верхний шлюз. А пока ты можешь провести это время с нами, либо милости прошу туда, откуда ты пришла. Правда, твои друзья с автоматами уже ушли, и тебе придется одной бродить по туннелям.

– Мы закрыты снаружи, – пояснила Алина.

– Вас кто-то закрыл? – насторожилась Катя.

– Наш сотрудник. Это часть процедуры, которую мы проводим раз в три месяца. Курс ментального и физического самоочищения. Ровно на три дня он требует полного отсутствия связи с внешним миром.

– А если что-то случится – как вызвать скорую, например?

Алина покачала головой.

– Гораздо вероятнее получить необходимость в скорой там наверху, – пояснил атлет. – И потом, здесь есть все для

первой помощи.

– А если ваши сотрудники про вас забудут? И не откроют? – не успокаивалась Катя.

Атлет потряс ключами, и Даша обратила внимание, что на внушительной связке было два длинных ключа. Два, а не один.

– Есть запасной выход, как вы знаете. Правда, не каждый захочет им воспользоваться, но он есть. Ну что, принцесса, ты не передумала? Завтрак или туннели метро?

Атлет сопроводил свой вопрос такой заразительной и добродушной улыбкой, что у Даши просто не осталось выбора. Хотя она, конечно, нисколько ему не верила.

На завтрак была предложена овсянка, украшенная изюмом и свежей клубникой. На столе стояли стаканы с апельсиновым соком и чайник, судя по запаху – с каким-то травяным чаем. И хотя Даша не была яростной фанаткой ЗОЖ, стресс и потеря калорий дали о себе знать – овсянка оказалась очень вкусной.

Атлет беззаботно болтал за столом, в какой-то мере развеивая туман взаимного недопонимания.

– Эрика Хирш – одна из самых выдающихся профессором медицины! Вы наверняка слышали! Это ее методика ментального очищения, взятая как микс из духовных практик далай-лам и монахов из обителей русского Севера. В «Авалоне» мы используем ее тренировочные методики для женщин.

Даша попробовала сок.

– Теперь я, кажется, поняла, где мы. Солянка?

– Совершенно верно! В этот фитнес-центр я вложила пятнадцать лимонов, – атлет склонился над столом, вызвав приступ когнитивного диссонанса у Даши – она все никак не могла воспринять его женщиной по имени Инга, – не рублей, понятное дело, и еще на этот подвал – пол-лимона и, включая то, чтобы он исчез из планов кадастровой палаты. Он ведь ведёт не только в метро, вы знали?

Даша покачала головой.

– Видели указатель «Царство Аида»? Это старый вход в подземелье. Зброшенные катакомбы времен Ивана Грозного.

– Разве в те времена так глубоко копали?

– Ой, я не разбираюсь в истории, – кокетничала «Инга», – во всяком случае, то подземелье существовало задолго до метро. Мы спускались туда со строителями, там настоящие старинные своды. Я решила не закрывать проход. Просто установили шлюзовую дверь.

– Seriously? – удивилась Алина, облизывая чайную ложку. – Ты мне не рассказывала. А вдруг там сокровища?

Алина и атлет захохотали в унисон.

– Умница! А мне это в голову не приходило! Надо будет проверить, но там жуть как страшно! Огромное пространство, крошечная тьма, и все это неизвестно где заканчивается.

Даша краем глаза поглядывала на атлета – она заметила, что его толстые пальцы с наманикюренными, покрытыми бесцветным лаком ногтями положили связку ключей на стол рядом с тарелкой. Из нее выделялись два ключа с широкими квадратными головками бронзового цвета. На одном было написано «infernum», а надпись на втором была наполовину скрыта салфеткой. Даша видела только три последние буквы: lom, но она уже догадалась, что слово целиком читается как «soelom».

– Ты куда?

– Все-таки, пойду, поищу ее, – Алина поднялась из-за стола и от Даши не ускользнуло, как на мгновение перекосилось ее лицо. Это боль, но не душевная. Физическая. Теперь Даше показалось странным, что атлет посоветовал ей и Кате снять куртки, поскольку в столовой плохо работала вентиляция и было слишком душно, но ничего подобного он не сказал Алине, которая сидела в куртке от спортивного костюма с длинными рукавами, которые чуть утолщались у запястий.

– Это наша кошка, пропала куда-то, – пояснил атлет.

– Инга, я боюсь, она не могла, выскочить, когда...

– Исключено! – отрезал атлет. – Но если хочешь, посмотрим камеры, когда девчонки отправятся отдыхать. Чисто для твоего успокоения. А то я знаю тебя. Я уверена, она где-то прячется. Просто чует запах незнакомок.

Когда Алина ушла, тон атлета стал игривее.

– Даша, а тебе нужно попробовать поприсесть со штан-

гой.

– Прямо сейчас? – решила подыграть Даша.

Атлет засмеялся.

– Я составлю тебе программу. Индивидуальную. Бесплатно.

Атлет тоже поднялся. При ярком свете и в спокойной обстановке Даша теперь хорошо видела, что верхний его торс был совершенно мужским и развитым как у профессионального спортсмена – широкие плечи, грудные рельефные мышцы под футболкой, но таз, хотя и скрывали широкие штаны – он был все же шире, чем у обычных мужчин. Даша против воли бросила взгляд туда, где должен быть... Но атлет заметил ее взгляд, улыбнулся и повернулся боком.

– От этих мужиков ничего, кроме проблем, – сказал он, подходя к Кате.

Атлет остановился за спиной девушки и положил руки ей на плечи.

Катя, судя по всему, была не против. Во всяком случае, когда мускулистые руки стали нежно разминать ее мышцы, она даже не вздрогнула и даже наоборот – лицо ее расслабилось.

Видя, что Даша смотрит на его руки, атлет поднял одну, сжав в кулак:

– Мы им покажем, если они будут обижать наших девочек!

– Инга – пятикратная абсолютная чемпионка мира по

женскому пауэрлифтингу, – сказала вернувшаяся Алина, и Инга тут же рассмеялась.

– Ладно, девчонки, – атлет легонько хлопнул Катю по плечу, – вам пора отдыхать. После отдыха я сделаю вам настоящий массаж. Фирменный релакс от Инги так сказать.

Девушек отвели на третий уровень. Там за одной из дверей обнаружилась уютная маленькая комната с двумя кроватями. На стене с сиреневыми обоями висела плазменная панель, но Алина сразу сказала, что телевизор не работает. Зато работал музыкальный центр и флешка с шестнадцатью гигабайтами электронной музыки.

– А полегче нет чего-нибудь? Может, радио?

– Здесь нет радио, – сказала Алина, улыбаясь своей лисьей улыбкой, – мы отключены от всего, что может навредить релаксации.

– Значит, вы даже не представляете, что там наверху? – спросила Даша, усаживаясь на кровать. – По метро бегают вооруженные до зубов головорезы, может, там вообще какой-нибудь апокалипсис.

– Может быть, дорогая, – снисходительным родительским тоном сказала Алина. – Тогда вам тем более не стоит рваться туда. Просто отдохайте.

– Неужели вас и правда не волнует, что там случилось, ведь там явно что-то не в порядке!

– Даша, солнышко, так это ведь главный закон зоны релаксации: что бы ни случилось, все остается там, – Алина

подняла синий взгляд к потолку. – Суть пребывания здесь – полное оздоровление нервной системы. Полное отключение от внешнего мира.

Алина улыбнулась и ушла, закрыв дверь.

Даша тут же вскочила, подошла к двери и прислушалась.

– Ушла? – спросила Катя.

Даша приложила палец к губам.

Глава 16

Харитонов обнаружил под скамейкой армаду пустых бутылок и теперь методично швырял их одну за другой в гермодверь.

– Помогает? – поинтересовался Пустовалов. Двадцать минут назад он отрегулировал шарнир «римского стула» и теперь лежал на почти ровной скамье, уложив под голову рюкзак с деньгами. Ноги, правда, не помещались. Сложив руки на животе, Пустовалов спокойно наблюдал за Харитоновым, который явно страдал от физической боли.

Харитонов как раз замахивался очередной бутылкой, но вопрос Пустовалов отвлек его. Он посмотрел на него, поднялся и угрожающе двинулся к «римскому стулу», но дорогу ему преградил Виктор, внезапно выскочивший из темного проема с куском тонкой трубы в руке.

– Вас там слышно от самого тоннеля, – сказал он, устало присаживаясь на скамейку.

– Все в порядке? – спросил Пустовалов даже не глядя на Харитонova.

Виктор покачал головой.

– Их целая толпа.

– Уходят?

– Боюсь, все плохо – они идут с двух сторон.

– Значит ищут.

– А вы на что рассчитывали? – злобно усмехнулся Ромик. Харитонов посмотрел исподлобья.

– Ты не спалился?

Виктор покачал головой.

– В туннель я даже не совался. Прикрыл проход досками изнутри, но если они будут проверять каждую сбойку, то это ненадолго.

– А они будут проверять, – не унимался Ромик.

– Я там на дверь ящик присобачил еще. Если услышите звон стекла – значит лезут.

– Молодец, – Пустовалов протянул Виктору зонтичную конфету, что вызвало нервный смешок у Ромика.

– Витян, за конфеты шестеришь?

– Глюкоза сейчас дороже денег, – парировал Пустовалов.

– Да? Дай и мне тогда.

– А ты что, заслужил? – удивился Пустовалов, складывая руки на животе.

Ромик сверкнул сердитым взглядом.

– А там тишина? – Виктор кивнул на гермодверь.

– Ага.

– Забыли про нас девчонки.

Виктор вздохнул и бросил трубу на грязные маты.

– А может, их уже и в живых нет?

Пустовалов забросил ноги на соседний тренажер для икр и закрыл глаза.

– Если бы это было так, то бешеные обезьяны были бы уже

здесь. Этот проход – часть здания, а не метро.

– Значит, они просто ушли?

– Скорее всего.

– Тогда почему они не сказали, что мы тоже пассажиры?

– Наверное, потому, что кто-то цеплял на них собачий ошейник. А ты бы поступил по-другому?

– Ты бы точно так поступил, я не сомневаюсь, но они-то знают, что нам грозит смерть.

– Плохо ты знаешь женщин, Иван, – деловито сказал Ромик и, наткнувшись на свирепый взгляд Харитонов, осекся. – В смысле с плохой стороны.

– Я знаю все о женщинах с плохой стороны. И о плохих сторонах мужчин тоже.

Пустовалов с любопытством глянул на Харитонов.

– Если вы правы, – рассудил Виктор, – тогда их могут держать там насильно?

– Это больше похоже на правду, – согласился Пустовалов.

– Но зачем?

Вопрос остался без ответа и Виктор лишь грустно констатировал:

– Катя оставила свой автомат...

В следующую секунду до них докатился далекий воинственный вопль.

Пустовалов резко открыл глаза. Ромик засуетился в своем углу, безуспешно пытаясь подняться.

– Не ссы, боец! – гаркнул на него Харитонов. – По крайней

мере, до звона стекла.

– Здесь нельзя оставаться. Это же тупо. Тупо, – бубнил Ромик.

– Заткнись!

– А что делать, в самом деле? – прошептал Виктор.

– Ждать.

– Чего?

Пустовалов взглянул на часы.

– Через час должно открыться метро, посмотрим, появятся ли в туннелях поезда.

– А если не появятся?

– Тогда все это выходит за пределы метро.

Харитонов оскалился, словно горилла. Он сидел на скамейке у дальней стены, уложив автомат поперек широко расставленных ног.

– А как же ты, дружище? Ты же так торопился, что даже крышку не удержал.

Пустовалов, не открывая глаз, снял с руки дешевые электронные часы и швырнул ими в Харитонova. Часы стукнулись о его колено и упали дисплеем в песочную пыль.

Харитонов посмотрел на упавшие «бенладенские» Casio и поднял взгляд на Пустовалова. Тот лежал, обняв свою МКВ-15. В полумраке не было понятно, закрыты ли его глаза – судя по положению головы, казалось, он смотрит в потолок над Харитоновым.

– Помню, был у меня один рядовой, – неожиданно начал

Харитонов, погружаясь в тень, – тоже умником себя считал. Законы любил цитировать. Особенно, что касается прав человека. И главное, в уставе хорошо разбирался. Четко знал, что ему можно, а что нельзя. Туалеты, например, мыть отказывался. Говорил, какой-то закон вышел и теперь за ним другие его дерьмо убирать должны. Он, конечно, постоянно огребал от товарищей. Но для него это что-то вроде миссии было. Крестового похода. Я пытался с ним по-хорошему сначала...

Пустовалов усмехнулся.

– А что? Я ведь как командир за него отвечаю. Но парень упрямый был, как баран. Заладил: по уставу да по уставу. Говорит, по уставу солдату увольнение положено, а я, дескать, ни разу еще не ходил. Ну что ж, говорю, по уставу служить – это похвально. Будет вам увольнение, товарищ рядовой. – Харитонов взял автомат в левую руку и поставил его прикладом на скамейку. – В субботу на построении я объявил, что за отличное знание устава некоторые военнослужащие поощряются увольнением в город на целые сутки. С выплатой денежного довольствия за три месяца. И зачитал его фамилию. Одну-единственную. Вот так в книге увольнений у меня одна фамилия появилась. Короче, ушел этот юный отличник в увольнение. А остальных после ПХД я снова построил и поставил этого рядового им в пример. Вот, говорю, образцовый солдат – Устав лучше офицеров знает, не то что вы, черти, даже обязанности часового выучить не можете.

Посему, чтобы подтянуть знания, вместо отдыха проведем занятия...

Пустовалов снова усмехнулся.

– Занятия, как положено, с план-конспектом, – продолжал Харитонов, сверкая глазами из темноты. – Сначала хождение строем, повороты на месте и в движении. Потом ужин и опять занятия. А через час, когда все легли спать – учебная тревога. Нападение противника превосходящей силы и марш-бросок на пятнадцать километров в полной выкладке. Половина блевала потом, а треть в обмороке. Но зато какая учеба! В общем, отдохнули час и снова занятия... И так целые сутки – до возвращения нашего отличника. В общем, когда рядовой тот вернулся, с ним что-то произошло. Что-то очень неприятное. В комнате бытового обслуживания. Да. Была там у меня пара горячих голов. Мало того – все было снято на три смартфона. Смартфоны я конечно у всех отобрал и наказал – запрещены они в армии. Как и прочие непотребства. А рядового этого той же ночью нашел в сушилке. Он там веревку из ремня мастерил. Говорю, только не в моем подразделении, товарищ рядовой... Забрал у него ремень. А у него еще в руке фотография была – мелкие, брат и сестра. Прощался, значит. Так вот я говорю – кто хочет – тот добьется, и меня конечно уволят. Но вот это – смартфоны показываю ему – попадет твоей семье, если ты в моем подразделении это сделаешь.

Харитонов замолчал и потянулся стволом автомата к ча-

сам на полу.

Виктор, сидя на тренажере-бабочке у входа поворачивал голову то на Харитонову, то на Пустовалова, который к его удивлению улыбался, слушая омерзительную харитоновскую историю.

– И что потом было с ним? – спросил Ромик.

Харитонову, наконец, удалось подцепить часы Пустовалова на полу.

– А потом стал он образцовым солдатом. Молодых гонял, когда старшие ушли. Я бы его сержантом сделал, дисциплину-то он хорошо держать умел. И ведь все по уставу! Я говорю, тебе военную карьеру делать надо. Но он отказался. В день увольнения он пришел ко мне попрощаться, я пожал ему руку и вручил три смартфона – на память, говорю, о службе, вместо дембельского альбома.

Харитонов подтянул к себе пустоваловские часы и поднял за ремешок. На дисплее было восемь нулей. Шесть больших и два маленьких. Таймер завершил обратный отсчет.

– Так вот я иногда думаю, – медленно произнес Харитонов, разглядывая часы, – как много зависит от того, во что ты веришь. Ведь если бы тот рядовой действительно за справедливость боролся, а не гордыню свою тешил – дескать, он не такой как все, особенный, то разве полез бы он в петлю?

Харитонов перевел взгляд на Пустовалова.

– Много потерял?

– Почти все, – ответил Пустовалов.

Харитонов засмеялся и положил автомат на колени.

– Но ведь кое-что осталось?

– Самое главное.

– За это я спокоен. А то ведь жалко тебя... Вон, посмотри на шкета, – Харитонов кивнул на Виктора, – он не унывает, хотя лох по жизни. И за всю жизнь ему не заработать столько, сколько ты в одной своей сумке таскаешь, а он радуется как бобик.

Пустовалов неожиданно встал с «римского стула» и, поправив автомат, отправился в дальний угол.

– А ты что? – спросил он на ходу, – чего не радуешься как бобик?

Харитонов потер грудь, будто чувствуя тесноту в ней.

– Ты не поймешь.

– Отчего, мы ведь в России живем.

Пустовалов расстегнул ширинку.

– Ты – головой уже нет.

В тишине редкие далекие крики разбавляло лишь мощное журчание струи.

– Так что же делать? – спросил Виктор, когда Пустовалов вернулся к «римскому стулу».

– Спать. Сейчас это самое полезное дело.

– Я имею в виду, если поезда так и не начнут ходить.

– Ну, тогда им точно понадобится наша помощь.

– Кому им?

– Тем, кто сидит в этом бункере, – Пустовалов кивнул на

гермодверь и через секунду захрапел.

Харитонов с улыбкой смотрел на Пустовалова, поигрывая его электронными «Casio»

На этот раз злость сделала свое дело.

Атлет не спеша стягивал одежду, напевая старый хит Наташи Королевой и не подозревая, что в это время пара «льдинок» пристально наблюдает за ним. Даша вытянулась на лестнице нижнего этажа во весь свой небольшой рост. Над площадкой не мигая сияли только ее большие глаза.

Даже в обнаженном исполине Даша так и не смогла увидеть женщину. Развитый трапециевидный торс бугрился резким мышечным рельефом. Не каждый мужчина сумеет раскачать такие бицепсы и икроножные мышцы. Если эта Инга и была когда-то женщиной, то мужские гормоны стерли в ней последние женские черты. Будто почувствовав что-то, обнаженный атлет прервал пение и обернулся, но увидел лишь то, что и должен был увидеть – металл и стены. Когда Даша выглянула снова, она увидела то же самое. Сердце ее забило сильнее.

Катя уже спала, и Даша, глядя теперь в ее безмятежное спящее лицо, ощутила жалость к ней, вспомнив, что она пережила сегодня. Но правила игры изменились, Даша сама до конца не понимала, откуда в ней взялась эта решительность.

– Какого хрена трясешь меня! – Катя с трудом открыла глаза и тут же снова их закрыла.

Даша рассказала ей все, что увидела.

– Ну и что?

– Ты, правда, не понимаешь? – Даша присела к ней на кровать. – Эта лесбиянка лжет!

– О-ой, – протянула Катя и снова попыталась лечь.

Даша схватила ее за руку.

– Послушай-послушай. Я видела у нее два ключа. Коэлум и инфернум.

– Чего? – недоверчиво переспросила Катя. – Слушай, уймись.

– Просто подумай. Зачем она врет, что мы закрыты тут снаружи? Господи, ты хоть понимаешь, какой это бред! Через семнадцать часов никакой выход не откроется! В лучшем случае мы услышим очередную ложь...

Катя устало смотрела на нее.

– А в худшем... У ее подруги перебинтованы запястья, и эта ее фальшивая улыбка – все это ложь и ложь, которой тут все пропитано! Она скрывает боль!

Катя закатила глаза и зарычала в подушку, которую подтянула себе на колени.

– Ты тоже никогда не улыбаешься, и что? У тебя что-то болит?

– Сама подумай – зачем мы им сдались? Зачем она врет и не выпускает нас? Помнишь люк внизу? «Царство Аида»,

где, блин, какие-то невероятные подземелья, очень удобно ты не находишь?!

– Ну что ты хочешь?

– Надо бежать отсюда. Сейчас!

– Обратно?!

– Да нет же, вверх!

– Слушай, сейчас пять утра. Даже если так – мне некуда идти. Я поссорилась с матерью и не могу завалиться к парню в это время!

– Понимаю! – Катя достала смартфон и увидела привычные пустые деления. – Как только мы выберемся и появится сеть, я переведу на твой счет сто тысяч. Твой номер привязан к «сберу»?

Катя кивнула, хмуро поглядев в глаза-льдинки, в которых отражался свет дисплея.

– Или сниму в ближайшем банкомате. Обещаю. Сто тысяч. Ты снимешь номер в гостинице...

– К черту твои деньги!

Даша замолчала, пристально посмотрела на Катю.

– Думаешь, здесь действительно опасно? – спросила девушка.

Даша кивнула.

Катя закрыла глаза, медленно вдохнула и выдохнула.

– И как ты собираешься выбраться?

– Она сейчас в сауне и будет там еще двадцать минут. Я слышала, как она это говорила. Ключи у нее в штанах. Я их

вытащу, а ты покараулишь на лестнице. Я не знаю, где ее подруга, но на том этаже ее нет. Там все двери закрыты. Если она появится – ты просто кричи: Даша, ты где?

– Кто такая Даша?

– Это я. Но обязательно кричи! Потому что, если они заметят, что мы завладели или пытались завладеть ключами, мы раскроем свои карты и им придется раскрыть свои. Пусть лучше думают, что я захотела пить и пошла искать воду, а ты пошла искать меня. Идет?

– Когда?

– Сейчас! Одевайся!

– Блин! Как же все это стремно! – раздосадовано сказала Катя. – Ты правда во всем этом уверена?

– На сто процентов! Послушай, если они нормальные люди, то нам ничего не сделают за это, а если ненормальные... у нас нет другого выхода. В любом случае я все возьму на себя.

– Вечно такие как ты все портят!

Катя сжала челюсти и стала надевать кроссовки. Движение ее были такими же резкими, как ее вспыльчивый характер.

– Я заплачу.

– Я же сказала – на хрен твои деньги! Если только на гостиницу... Нормальную...

Катя вытянулась и с высоты своего роста с ненавистью посмотрела на Дашу.

– Готова? – спросила Даша.

Катя молча кивнула.

– Выходи сразу за мной!

Даша открыла дверь, глянула по сторонам. До лестницы было рукой подать, и Даша быстро по ней спустилась.

Вода уже не шумела, но в душевой что-то гудело, раздавались приглушенные хлопки и смех.

– Стой здесь и не забывай про верх.

– Ладно.

– И слушай шаги.

– Слушай, иди уже.

Катя посмотрела наверх. Ее волосы еще были влажными и, судя по тому, как девушка поморщилась – неприятно холодили щеки.

Даша спустилась и сразу поняла, что игра по новым правилам будет даваться непросто. Инстинкт гнал назад, под одеяло – ждать и надеяться на помощь. И Даша отчетливо понимала, что окажись она в такой ситуации еще вчера – так бы и поступила. Но теперь все было иначе. И дело даже не в черноволосом мужчине, а в том, что где-то глубоко внутри в ней всегда сидело это знание. Просто наглядные действия мужчины помогли ей увидеть его под завалом из фобий и навязанных убеждений. У мужчины всех этих завалов не было, а ей еще только предстояло их разгрести. Вот только на поверку это оказывается совсем не просто. Прямо сейчас она это поняла и задумалась – готова ли она к прямому конфликту с атлетом? И главное – готова ли не просто однажды

рискнуть, а постоянно повышать ставки?

Однако, пока удача была на ее стороне – через приоткрытую дверь в ванной комнате Даша сразу увидела среди вороха одежды красные штаны. Лесбиянка даже одежду бросала как мужик. Даша положила ладонь на латунную шарообразную ручку и почувствовала, что ладонь уже взмокла от пота. Прислушалась. Приглушенное пение раздавалось из глубины сквозь плеск воды. Даша приоткрыла дверь. В глаза бросилась яркая белизна огромной акриловой ванны. За ней была стеклянная дверь – именно оттуда раздавался звонкий женский смех.

Значит Алина тоже здесь. Так даже лучше, решила Даша и, пригнувшись к скамейке, которую от ванны скрывала перегородка, схватила красные штаны. Нащупав что-то твердое, она сунула руку и поняла, что это пульт от кондиционера. Ключи оказались в другом кармане. Испытав за мгновение облегчение, а затем страх – от осознания того, что прямо сейчас она перешла красную черту, Даша сжала связку ключей в кулаке, чтобы не звенели, и поспешила обратно, не замечая, что оставляет грязные следы на влажном полу.

В ту же секунду смех атлета оглушил ее, так что девушка едва не поскользнулась. Даша с ужасом осознала, что между ее ушами и его смехом нет никаких преград. Громкий голос прозвучал будто над ухом:

– Вот так и оставайся, я только возьму масло.

Девушка едва успела пригнуться, скрывшись за перего-

родкой. Ей повезло, что атлет, выходя из сауны, смотрел назад, а не вперед. В поле зрения успела попасть его огромная обнаженная фигура. Отсчитывая секунды, Даша зажмурилась, приложив всю силу воли, чтобы не сорваться и не побежать. Сквозь толщу эмоций пробивался жалкий голосок разума, требовавший действовать именно так, а не иначе. Она сосредоточилась на нем, всеми силами пытаясь обуздать инстинкт.

Атлет шлепал по полу совсем рядом. Затем раздалось кланье и снова смех – на этот раз приглушенный. Ощущая гулкие удары сердца, Даша схватила лежавшую тут же на скамейке куртку Алины и, затирая ею собственные следы, переместилась к двери. У двери выпрямилась, швырнула куртку на скамейку и прикрыла за собой дверь. Она слышала, что атлет что-то назидательно говорил Алине, и в этом голосе ощущалась его огромная физическая сила. Даша вспомнила его руки. Одна такая рука способна сломать ей шею.

Катя ждала на лестнице.

– Они обе там. Бежим! – прошептала Даша.

Девушки стремительно преодолели два пролета.

– Черт, как их много! – досадовала Даша, перебирая большую связку ключей.

– Это выход? – с сомнением спросила Катя.

– Должен быть за ней.

– Мы можем не успеть.

– Откроем эту дверь и закроемся изнутри.

– Поторопись!

Ключей стандартного «английского» размера в связке было не меньше дюжины, и каждый второй легко входил в замочную скважину, но поворачиваться не спешил. Даша вдруг подумала, а что, если ни один из них не провернется. От этой мысли она запуталась, потеряла счет и стала совать ключи не глядя, наверняка одни и те же, потому что число попыток уже перевалило за дюжину.

Пока Даша возилась с ключами, Катя выглянула через дверной проем на лестницу.

– Я их не слышу, – сказала она настороженно.

Даша начала паниковать.

– Черт! Не подходят!

– Не может быть! – Катя обернулась, и взгляд ее упал на дверь с неоновой надписью «Только для членов Paradisum». – А там что?

Даша не ответила. Она взяла себя в руки и стала совать маленькие ключи заново, на этот раз удерживая остальные пальцами.

Восьмой ключ повернулся со второй попытки и сделал два легких оборота. Даша плечом толкнула дверь, успев заметить небольшой тамбур, ступеньки, металлическую дверь с засовами и главное – огромный висячий замок, точно такой же, как внизу. Она успела даже ощутить холод – все это за долю секунды, прежде чем ее целиком не захватило чувство облегчения.

– Катя, идем! – Даша с тревогой оглянулась к выходу на лестницу.

– Офигеть! – Катя стояла в проеме распахнутой двери с надписью «Только для членов Paradisum» очерченная фиолетовым полумраком.– Ты только глянь! На секунду!

Даша подошла, заглянула через плечо и облако тепла, в котором она пребывала, пронзил холод.

Внутреннее помещение «Клуба Paradisum» мало походило на «рай». Больше на медицинский кабинет – те же строгие на вид кушетки, тонкие стулья, стеклянные металлические шкафы. Но главное – гинекологическое кресло в углу. Странное кресло с металлическими браслетами-фиксаторами на опорах Геппеля и кожаными ремнями по бокам верхней части спинки. От них за спинку уходили провода.

Даша с ужасом вспомнила запястья Алины и разозлилась на Катю, которая с неторопливым отвращением разглядывала все это.

– Ну чего ты встала, – потянула она ее за собой.

К облегчению Даши, дверь снаружи закрывалась на ключ. Теперь от атлета их отделяла, по крайней мере, одна закрытая дверь. Конечно, атлет при желании сможет ее выломать, но ведь ему теперь надо сначала их найти. Время теперь на их стороне.

Даша взбежала по лестнице и, ежась от холода, сосредоточилась на засовах. В принципе, пути их движения были понятны – все они сходились на центральных блокирующих

скобах, которые фиксировал огромный висячий замок.

Здесь, в тамбуре, помимо холода царил полумрак – работала одна аварийная лампа над головой. Сама дверь размещалась на небольшой галерее, к которой вели металлические ступеньки с поручнями и площадками наверху, которые образовывали подобие внутренних балконов. Напротив них видимо были стекла, предусмотренные конструкцией этого дома, как догадалась Даша, но все они изнутри были заложены металлическими щитами.

Пока Даша подбиралась к замку, Катя забралась на балкон и присев на корточки заглянула в небольшой просвет между краем щита и торцом оконного проема.

Даша тем временем взяла ключ соелот, крепко сжала в своей маленькой ладони и дрожащей рукой вставила в замок. Ключ вошел как нож в масло. Она ощутила податливость механизма при легком давлении, но повернуть его не успела – справа ей энергично замахала Катя.

Девушка повернула голову.

– Не делай этого! – скорее прочла по губам, чем услышала Даша.

Катя приложила палец к губам и поманила Дашу к себе.

Даша не двигалась – так и замерла, держась за ключ соелот, торчавший из висячего замка.

Что ее могло так напугать? Рука Даши, державшая ключ, чуть дернулась, и Катя судорожно замотала головой.

– Не открывай! – прошептала девушка, пальцем показы-

вая на угол окна.

– Что там? – так же тихо прошептала Даша, хмуря брови.

– Посмотри, – опять прочитала по губам.

Даша опустила руку, подошла, чувствуя запах катиного шампуня. Катя посторонилась, уступая место, и ее холодные мокрые волосы скользнули по дашиной щеке.

Даша заглянула в зазор. Фрагмент улицы. Ничего особенного. Глухая ночь. Небольшой дворик – судя по причудливым фронтонам небольшого флигелька, явно район исторической застройки где-то в центре, фонарь, редкие снежинки, припаркованный в углу дворика белый сияющий мерседес, банкомат незнакомого банка, встроенный в стену у тяжелой двери с крыльцом. У Даши участился пульс. Как же ей хотелось туда, на улицу. И все же. Что-то не так. Но что?

– Видишь? – прошептала Катя.

– Вижу – что? – сердито переспросила Даша.

– Да смотри же!

Даша снова посмотрела, и на этот раз... Тихий разговор. Очень тихий. И очень близкий. Между ними стена и не больше метра. Даша поняла, что стоят у главной двери.

Короткие фразы, едва различимые. Один четкий мужской, второй поддакивающий. По две фразы и снова тишина. Если бы не эти голоса, то... Но может быть, они пришли спасти их? Увиденное так умиротворяло. Уютный дворик, за невысоким каменным забором – сияние желтых московских фонарей среди заснеженных берез. Там дальше, навер-

ное, какой-то переулочек. Фрагмент старинного розового здания, осевшего окнами первого этажа до уровня цоколя. И живое дыхание Кати совсем рядом. Что же делать? Она поняла, что только ей принимать решение. И она сейчас отвечает не только за себя. Но кто они? Охранники атлета? Тогда почему шепчутся? А может, подчиненные отца наконец нашли ее? А если с ними заговорить? Но ведь они могут обмануть. Даша запуталась.

Она хотела поделиться сомнениями с Катей, но ужас снова сковал, разом уничтожив все иллюзии и надежды. Прямо перед ней прошли ноги – огромные, как у всех, от кого сегодня в метро исходила угроза, и, как ей показалось – облаченные во что-то тяжелое, наподобие сухого гидрокостюма, и то, к чему она уже привыкла – хищное, сверкающее как панцирь ядовитого членистоногого – иностранное автоматическое оружие. А в следующую секунду весь их тамбур утонул в реве. Из недр подземелья к ним неслось чудовище. Топот сотрясал перекрытия. Даша ощущала вибрацию даже здесь – на балконе.

Рев накатывал волнами. После первой волны слух уловил легкое постукивание за дверью. Там – они. Действуют по своему коварному замыслу. Никаких сомнений. Что же делать? Не в силах решить столь неожиданно навалившуюся дилемму, Даша попыталась забиться в угол, но перед глазами возник уплывающий на лодке черноволосый мальчишка из смутных детских грез, а затем почти сразу вспомнилось

медленное дыхание его взрослого воплощения за широким пилоном на «Площади Ильича», когда она потеряла комодского варана и запаниковала.

Даша рывком бросилась к двери, провернула ключ соелом. Дверь за спиной треснула от мощнейшего удара. Катя завизжала так, что заложило уши. Даша провернула ключ еще раз. Замок открылся и упал под тяжестью основания. Дверь за спиной разлетелась. На Дашу упал свет и жар. Засовы открыть она не успела.

Глава 17

Пустовалов шел по узкому коридору навстречу черному облаку – он не знал зачем и не чувствовал угрозы, ноги сами несли его. Под ногами скрипел песок, как на той заброшенной стройке, где чуть раньше он разбил себе голову, не сумев допрыгнуть до края бетонной плиты. И он знал, что здесь песок точно такой же. Более того – это тот же самый песок. Там кварцевая толща скрывала бетонное основание гигантского ангара, успевшего состариться, оставаясь при этом недостроенным. Здесь под песком пол тоже был светло-серый и такие же блочные стены. Стены были сдвинуты, делая коридор неестественно узким в нарушение всех строительных правил. Каждые пятнадцать метров проход освещала тусклая, забрызганная строительным раствором лампочка на двадцать четыре ватта. Их оставалось всего девять – до тьмы. Минувя пятую, Пустовалов услышал детский плач. Его он тоже слышал раньше. Пустовалов опустил взгляд и увидел движение собственных ног. Шаги были непривычно мелкими и быстрыми: левый кроссовок, правый кроссовок. Он едва успел заметить советские фиолетовые «адидас» на ногах – те самые с тремя белыми полосками по бокам, от которых после долгой ходьбы синели ноги. А вот звуки шагов он едва слышал, как будто уши были заложены ватой. Рядом с правым кроссовком в песке мелькнуло что-то черное.

Пустовалов остановился, ощущая, как подкатывает редкое, но опять же знакомое чувство. Чувство, которое испытывают лишь те, кому сильно не повезло в жизни перед тем, как с этой самой жизнью расстаться. Чувство, которое обычных людей лишает дара речи, рассудка и возможности двигаться. Его физическое пребывание здесь походило на движения в воде – звуки отдалялись, мысли тяжелели и стопорились, как ржавые шестерни, и, несмотря на усиленную работу мышц, привычные быстрые движения ему не давались. Пустовалов нагнулся, вытащил из песка кусок черного ножовочного полотна, ощущая, как густая теплая жидкость усиливает давление. Теперь он как муха в паутине. Пустовалов двигался дальше – будто шел по дну бассейна. До тьмы оставалось всего три лампочки. В этот момент всегда начинал подкатывать чуждый ему страх. Сначала в виде слабой пульсации, похожей на зубную боль, которая стремительно разрастется и к моменту, когда останется одна лампочка, превратится в огненный кошмар. Вот тогда-то он и потеряет власть над собой.

Высокий человек, к которому перейдет власть, обитает в темноте за черным облаком. Это странное состояние раздвоения происходит с Пустоваловым всегда в этом месте. В одном теле пребывает лишенная памяти реинкарнация самого себя и пассивный зритель. Детский плач причинял уже почти физическую боль – Пустовалову хотелось зажать уши, но это оказывается не так просто, если ты владеешь только по-

ловиной собственного тела. Ты чувствуешь сопротивление чужой воли, в которой концентрируется нечто невежественное и величественное. Огромная тупая сила саморазрушения, которую всегда презирала вторая половина Пустовалова. Сейчас ему хватило сил лишь взглянуть на полотно. На почерневшей линейке он увидел засохшую кровь. Черно-бурые пятна в той части у основания, которое он когда-то сжимал. Практически все полотно на всю толщину его тогдашней ладони. Сквозь плач прорывались едва различимые слова. Он молил о пощаде. Он не знает, что трехметровый человек питается этими словами. Там не один Гарик. Вадим уже не может кричать, у него нет голосовых связок, и черный человек уже почти сожрал его. Одна лампочка... Тьма впереди ожила и потянулась к нему.

– Аааааа! – раздался крик и, прежде чем понять, что крик вырывается из его груди, Пустовалов побежал.

Впереди мелькали и били в плечи серые стены, бесконечные лампочки сливались в раздражающую линию. Бежалось тяжело. Страх наощупь – холодный и влажный, бороться с ним почти невозможно, особенно если твой шаг так мелок, а в мышцах почти нету сил. Впереди кто-то кашлянул. Кашлянул, как самый обычный человек, читающий газету за столиком в кафе. И этот кашель, будто рука, протянутая навстречу, вырвала его из кошмара.

Пустовалов сел верхом на «римском стуле». Машинально потрогал лоб. Холодный и мокрый, как всегда.

– Демоны?

В полумраке блестели глаза Харитонов. Он единственный, кто не спал – так и сидел, поигрывая пустоваловскими часами, как забытый энписи из инди-хоррора, для которого нет разницы между секундой и вечностью. Пустовалову казалось, что прошла вечность. После этого сна всегда проходила «вечность» – две чужие непрожитые жизни. Но сейчас Харитонов не выглядел враждебным, и та угроза осталась за гранью сна. Здесь – другая часть подземелья. Даже как будто не лишенная уютной атмосферы. И он словно мелкий зверек, глубоко забравшийся в нору, где его никто не найдет.

– Ты меня разбудил?

– Он поймал тебя?

– Кто?

– Демон.

Пустовалов покачал головой, успокаивая дыхание.

– Они... идут.

Теперь он услышал тихие голоса. Пока еще далеко – где-то в районе первого лестничного марша. Пустовалов встал, тронул за плечо спящего сидя Виктора.

– Готовьтесь.

– Эй, – бросил Харитонов Роману, – ты со мной.

Пустовалов выключил свет и засел с Виктором у гребного тренажера в дальнем углу. Харитонов и Ромик расположились в соседнем, за «стаканом».

Вскоре в проходе замелькали лучи фонарей. Пустовалов

понял по голосам, что их двое или трое. Просто поисковая группа.

Голоса приближались. Непонятный грубый, но явно европейский язык. Для них это просто рутина. От оглушительно-го звона стекла, поморщился даже Пустовалов. Эхо разлетелось во все стороны.

– Блин, ты чего туда наложил? – беззлобно прошептал он дрожавшему Виктору.

В коридоре никто не вскрикнул и даже слова ни проронил. Теперь там царила тишина.

Только минут через пять в проходе появилась первая тень. Очередная баскетбольная фактура с автоматом. На этот раз с подствольным гранатомётом. Сфокусированный луч уперся в гермодверь и пошел влево, в сторону Пустовалова. Пустовалов дал короткую очередь, и тень с коротким воплем рухнула в проходе. Второй не повторил ошибку первого, луч его фонаря стал расширяться и двинулся в другой угол. Харитонов выстрелил. Пули звонко циркнули, и луч тут же исчез, успев осветить Ромика и Харитонову. Сразу же кто-то воинственно крикнул, и Пустовалову пришли на ум сомалийские пираты.

Луч фонаря гулял по трупу огромного африканца, чье лежащее ничком туловище перегородило проход. Его напарник скорее всего был один – наверное, скрылся в одной из ниш или расположился за углом коридора. Луч его фонаря пытался осветить помещение, но свет падал только на гер-

модверь. Чтобы захватить углы, где сидели Пустовалов и Харитонов, ему следовало подойти ближе.

– Daniker! – угрожающе крикнул кто-то из тьмы, и в помещение прилетело шипящее облако. Пустовалов тотчас подорвался, как дикий кот схватил источник шипения и швырнул обратно, переместившись в угол к Харитонову. Харитонов дал протяжную очередь в проход. Невидимый противник снова заорал. Послышался топот.

Из прохода тотчас полилась шквальная автоматная очередь. Почти все пули влетели в гермодверь. Пустовалов знал, что они теперь просто коротают время в ожидании «тяжелой артиллерии». Мысли его сейчас крутились вокруг слова «Daniker». На каком языке оно было произнесено и что означало, Пустовалов не знал, но почему-то был уверен, что в нем содержится некий значительный смысл. Пульс его привычно замедлился. Мозг работал на полную катушку. Единственный шанс на спасение – прорываться, конечно, но, несмотря на наличие одного противника и в худшем случае еще одного раненого, если их было трое, это не так-то просто даже при численном перевесе. Взгляд остановился на темной горе перед входом – труп африканца. Пустовалов привстал, намереваясь двинуться вдоль стены, но в это время слева послышался глухой металлический лязг.

– Открывают! – первым среагировал Ромик и стал вслух читать молитву. Видимо, доселе он повторял ее про себя.

Дверь действительно открывали, в этом не было сомнений

– невзирая на стрельбу и вообще на то, что здесь происходит.

Неужели происходящее там еще хуже?

Пустовалов повернулся к Харитонову:

– Кто бы там ни был! Это наш единственный шанс.

Харитонов молча отстранил его своей лапищей и подобно хищной горилле одним прыжком подобрался к двери.

– Когда откроют – все огонь по проходу! – крикнул Пустовалов, надеясь, что тот, кто засел в коридоре, не понимает русского языка. – Виктор, стреляй только если увидишь кого-то в свету, понял?

– Ага, – в подтверждение в углу щелкнул переводчик огня.

– Роман, с другого угла!

Через несколько секунд дверь приоткрылась. Харитонов тут же сунул в щель сразу обе ладони и хлопнул по двери так, что она отлетала и снова едва не закрылась. Пустовалов метнулся к проходу и, высунув МКВ-15, принялся нещадно палить из-за угла. Со своей стороны то же самое делал Ромик. Гильзы его автомата сыпались на могучую спину мертвого африканца. Пустовалов опасался, что те, кто там прячется, увидят свет из-за двери и начнут по ней стрелять. Но как только зарычал Харитонов и свет разъял тьму, озарив зал и коридор до площадки с фильтро-вентиляционной установкой, Пустовалов увидел, что в проходе никого не было. Они либо попрятались на лестнице, либо в боковых помещениях.

– Давай! – крикнул Харитонов.

Ромик и Виктор побежали, а Пустовалов двинулся спиной к «стакану», опустошая последний магазин МКВ-15.

Пока одна рука атлета удерживала Катю, вторая с силой рельсового экскаватора подняла Дашу и водрузила себе на плечо. Для атлета, судя глубокому дыханию, это не составило никакого труда. Обе девушки визжали, особенно Катя, довольно хлестко колотившая атлета по обнаженной спине и каменным ягодицам.

– Тихо-тихо, – приговаривал атлет, – берегите силы.

Внизу их встречала Алина. Подруга исполина улыбалась, в синих глазах – немного испуга, но больше – восторга и возбуждения. Грудь под серой футболкой вздымалась. Даша успела прочитать надпись по-английски «Возьми меня после вечеринки».

Но удары наверху смыли с лисьей мордашки улыбку, превратив лицо в маску – будто без улыбки ее лицо переставало быть лицом. Опускаясь на плечо Инги на нижний уровень, Даша заметила, как загорелые мускулистые ноги Алины уносят ее наверх. Самое интересное, что сам атлет, похоже, ничего не услышал.

Он принес девушек в «клуб Paradisum». Даша все еще отчаянно вырывалась, но дело это было безнадежным – ее будто опоясали титановым обручем. Кроме того, буйство и пер-

вый порыв ярости шли на убыль, уступая место привычному страху.

Атлет бросил Катю на кушетку и, удерживая Дашу, закрыл дверь на ключ.

– Ты знаешь, – говорил атлет, спуская Дашу с плеча, – что это очень скверно – лазать по чужим карманам.

– Просто выпустите нас отсюда, я вам все компенсирую! – взмолилась Даша.

– Ты компенсируешь! – согласился атлет. – Но сначала она!

– Да почему всегда я! – завизжала Катя, вскакивая с кушетки, но атлет мягко, по-удавьи ухватил Катю за плечи, приподнял и понес к креслу.

Увидев кресло, девушка завизжала еще сильнее и стала брыкаться как сумасшедшая. А Даша, уже прощаясь с самообладанием, вспомнила таящий энергию уверенный взгляд карих глаз. Даше захотелось увидеть все этим взглядом.

И пока атлет усаживал кричащую Катерину к креслу, пока пристегивал ей руки и уворачивался от ударов ее сильных ног, Даша внимательно оглядела кабинет. Он был маленьким. В углу висел белоснежный шкафчик со стеклянными дверцами. На столе, кроме баночек и пузырьков – ничего, что могло бы оказаться полезным. Даша боком шагнула к столу, выдвинула ближайший ящик. Он был пуст. Шагнула дальше и выдвинула следующий. Пачка шприцов и ножницы. Даша схватила ножницы и убрала руку за спину.

– Даже не думай, Даша, я все вижу! – сказал атлет, деловито пристегивая катину ногу к опоре Геппеля. У Кати осталась свободной теперь только левая нога, которую атлет сжимал за щиколотку.

Даша остолбенела.

– Не вздумай подходить к двери, – сказал атлет.

Даша отошла от двери, подошла к атлету и со всей силы всадила ножницы в его обнажённую спину – прямо между левой лопаткой и позвоночником. Атлет вскрикнул. Скорее даже от удивления, чем от боли. К кровоточащей ране потянулась могучая напряжённая рука с растопыренными пальцами.

Взбешенный атлет обернулся, представ перед Катей во всей исполинской красе. В этом было что-то сказочное – соединение в одном теле атлетического мужчины и женщины. Могучая ладонь окрасилась кровью.

Боль и гнев перекосили мужественное лицо, но раздавшийся неожиданно смертельный визг превратил его в маску ужаса.

– Алина! – заревел атлет, побежав на Дашу, словно ее не было на пути, сшиб с ног, открыл дверь и исчез.

Даша не замечая боли, встала, подскочила к Кате и не жалея пальцев принялась за тугие ремни.

Перекрытия ходили ходуном. Казалось, будто наверху кто-то ронял шкафы. Атлет ревел, как раненый слон. Кто-то там же матерился, визжал, и наконец, зазвучали выстрелы.

– Бежим вниз! – крикнула Даша, когда с ремнями было покончено.

Девушки выбежали за дверь. Сильно тряслась винтовая лестница. Под очередной пронзительный рев с нее съехала Алина с окровавленным ртом и стеклянным мертвым взглядом. Надпись «Возьми меня после вечеринки» перечеркивала кровавая полоса.

– Вниз! – закричала Даша и, вспомнив о ключах, выхватила связку из замка.

Девушки ринулись вниз.

С решеткой нижней двери Даша справилась быстро, но висячий замок «infernum» отнял целую минуту. За эту минуту к ним в тамбур спустился бородатый мужчина в черном. Мужчина был без глаз – на их месте были огромные кровавые кляксы. Он орал не переставая, называя кого-то мерзкой сукой.

Даша понимала – кого. Того, кто ревел сейчас наверху. Она буквально увидела, как взбешенный исполин вонзает пальцы в глаза убийцы его возлюбленной. Но оглушительный слоноподобный грохот сообщил, что атлету скорее всего тоже пришел конец. Вряд ли что-то совместимое с жизнью способно опрокинуть такое мощное тело. Следом прилетела пуля, прекратившая страдания мужчины без глаз. Даша ощутила тошноту.

Она подняла последний запор, но не успела коснуться двери, как та рванула назад, и на нее прыгнул грязный мед-

ведь. Даша истошно завизжала и принялась бить Харитонову в грудь, и хотя она уже поняла, кто перед ней, но все же не могла остановиться.

– Бегите отсюда! – кричала Даша вваливающимся мужчинам, но едва Пустовалов захлопнул за собой дверь и опрокинул задвижку, как тотчас дверь снаружи прошил град, оставив ряд бугорков на металле, которыми была уже усеяна вся дверь.

Даша подпрыгнула и завизжала от отчаяния, понимая, что это конец.

Понял это и Пустовалов, глядя на Катю и Дашу, которые безуспешно пытались побороть эмоции. Он понял, что и наверху не все в порядке, когда увидел безглазый труп на лестнице.

– Тихо! – крикнул он, и неожиданно воцарилась полная тишина.

– Согласен! – ответил ему сверху вкрадчивый голос без акцента. – Шума слишком много. Просто поднимайтесь по одному, и все будет в порядке.

Пустовалов ответил не сразу.

– Кто вы и что значит в порядке?

– Неважно. Важно, что у нас есть гранаты, – ответил голос.

– А у нас автоматы.

– Закон гравитации не в вашу пользу.

Даша вдруг дернула Пустовалова за руку и показала на бетонный колодец. «Царство Аида» прочитал Пустовалов и

вопросительно посмотрел на нее.

– Там большое подземелье! – прошептала Даша.

– О чем шепчетесь? – прозвучало сверху.

– Обсуждаем ваше предложение.

– Давайте я помогу вам.

Сразу после этих слов по лестнице съехал труп Алины и сел на шею безглазому мертвецу.

– У вас ровно минута.

Кто-то постучал в железную дверь и забормотал по-английски.

Наверху послышалось шипение рации.

– Ну?

Пустовалов подумал, что одной оборонительной гранаты будет достаточно, чтобы все закончить. Он кивнул Виктору и прошептал:

– Открывай.

Пустовалов быстро выглянул наверх и увидел через пролет две крупные фигуры в противогазах и черной одежде. Обладателя интеллигентного голоса среди них явно не было.

– Почему вы в противогазах? – спросил он.

– Пятьдесят секунд, – сообщил вкрадчивый голос. Он был явно ближе. Скорее всего, прямо над ними.

В подтверждение его слов кто-то сверху дал одиночный выстрел.

Пустовалов бросил быстрый взгляд на колодец. Крышка была отброшена, Виктор уже погрузился в колодец, и следом

забиралась Даша.

– Подождите, мы только оттащим с лестницы трупы, – сказал Пустовалов и посмотрел на Харитонову. Тот кивнул и развернулся к колодцу, в который уже забирался Ромик.

– Тридцать.

Пустовалов ухватил за ноги мертвеца, заметив, что тот был одет в странный костюм, напоминавший утолщенный латекс. Когда он схватил его за каменные ноги и стал тянуть на себя тело, увлекая за ним и труп девушки, то ощутил невероятную тяжесть. И дело было не в том, что их двое. Пустовалов догадывался, что дело в костюме.

Наверху раздался голоса. Пустовалов бросил короткий взгляд налево.

Харитонов уже наполовину погрузился в колодец. В тамбуре оставался только Пустовалов.

Совсем близко раздался вкрадчивый голос:

– Как-то тихо у вас...

Над проемом неожиданно со скоростью ящерицы мелькнула голова, и тотчас зазвенели пули, прошивающие металлическую лестницу и бетонный пол, кося взмывающей дорожкой в его сторону. Пустовалов дал ответный залп последней парой патронов, двигаясь вдоль стены, швырнул сумку в колодец и сам прыгнул следом, хватая уже наощупь встроенные в бетон прутья. Где-то далеко внизу двигались едва различимые силуэты. Пустовалов не стал закрывать крышку, опасаясь выстрелов по рукам. Спуск длился на удивление

долго – глубина была не меньше десяти метров. Наконец он спрыгнул на каменный пол, отбежал, слыша, как гулко эхо разносит его шаги.

– Выключи фонарь, – пробасил рядом Харитонов.

В подвале, который действительно выглядел огромным, остался единственный источник света – круглое окошко наверху.

– Отходим, – тихо сказал Пустовалов, опасаясь гранаты.

В окошке мелькнула узкоплечая фигура. Затем вырос конус фонарного света. Харитонов выпустил туда три пули. Свет исчез.

Вкрадчивый голос засмеялся над потолком.

– Ну и ну, тут прям катакомбы, как... Что?

Обладателя вкрадчивого голоса кто-то отвлек. Пустовалов напряг слух, догадываясь, что появились те, кто атаковал их в зале.

– Daniker... – услышал Пустовалов среди глухого бубнежа. И снова вкрадчивый голос:

– Нет-нет, недосмотр – ваша проблема, а этого места на плане нет.

Затем крышка наверху захлопнулась, и настала крошечная тьма.

Глава 18

Впервые странное свечение над стрелой он заметил, когда рабочие заканчивали менять четвертую секцию. Он как раз повернулся в кресле, чтобы проверить осталось ли еще место в бутылке из-под «Аква минерале», и в эту секунду через сочленения стрелы в левый глаз ударил луч, который он поначалу принял за солнечный блик с бельведера бизнес-центра «Прометей» – единственного здания выше него в округе.

Он старался не думать ни о чем из-за переполненного мочевого пузыря и потому не придал этому значения, лишь какая-то смутная мысль отметила, что для блика луч был слишком настойчивым, изменчивым и как будто – целенаправленным. И только когда солнце совсем скрылось за новостройками, свечение, наконец, по-настоящему заинтересовало его.

Дело было, конечно, не в отсутствии солнечного света или в том, что свечение мешало работать. На стройке таких источников хоть отбавляй. Дело было в том, что эта штукавина сияла на высоте сто тридцать метров – в пустом пространстве, где кроме него – в кабине только что выросшего на двадцать метров башенного крана «Либхерр» – нет и никогда было никаких сооружений такой высоты.

Под ним был просто пустырь, бывшая территория закрытого завода «Стрела», на котором еще только предстояло

вырасти сорокаэтажному флагману жилого комплекса «Южный Крест».

Ветер выл, заметал снег в приоткрытое окно, под кабиной матерились, не привыкшие к высоте рабочие, стучали инструментами по замерзшему металлу. Свечение то пропадало, то вспыхивало в ранних зимних сумерках, наводя на мысли о нелепости происходящего. В конце концов он догадался, что там за стрелой находился не источник света, а лишь отражатель и такая странная изменчивость вызвана его хаотичным вращением. По крайней мере, так подсказывали логика и интуиция.

Сам же свет исходил от правого прожектора на стреле его крана. Штуковина над ним просто меняла угол отражения. Вот только какого хрена она...

– ...вира-вира-вира-ви... – сквозь помехи захрипела рация. Он быстро надавил на правый контроллер, запуская подъем последней секции, и в эту секунду его снова накрыл острый позыв.

Зимой и без того приходилось справлять малую нужду чаще, но сегодня мочевого пузыря устроил ему настоящий террор. Всему виной та случайная связь в октябре. Он всегда подозревал, что дело нечисто, даже перед тем, как сорваться, невзирая на триста граммов коньяка и какой-то дерьмовый коктейль, он пытался удержать себя в руках, но в конце концов инстинкты взяли верх. Поначалу он думал, что ему повезло, и беспокойство от редких капель крови в моче и

неприятного зуда – просто наследственная ипохондрия.

Но сегодня последние надежды были уничтожены. Изматывающее ежесекундное желание отлить – то еще дерьмо, похуже зубной боли. Перед ним маячили жалкие перспективы. С такой протечкой долго на кране не протянешь и так быстро от нее не избавишься. Увольнение, накопленные деньги сожрут шарлатаны в белых халатах, как сожрали деньги его отца... Он помнил совет отца – отвлекаться. Заниматься работой. Он уже заметил, что чем меньше думал, тем легче было бороться.

Поэтому он выбросил из головы свечение над стрелой. Обет тридцатиминутного безмыслия, просто чтобы не намочить в штаны.

Но на всякий случай он снова развернулся и еще раз окинул взглядом кабину – не завалилась ли где-нибудь хоть какая-то емкость.

На глаза попались только две заполненные под завязку бутылки из-под «Аква минерале», ждущие окончания рабочего дня.

Он достал из рюкзака последний бутерброд с «Докторской» колбасой и стал жевать, наблюдая через стеклянный пол за напряженными движениями рабочих, занятых монтажом последней секции.

Надо бы выглянуть в окно, сказать пару слов, проявить участие, показать, что тебе не все равно, что они там, на высоте и морозе, а ты здесь в теплой кабине. Но он не хотел

лишний раз давить на мочево́й пузырь. Он и так сидит здесь уже девять часов. Всю неделю одно и то же – кто нанимает кран, чтобы он занимался раскладкой опалубки в угоду проверяющим бездельникам? Всю неделю он по большей части сидел на кране, слушая только свист ветра и редкие «май-на-вира» по рации, чтобы переложить пару панелей. Он не любил такие дни, и дело было даже не в его мочево́м пузыре, который стал походить на протекающий бачок после пары случайных свиданий.

Работая на кране, он хорошо знал, что такое одиночество. Он знал, что некоторые тяготятся им и во время работы умудряются смотреть сериалы на смартфонах, играть в игры, болтать с подругами по ватсапу. Некоторые даже читали книги, но он всегда просто думал. Когда не работал – просто вертел головой по сторонам и думал. А на этой неделе ему пришлось думать особенно много. Такого простоя и беспорядка, как здесь, он никогда не встречал. Обычно застройки по полной загружают арендуемую технику. А здесь дорожный кран «Либхерр» всю неделю занимался только перекладыванием строительного мусора.

Он устал созерцать одно и то же. Колонны, забор, груда опалубок и арматурный цех, грязный переулок, кусок какого-то шоссе и железнодорожная платформа. Бизнес-центр «Прометей» был слишком далеко, чтобы через панорамные окна можно было понаблюдать за жизнью офисного планктона – за подтянутыми сексуальными девицами в очках. А

новостройки и того дальше. Близко был только снег и грязный океан неба. И это проклятое свечение.

Может, он сходит с ума?

Краем глаза он снова попытался охватить ту область слева, и тотчас мочевого пузырь предпринял очередную попытку атаки. Несколько капель даже попало в трусы.

Его спасла рация. Мужики закончили с установкой секции. Теперь свечение было почти на уровне кабины, примерно в сорока метрах на северо-запад, но его закрывала стрела. Оно и к лучшему. Ему не хотелось о нем думать.

Последние пять минут дались непросто, но час икс наконец настал. По привычке он три раза осмотрел кабину, чтобы ничего не забыть, и хотя времена, когда ему приходилось заново подниматься на сотню метров по вертикальной лестнице из-за забытой мелочи давно прошли, все же привычкам он не изменял. Сунул использованные салфетки и бутылки в рюкзак, застегнул куртку, надел прорезиненные перчатки, поставил на зарядку рацию, еще раз окинул кабину взглядом и наконец выключил свет. В темноте горели только городские огни и оно – сверкнуло между секциями стрелы, словно хотело попрощаться. Он вышел из кабины на площадку, стараясь не думать, подошел к лестнице. Остановился.

Все дело было в ней – она тоже начала видеть огни задолго перед смертью. И задолго до того, как стала забывать дорогу домой и перестала узнавать отца. Она говорила, что они пришли за ней. Но он не должен их видеть. Его слабое место

– мочеполовая система, а не рассудок. Черт возьми. Неужели он унаследовал все дерьмо не только от него?

Он поднял взгляд. Это не те огни, это не обман зрения, не безумие, но... Что может так насмеяться над логикой, над здравым смыслом, над гравитацией? Он скинул рюкзак на площадку, рванул на себя дверь кабины, включил свет, затем управление, сел в кресло и двинул стрелу влево. Еще чуть-чуть. И еще. Вот теперь оно прямо над стрелой. Полтора метра.

Он выбежал из кабины, ступил на стрелу. Ветер свистел в ушах. Под ногами – крошечные машины и люди, но он давно перестал бояться высоты, хотя в детстве высота была его главным страхом. Он не смотрел, ему очень не хотелось подходить. Какая-то сила будто удерживала от этого шага. Инстинкт, просто инстинкт – не стоит связываться с тем, что выглядит странно и ведет себя странно. Но он не мог, он знал, что если не найдет ответ на этот вопрос прямо сейчас, то начнет видеть огни повсюду.

Сорок метров по стреле. Он миновал прожектор. Из кабины казалось, что проклятое свечение ближе.

– Эй! – кто-то крикнул внизу.

Он не обратил внимания, вцепившись в поручни, он стал медленно поднимать взгляд. Он уже знал, что это не то, что видела она. Это не порождение ее наследия в его генах. Оно реально существовало. Вне зависимости от изъянов его рассудка. Вот только он понял, что и ответа он не получит. Оно

не светилося, не вращалось и вообще не двигалось, как он думал вначале.

Оно деформировалось.

Он поднял взгляд и посмотрел на него в упор, не замечая, что штаны насквозь стали мокрыми.

Глава 19

Снег шел все воскресенье и понедельник до позднего вечера, пока температура не поднялась, превратив осадки в снежную кашу. Утром во вторник неожиданно подморозило, и над Москвой распахнулось синее, без единого облачка небо.

– Нет, пап, только выехали за МКАД. До Обьездного даже не доехали. Все стоит от третьего кольца! – мужчина за рулем черного «Киа Серато» морщился, пытаясь перекрыть орущих за спиной сыновей. – Я не знаю! И пока не звони, я выключу телефон.

Убирая смартфон, мужчина бросил косой взгляд на жену.

– Ира, не смотри так, я просто забыл.

– Сам же будешь ворчать, когда вызовут.

– Если ты про тот теракт, то...

– Слушай, кто тебе вообще звонит, кроме как по работе?

– Ты, родители...

– С родителями ты уже поговорил, а я и так здесь.

Мужчина провел пальцем по дисплею «Самсунга». Ладони у него были непропорционально крупными.

– Все, самолетик. Только они и через тебя доберутся.

– Кто? – удивилась Ира.

– Родители, – засмеялся мужчина. – А ты что подумала?

Да ладно, я пошутил. Ты серьезно?

Ирина была настроена серьезно и тоже на всякий случай выключила свой смартфон.

– Хотя бы на один день пускай оставят тебя в покое.

– Ну, ты даешь. – Мужчина обернулся. – Эй, а ну прекратите!

Мальчики шести и восьми лет мигом затихли. На мгновение в их глазах мелькнул испуг. Но только на мгновение. Отца они не воспринимали всерьез.

– Пап, заедем в Макдональдс.

– Ну да, все бросил и поехал.

– Ну, хотя бы в макавто.

– Черт, туда что наркоту добавляют?

– Ага, пищевые наркотики.

– Мелкий, напомни, куда мы едем?

– Мелкий он, а не я.

– Вы оба мелкие.

– Борис... – улыбнулась Ира.

– Нет, куда?

– К бабушке! – выкрикнул младший сын.

– И что он готовит для нас?

– Шашлыки?

– Это ведь вкуснее макдональдса?

– Нет.

Мужчина посмотрел вперед, и на простоватое лицо его с белесыми бровями легла тень недовольства. Машины стояли впереди, по сторонам, позади – фуры и легковушки, и конца

не видно было этой полноводной реке из металла.

Газель впереди двинулась на метр, и в ту же секунду в небольшое пространство перед «Киа Серато» углом втиснулся ослепительный «Гелендваген».

Борис ударил по тормозам.

– Блин!

– Вот придурок! – Ирина дернулась и тут же оглянулась на детей.

– Пап, почему он лезет? – спросил старший сын.

– Наверное, потому что он важный человек.

– А ты не важный?

– Ну...

– Дима! – рассердилась мать. – Твой отец следователь. Конечно он важный.

– За полчаса мы проехали тридцать метров... – сказал сын.

Он был умен для своего возраста – в мать. Только характер скверный – в ее отца. А вот от Бориса ему достались только белесые брови и волосы.

– Больше, – не согласился младший.

– Нет, не больше!

– Больше!

– В кого он такой... – раздосадовано произнесла Ирина.

Борис усмехнулся.

– Смотрите, вертолет!

Борис посмотрел через переднее стекло. Судя по нара-

тающему стрекоту вертолет, прилетел со стороны Москвы и теперь висел прямо над ними, но он был все-таки слишком высоко, чтобы можно было хорошо его рассмотреть.

– Пап, это что за вертолет?

– Похож на Ка-226.

– А сколько он весит?

– Не знаю, может, пару тонн.

– Это тяжелее нашей «Киа»?

– Конечно.

– И почему он не падает? – спросил младший сын.

Борис не ответил. Все его внимание захватил соседний левый ряд, где машины стали чересчур быстро набирать ход. Все остальные ряды не двигались уже минуты три. «Гелендваген» перед ними вывернул передние колеса.

– Пап...

– Чего?

– А если крутить скакалкой над головой, можно полететь как вертолет?

– Можно, – Борис обернулся, посмотрел вверх голов сыновей. «Мицубиси Паджейро» позади них тоже пытался перестроиться, но машины в левом ряду почти не оставляли пространства, следуя друг за другом и не желая терять преимущества.

– Правда?!

Борис посмотрел в правое окно. Ирина заметила, что привычная веселость мужа куда-то пропала. Ничего особенного,

но она привыкла к предсказуемости мужа, и если его настроение менялось, то тому всегда была причина, которую она знала. Сейчас у него появилась две короткие параллельные складки на переносице. Они всегда появлялась, когда он был чем-то встревожен. Но Ирина не знала, что они появляются еще по одной причине. Не знала, потому что никогда не видела его на работе.

Борис тем временем приоткрыл переднее окно. Склонил голову набок. Рубящий вертолетный стрекот ворвался в салон, но Бориса явно интересовало что-то другое.

– Что там? – спросила жена.

– Слышишь?

– Вертолет?

Борис мотнул головой.

– Циркулярка.

– И что это значит?

Машины в левом ряду закончились, и «Гелендаваген» наконец сумел вырваться, но высунувшись из ряда на полкорпуса почему-то замер и стал сдавать обратно.

Тем временем на другой стороне Горьковского шоссе, за металлическими отбойниками – такая же пятирядная полоса была абсолютно пуста. Ни одной машины как минимум за последние минут пять. Только по первому ряду встречи медленно ползли друг за другом два «Форда» дорожной полиции.

Борис прищурился и снова посмотрел направо. Жена не

сводила с него глаз. Она редко видела мужа таким. И будто почувствовав что-то, притихли и сыновья.

– Борь, что там такое? – спросила жена, скрывая за улыбкой тревогу.

Борис посмотрел на жену.

– Как ты думаешь, почему здесь пробка?

– Здесь всегда пробка.

– Да, но не такая.

– Наверное, выезжает колонна из дивизии Дзержинского?

За последние пять минут они проехали от силы метра три.

Борис снова прислушался. Теперь визг циркулярной пилы отчетливо прорывался сквозь шум вертолета. И к нему добавились тяжелые удары кувалды или молота.

Впереди между машинами мелькнуло что-то желтое. Возможно, жилет патрульного.

– Ты можешь сказать, что происходит?

– Если бы я знал... – Борис вытянул шею, силясь рассмотреть, что происходит впереди. Ирина посмотрела туда же, но не увидела ничего, кроме опостылевших машин.

– Но что-то тебя настораживает? Может...

Ирина снова посмотрела на Бориса, но увидела только его затылок – муж наблюдал, как за отбойником на первом ряду встречи останавливается мини-колонна из четырех черных внедорожников «Тойота Ленд Крузер». Каждый – с мигалками на крыше.

– Вот и ответ, – сказала Ирина с заметным облегчением. –

Просто перекрыли дорогу из-за проезда важной шишки.

Мальчики прильнули к окну.

– Что за важная шишка, мам?

– Скоро узнаем.

Борис повернулся к жене. Лицо его потеплело. Вертолет наконец двинулся дальше, взяв крен в сторону дивизии Дзержинского.

Борис улыбнулся, и в эту минуту впереди что-то грохнулось. Тотчас раздались крики.

– Что это?!

Все посмотрели вперед. Ничего. Соседний ряд продолжал пустовать. «Гелендваген» смиренно полз перед ними. Интересно, что он там увидел, подумал Борис.

Они проехали еще метров пять. Теперь Борис отчетливо видел искры, взлетающие над машинами где-то в двадцати метрах впереди. И он увидел гаишника в зеркале заднего вида. Тот шел между рядами по правую руку – их отделяло примерно пять-шесть машин.

– Впереди тоже гаишник, – сказала Ирина, выглянув в окно со своей стороны.

– Что он делает?

– Просто идет между машинами.

– Куда он смотрит?

– Он... Вниз... Он смотрит на номера!

– Так я думал! – заявил Борис.

– Что?

– Они кого-то ищут.

– Кого, пап? Террористов?

Борис покачал головой.

Заиграла смутно узнаваемая мелодия. Борис так редко слышал этот звук, что удивился ее неожиданной громкости.

– Да, – услышал он голос сына за спиной.

Родители посмотрели друг на друга и одновременно обернулись. Они совсем забыли, что смартфон их дети используют не только для игр и тик-тока.

Мальчик протянул смартфон отцу.

– Тебя.

– Это дедушка?

Сын покачал головой.

– А кто?

– Не знаю.

Борис взял смартфон сына. Жена испуганно следила за мужем. Наблюдала, как меняется его лицо. Как уходит теплота, как снова появляется морщина на переносице. Как он выдыхает между короткими глухими «да» и «так точно», как появляется испарина на его высоком лбу с залысинами. Как...

– Триста двадцать семь, я понял, – сказал Борис.

В этот момент Ирина ощутила странный эффект аудиовизуального эха. Так бывает, когда через разные органы чувств поступает одинаковая информация, которую мозг воспринимает раздельно.

«Триста двадцать семь» – слышали ее уши, а глаза видели номерной знак А327АА сдающей задом «Ауди А7» в пустом левом ряду. Черный сияющий автомобиль с наглухо затонированными стеклами остановился прямо возле них. Широко раскрыв глаза, она переводила взгляд то на машину, то на мужа.

Может быть, поэтому, она не сразу услышала стук справа.

Из глубины вырвался голос сына:

– Ма-ам!

Ирина очнулась. Повернулась к окну. Огромный гаишник постукивал в окно рукояткой жезла. Увидев, что Ирина смотрит на него, он показал жезлом в сторону «Ауди А7» и покрутил пальцем перед ее глазами. Ирина сразу поняла, что значит этот жест и посмотрела на мужа. Тот как раз закончил говорить по телефону.

– Ч-что случилось? – еле выговорила она.

Муж взялся за руль обеими руками, выдохнул и сказал:

– Все в порядке.

В ту же секунду «Ауди А7» рванула с места. На глазах изумленной жены, Борис резко вырулил их «Киа» следом, от чего Ирину прижало к спинке сиденья. Справа замелькали застывшие машины, лица. Все чаще и чаще. Неожиданно они стали отдаляться, и она увидела всю пробку – и конца ей действительно не было – она уходила далеко за Объездное шоссе и поднималась к горизонту. Только теперь Ирина заметила, что они на встрече, на пятирядной пустой полосе –

выехали вслед за «Ауди» через выпиленный отбойник, развернулись по широкой дуге и, набирая скорость, двинулись в сторону МКАД.

Незаметно справа и слева появились два полицейских «Форда». Ирина услышала нагоняющий рев и обернулась. Четыре внедорожника «Тойота Ленд Крузер» нагнали сзади и рассредоточилась вокруг их машины.

Ирина перевела взгляд на сыновей.

Две пары одинаковых глаз смотрели испуганно.

– Вертолет, – сказал младший, показывая пальцем в потолок.

Да, вертолет летел прямо над ними.

Глава 20

Плач ребенка раздавался из туннеля уже несколько часов, и все время, пока слышались эти далекие всхлипы, его не покидало ощущение дежа вю.

Он качнулся и стал потихоньку дрейфовать от размытого пятна, которое на глазах превращалось в молодцеватый профиль мраморного партизана, окруженного венками из каменных листьев.

Он догадывался, что здесь что-то неладно, но понять, что именно, непросто, если ты всего лишь обрывок сознания, чья-то мысль, закольцованная в кратком отрезке чужой жизни. За всеми этими стенами нет ничего – ни грунтовых вод, ни земной толщи, ни длинных туннелей, ни технических комнат. Наверху нет города, нет Земли. Нет Солнца, других звезд и галактик. Поднимаясь над мраморным медальоном, словно воздушный шарик, он подумал, что, возможно, он и есть то единственное, что нарушает мертвую гармонию этого места. Чужеродный элемент другой формы бытия.

Перед ним проплыли позолоченная звезда и сужающаяся вершина стрелчатого панно из нежной голубой майолики.

Синие люстры с кобальтовыми светильниками, напоминавшими японские персики, несинхронно раскачивались. С высоты сводчатого потолка зал походил на саркофаг. Он медленно проплыл между тросами, крепящими к потолку

указатель перехода на Калининскую линию, и приблизился к черному облаку, растекавшемуся над ступеньками перехода, как чернила в воде. Плыть к нему не хотелось, но плачущий голос увлекал его – будто кто-то тянул шарик за веревочку.

Он вынырнул под белоснежным потолком у черного габбро. Здесь было больше жизни, возможно, из-за бронзовых людей, ссутулившихся под тяжестью сводов. На него смотрел матрос-сигнальщик с затопленного линкора «Марат». Мертвый матрос. Мертвый, как и команда эсминца «Сокрушительный» во главе с расстрелянным за малодушие капитаном.

Возможно, все дело в свете – здесь уже нет того душного полумрака и угловатых стрельчатых линий, напоминавших древние русские крепости с толстыми стенами и узкими слуховыми окнами.

Люстры-тарелки излучали ровный и холодный свет, детский плач снова звал его в туннель. Он опрокинулся в яму перехода, и подземное течение понесло его вдоль белоснежных плит с золотыми прожилками.

Его встретил настоящий подземный дворец. Много стекла и света, раскрашенного цветными витражами. То ли подземный собор, то ли стеклянный грот. Трескучий плач теперь беспокоил его, рождая необъяснимую тревогу. Возможно, потому, что причина плача становилась угрозой и для него.

Он плыл вдоль костельных витражей с причудливыми

узорами и цветами. Ему нравилось, как они мерцали желтым и красным сиянием и как свет играл на мёртвых граненых колоннах.

И здесь все также мертво. Но смерть здесь царила легкая, безмятежная, похожая на вечный покой древних богов. И в этих светлых тенях на цоколях и пилонах ему виделись картины светлых ушедших дней. Он плыл к торцу главного зала, к панно из смальты, с раскинувшейся золотой звездой. Миру-мир. Советская женщина с младенцем, как Мадонна – начало начал.

Что-то вдруг дернуло его, увлекая под межпилонный свод в черноту. Сквозные витражи здесь не пропускали света. Плач раздавался из навесного динамика у стены и становился нестерпимым, как острая боль, переходя в нарастающий протяжный нечеловеческий вопль. Дети не могут так кричать. Их легкие неспособны на такую мощь. Это что-то искусственное, чья-то очередная мертвая копия, уродливо деформированная аудиоредактором.

Не в силах сдержать себя, он тоже закричал, но вода заглушила крик. Он дернулся и...

– Вы знаете, с чего начиналось метро?

Незнакомый голос вещал тихо и рассудительно, прямо как у лектора. Или специалиста по холодным продажам.

– Со станции Сокольники?

– Да нет же, с чего началось все вообще. Ведь метро – это просто огромное подземелье. А что такое подземелье, по

сути? – задал вопрос голос и сам же ответил. – Это Яма. А любая яма начинается с чего? С ла-па-ты.

– А экскаватор?

– В тридцатых годах? Не смешите. Нет, семь обычных рабочих в полушубках и валенках пришли во двор обычного жилого дома и лопатами начали копать яму. И что, по-вашему, должны были сделать жильцы? Недоумевающие жильцы просто вызвали милицию.

– Да, когда-то и не было всего этого под землей...

– Нет-нет, это – уже было. Это ведь появилось намного раньше...

Пустовалов чувствовал, что кто-то сидел справа и слева от него. И сидевший слева касался его плеча как будто чуть сильнее.

Судя по запаху шампуня, это была одна из девушек. В кромешной тьме ему было приятно ощущать теплоту и тяжесть девичьего тела, и этот запах шампуня, и еще какой-то смутный, напоминавший вишневую колу.

Пустовалов открыл глаза и снова закрыл. Разницы абсолютно никакой. Кромешная тьма, в которой он провел уже часов, наверное, шесть.

В его фонаре давно разрядились аккумуляторы. Маленький «Лед Лензер» тоже сдох. Виктор и Роман забыли свои фонари в каменном зале. Телефоны у всех давно разрядились. Даже супернавороченный смартфон Даши. Только «Сказка» работала, но толку от нее никакого. Вроде бы у

Ромика оставалась еще зажигалка, но ее решили не использовать лишней раз, пока не найдут выхода. А выход все не находился. Пока еще работал фонарь, они видели бесконечные, уходящие во все стороны коридоры, проходы со сводами, кирпичные простенки, залы и полузалы, комнатки, в которых обнаруживались проходы, а за ними другие проходы, и другие, и так до бесконечности. Это был самый настоящий лабиринт. Пустовалов представить не мог, зачем кому-то понадобилось это подземелье. Безусловно, оно было старым, это заметно по самой архитектуре – по кряжистым пилястрам и толстым колоннам с низкими сводами, по квадратным плинфяным кирпичам.

Если учитывать культурный слой, то это могли быть подвалы какого-то строения, может, монастыря. Может, раньше здесь располагались казематы или целый подземный город, куда прятались жители во время осады. Здесь было душно и сухо. Полы были сплошь земляные, пахло старой пылью и перцем – будто оставшейся от котлов с бараниной, которую варили тут местные жители.

Пустовалов не мог понять, как такие огромные пространства в центре Москвы оставались неосвоенными. Тут можно было разместить несколько торговых центров или музеев.

Все это беспокоило его, но больше всего – труп в костюме на лестнице в бетонном стакане. Судя по тяжести, в костюме мог использоваться свинец, сталь или даже вольфрам. Ноги трупа были твердыми, там наверняка были пластины. И те

лица наверху, смотревшие через стекла скафандровых шлемов... Все это наводило на нехорошие мысли.

Под размеренный бубнеж рассудительного голоса, вещавшего что-то о дорогом трехэтажном особняке на Таганской с фальшивыми окнами и стенами шестиметровой толщины, Пустовалов вновь стал проваливаться в сон и поплыл на этот раз по туннелю.

Пустовалов хотел что-нибудь увидеть, хотя бы во сне остаться зрячим, но здесь властвовали звуки. Снова вода и снова страх. Источник страха теперь находился позади. Пришла твоя очередь, стучала в голове мысль. Твоя очередь. Пустовалов дернулся, и снова тяжелый вздох. Он вынырнул.

– Кошмар?

Голос Даши. Значит, это она привалилась к его плечу.

– Мне тоже тут всякая дрянь снится.

– Что-то они зачастили...

– Это от того, что здесь происходит.

– Нет, из-за подземелья.

– С вами в подземелье уже что-то случилось?

Пустовалов повернул к ней лицо, будто мог что-то увидеть. Ощутил ее тепло и запах, конечно. Эта девчонка слишком сообразительна. Слишком. Но ему это нравилось.

– Кто это болтает?

– Это Олег с Виктором.

– Какой еще Олег?

– Свалился тоже откуда-то. Ему повезло, что встретил

нас. Тут в темноте с ума сойти можно.

– Откуда свалился?

Пустовалов обратил внимание, что Даша не собирается оставлять его плечо, и он совсем не возражал.

– Спросите у него сами, – сказала Даша.

Но Пустовалов не стал спрашивать.

Он посмотрел во мрак перед собой.

– Вам не страшно? – спросила девушка.

– Сейчас уже нет.

– Там, наверху, через замочную скважину я видела небольшой кусочек улицы – там все еще была ночь, но я видела снег, уличные фонари, машины, ничего такого... А потом, когда появились эти...

Даша пошевелилась, съехав чуть ниже. Спинами они облокачивались о стену, вдоль которой пробирались до привала последние часа два. Где-то справа храпел Харитонов.

– Может, там уже ничего нет? – прошептала Даша.

– Ты ведь хотела сказать никого?

– Так странно, – произнесла Даша, – а что если место, где мы сидим, окажется единственным безопасным местом на Земле?

Пустовалов вспомнил длинноволосого и металлический шум.

– Гермозатворы... – догадался он.

Даша пошевелилась, как бы ненароком сильнее прижимаясь к его плечу.

– Что это значит?

– Они изолируют метро и не просто метро.

– А что еще?

– Как я теперь понимаю, метро это далеко не только туннели с поездами.

Даша промолчала. Пустовалов тоже замолчал, вслушиваясь в размеренный голос невесты откуда взявшегося Олега.

– Вас кто-нибудь ждет наверху? – спросила Даша.

– Только те, с кем я предпочел бы не встречаться.

– Мне это знакомо.

– Не верю, что все настолько плохо.

– Большинство тех, кого я не хотела терять, уже потеряны.

Впрочем, это не важно.

– А твой отец?

– Я боюсь за него, но... если там наверху никого нет, и отец не ищет меня, значит, в этом мире и вовсе некого больше терять. Получается только я сама потеряна в нем. Странно... В детстве я уже испытывала похожее чувство.

Пустовалов достал последнюю влажную салфетку и вытер лицо.

– В детстве?

– Мне было семь лет. Мы ехали с отцом в поезде, и там... мне кое-кто встретился. Одна старуха...

Даша замолчала, очевидно раздумывая, продолжать или нет.

– Она хотела навредить тебе?

– Да, а вернее... Нет, сейчас я понимаю, что дело даже не в ней. Вернее не только в ней. Скорее дело было в обстоятельствах. Мы ехали с отцом в Геленджик, мама и братья раньше нас улетели на самолете. Я упростила отца поехать с ним на поезде – у него были какие-то дела в Москве, и к тому же я любила ездить на поездах и смотреть в окно. Мне нравилось заглядывать во дворы деревенских домиков, которые располагались близко к железной дороге, а если получится – в окна и представлять, как там живут люди...

– То есть ты любишь подглядывать?

– Скорее находиться в тени, так же, как и вы.

– И что случилось в том поезде?

– Отец выходил на каждой станции покурить и купить какую-то еду. Он не брал еду с собой, как мама, а ходил в вагон-ресторан и еще любил покупать пирожки и всякую дрянь на станциях. И там, я помню, на одной станции, где стоянка была всего пять минут, проводница никого не выпускала, но отец упростил ее, и с ним вышли несколько человек из нашего вагона. И я тоже. Там я увидела яркую васильковую поляну за платформой и захотела нарвать цветов. Отец не видел, что я вышла. Просто не заметил. Поляна была рядом, но мне было семь лет, а там на платформе была очень древняя старуха. Там никто ничего не продавал, а старуха все норовила подойти ко мне зачем-то. Она почему-то пугала меня. И вот она идет-идет, а я ее все сторонюсь и отхожу дальше. В семь лет ты не слишком ориентируешься во времени и боль-

ше полагаешься на старших. Я не заметила, как все пассажиры вернулись в вагон. Я вдруг увидела, что на платформе никого, а проводница уже опускает эту штуковину...

Пустовалов почувствовал, что Даша вздрогнула, хотя здесь, в подземелье, было не холоднее чем в метро.

– Ну вот в этот момент, когда я увидела этот поезд, у меня внутри опрокинулось что-то.... Я никогда не испытывала подобный страх...

– И что ты сделала?

– Закричала, просто завизжала как бешеная, и весь мой собранный из васильков букет рассыпался под ногами. И в этот момент я увидела, что старуха, стоявшая между мной и поездом, улыбается. Она была седая, просто как Гендальф, и улыбалась. Ты можешь представить, чтобы взрослый человек наслаждался страхом перепуганного ребенка?

Пустовалов невольно вздохнул.

– Наверное, она просто выжила из ума.

– Скорее всего, но это чувство у меня ассоциировалось только с ней. Мне казалось, что она... Я ведь на самом деле не ее испугалась. Я испугалась, что поезд уедет и я останусь одна. Только с этой старухой. И потом я не могла спать из-за этого кошмара.

– Твой отец просто дернул бы стоп-кран, увидев, что тебя нет. Ты зашла бы на станцию, нашла милиционера или еще кого-нибудь.

– Это все понятно конечно теперь, и даже тогда папа меня

именно так и успокоил. Дело в том, что когда мы приехали, то узнали, что самолет с мамой и братьями упал в Черное море.

– Вот, значит, как.

– Это случилось из-за боры, – сказала Даша. – Самолет вылетел на повторный круг, и что-то случилось. В общем, никто не выжил. Упали в море.

– Та самая авария Ту-154... – вспомнил Пустовалов.

– Потом мне еще долго казалось, что старуха знала про эту аварию. Как будто она питалась не только моими страхами, но и страданиями. Предвкушала их.

– Предвкушала... – повторил Пустовалов, и Даша будто почувствовав, что он вкладывает другой смысл в это слово, спросила:

– Ваш страх подземелья – тоже из детства?

Пустовалов не ответил. Прижав затылок к стене, он стал думать о том, каково это – падать в свинцовую бездну моря. Сам он старался не пользоваться самолетами.

Неподалеку невесть откуда свалившийся Олег рассказывал что-то о бомбоубежищах, и Пустовалов вдруг подумал, что этот товарищ слишком осведомлен о всяких подземных делах. А еще он подумал, что где-то уже слышал этот голос. Его снова начало клонить в сон. Должно быть здесь дефицит кислорода.

Даша выдернула его из-под наваливающейся дремы.

– Расскажешь? – спросила она тихо, на этот раз уже со-

вершенно осознанно перейдя на «ты».

– Ну, так чтобы в одиночку оставаться... – сказал Пустовалов. – Меня это не пугало, я рос в детдоме и часто убегал. В основном с друзьями.

– Это, наверное, не так весело на самом деле.

– Нам было весело. И у меня неплохо получалось убегать.

– Я не сомневаюсь. Ты не знал своих родителей?

– Нет.

– Тебя надо было отправить в какую-нибудь секцию. Приложить способности к чему-то полезному.

– Однажды так и случилось. После одного из побегов меня отправили в какой-то лагерь под Оболенском. Для особо одаренных, – Пустовалов усмехнулся. – Я догадался об этом, потому что меня отправили одного. Помню высокие сосны, лето, комаров, и, в общем-то, было неплохо. Нас хорошо кормили, и ребята там были... Другие ребята. Мы проходили какие-то тесты, и взрослые люди задавали нам странные вопросы. Вроде того, сколько например живых существ находится с нами в комнате. Но я их почти не помню, помню только веселых ребят. Они сильно отличались от моих друзей из детского дома.

– Чем отличались?

– Ну, во-первых, они все были старше, а во-вторых... – Пустовалов задумался, – необычные. Вот я помню со мной в комнате жил парень, он был старше меня на три года. Этот парень умел так прятаться в комнате, что его нереально было

найти. Ну, просто, даже если комната два на два и нет никакой мебели. Потом я узнал, что он всегда находится за твоей спиной, и звали его при этом почему-то «кабан». Там у всех были такие странные звериные прозвища.

– У всех? И у тебя тоже?

– И у меня.

– И какое у тебя было?

– Я не помню. Что-то мелкое.

– Может, ласка?

– Ха-ха, может быть, – засмеялся Пустовалов, – я не знаю, там был такой мужик в синей форме подполковника авиации. Он мне сказал, чем сильнее твои способности, тем крупнее зверь в твоём прозвище. Видимо мои способности были самые жалкие.

– И что вы там делали?

– Да ничего особенного. Мы играли во что-то похожее на спортивное ориентирование, бродили по лесу и заброшенным домам, составляли какие-то схемы. Я пробыл там всего пару месяцев и потом меня отправили обратно. Меня и ещё нескольких ребят. Я думаю, там все закончилось. Это был девяностый первый год. Тогда многое менялось в стране. Думаю, что-то поменялось и там.

– Да, забавно. Может, это какая-то секция для ниндзя?

Пустовалов улыбнулся в темноте. Он заметил, что Олег перестал бубнить, а Харитонов проснулся и, тихо матерясь, поднимался и брэнчал оружием.

– Странно, но я почти ничего не помню. Помню только, что был там еще старик. Вот его я запомнил хорошо. Он был... как... Он умел хорошо....

– Успокаивать?

– Да. Тогда меня тоже преследовали кошмары и... он помог мне.

– Что он сделал?

– Я не помню. Но я думаю, ничего особенного. Просто, когда тебе девять лет и ты всю жизнь провел в детдоме, то первый взрослый, который погладил тебя по голове...

– Я сейчас заплачу.

Пустовалов засмеялся.

– Еще этот старик сказал нам однажды странную вещь, что возможно, кому-то из нас когда-нибудь предстоит сделать что-то важное. Что-то очень важное.

– Как же без этого, – хмыкнул Харитонов, отправляясь в темноту, чтобы отлить.

– Что-то, что касается всех. Причем не только здесь, но и...

Харитонов громко протяжно зевнул.

Пустовалов погладил свой рюкзак под рукой. Взгляд его был устремлен вперед – там, где за чередой колонн, в ста тридцати трех метрах находилась точно такая же стена, о чем никто из них не догадывался.

– Где?

Впереди зажурчала струя.

– Мы сами об этом, может быть, никогда не узнаем, только однажды, когда все случится, где-нибудь в толпе, к тебе подойдет незнакомец и скажет...

Пустовалов замолчал.

– Что скажет?

– Я не помню. Все покрыто каким-то туманом. Помню только начало фразы: завтра в полдень родители ждут тебя дома.

– Завтра в полдень... – повторила Даша.

– По-моему это из какой-то книги, – неожиданно подал голос Виктор.

– Но что это значит?

– Бесполезно гадать, я много раз пытался вспомнить эту фразу, но ее будто что-то вытеснило из головы. Помню только, что она касалась нас всех, всех кто был там. В ней упоминалось что-то общее для нас. Что есть только у нас. Или чего у нас нет.

– Ну а отзыв вы помните? – спросил Виктор.

– Чего?

– Ну, ваш ответ на этот пароль.

– Вот его я, как ни странно, помню.

– И какой он?

Пустовалов снова засмеялся.

– Черт бы вас побрал, а вдруг это какая-нибудь государственная тайна.

– Эй, да брось, – раздался голос Олега, – ты и так ее уже

считай выдал. Расстреляют в любом случае.

– Послушай-ка, чувак, откуда у меня ощущение, что я тебя знаю?

– Меня многие знают, – ответил Олег, – но ты не уклоняйся.

– Вообще-то я разговаривал с девушкой, а не с вами со всеми, и подслушивать нехорошо.

– То есть, нам надо было отойти или заткнуть уши?

– Должен же я сохранить хоть какую-то тайну. А вдруг это не просто детские фантазии?

– Ничего не говори им, – сказала Даша.

– Вся ясно. Учись кадрить девчонок у стариков, Витян! – захохотал Олег.

– Кажется, тебя вывели на чистую воду, Саня! – подтвердил Ромик, – Несколько старомодно, но эффективно.

– История про загадочного шпиона всегда в цене.

Пустовалов засмеялся вместе с остальными и под всеобщий смех наклонился и прошептал Даше в самое ухо, так что услышала только она:

– Вы обознались, моих родителей нет в живых.

Даша повторила фразу про себя, пытаясь запомнить.

– Эй! Вы слышали? – подал голос испуганный Ромик.

– Что?

– Кто-то заорал сейчас.

– Где это? – испугалась Катя.

– На той стороне.

– Я слышал, – сказал Пустовалов. – Но оборвалось, как будто в воду упал.

– Знакомый голос такой, – сказала Даша. – Виктор ты тут?

– Ага!

– Что будем делать?

– Надо выбираться отсюда.

Пустовалов выдохнул, и Даша подумала, что наверное зря рассказала свою печальную историю. Подобная откровенность никогда не была ей свойственна. Впрочем, этому мужчине наверняка она не кажется такой сентиментальной. Его дыхание снова становилось глубже, он снова уходил в сон.

Глава 21

Борис Виндман не любил и боялся начальства. Его отец тридцать четыре года прослужил в автохозяйстве учебного центра и тоже не любил и боялся начальства, так же как и его дед – бывший заведующий спортивным залом училища внутренних войск. Из всех своих предков и родственников по мужской линии, занимавших различные малозначительные должности в правоохранительных органах, Борис поднялся выше всех – он стал следователем по особо важным делам. И хотя его отец считал, что передал сыну не страхи, а воспитал в нем исполнительность и уважение к начальству, подняться на подобную вершину Борису помогли отнюдь не начальствобоязнь и чинопочитание.

Впрочем, нельзя сказать, что эти качества сильно и мешали. Борис был на хорошем счету, исполнительным, дисциплинированным, но главное – семейный девиз «не выделяйся» позволял ему скрывать то, что отличало Бориса от его немногочисленных родственников, коллег по отделу, да и, пожалуй, большинства оперативников в России.

Дело в том, что внутри Бориса жил зверь. Борис точно знал, что внутри его отца и деда, и всех остальных родственников никаких зверей не было. Не было «зверей», по-видимому, и в его сыновьях. Как это водится, он был уникальным, белой вороной в семье, о чем никто не догадывался. Зверь

жил в нем всегда. Борис знал это и ненавидел зверя. И конечно боялся – потому как зверь он на то и зверь, что иногда проявляет свою звериную сущность, вырываясь наружу. Пускай даже редко, очень-очень редко, а именно всего лишь один раз, но все же он показал, что может выходить из-под контроля.

И ведь ладно бы этим зверем был тигр или волк, но нет – это была мелкая, злобная, мерзкая собачонка. Вроде терьера.

Сложившаяся ситуация Бориса совсем не радовала, хотя он впервые проехался как настоящий министр с кортежем по перекрытым московским улицам – он понимал, что этот аттракцион не предвещает ничего хорошего, если ты обычный, не выделяющийся капитан из межрайонного отдела следственного комитета.

Но Борис был сообразительным следователем. Он быстро понял, что попал в орбиту влияния могущественной спецслужбы, и за полчаса успел перебрать все варианты. В конце концов, он остановился на двух. Первое дело, связанное с убийством контрабандистов, вряд ли волнует высокие чины ФСБ. Максимум региональный отдел где-нибудь в Оренбурге, да и то маловероятно. Второе дело было связано со «зверем». Тотчас всплыла вызвавшая неприятные ассоциации фамилия Шумилов. Борис подавил неприятную мысль, но сразу всплыла другая: отрицание есть метод психической защиты, проявляемый как отказ признавать существование

чего-то нежелательного.

Впрочем, может быть, дело было совсем в другом.

Их привезли за считанные минуты, доставив по перекрытому Горьковскому шоссе до третьего кольца, оттуда по пустынному Лефортовскому туннелю и Русаковской эстакаде, свернули, кажется, на Краснопрудную улицу, но до Комсомольской площади не доехали. Развернулись на пустом перекрестке и въехали через арку в какие-то дворы, сплошь уставленные военными БТР и полицейскими «тиграми». Неприметное двухэтажное здание, огороженное высоким забором из тонированного непросвечиваемого поликарбоната.

Борис понял, что это штаб. Видимо напрямую связанный с недавним терактом. «Киа» с семьей оставили во дворе, а его самого препроводили на второй этаж. Борис успел заметить светлый прямоугольник на стене у входа – еще недавно здесь висела табличка.

Кабинет с охраной перед дверью. Борис набрал в легкие воздуха и не зря. Он боялся начальства и генерала живьем видел только на торжественных собраниях по случаю дня полиции. Там, впрочем, были только генерал-майоры. А здесь на крепком мужчине за столом он сразу увидел по три звезды на погонах камуфлированной куртки. Генерал-полковник. Рядом с ним сидел и сверлил его темным взглядом человек в гражданском со шрамом над губой.

Генерал-полковник только мельком взглянул на Бориса и

сразу же устался куда-то в стол. Поскольку где-то там же раздавалось довольно странное разноголосое мяуканье, Борис сначала было подумал, что генерал смотрит видеоролик про котов на ютубе.

Только когда второй мужчина глазами указал ему на стул перед столом, Борис подошел ближе и заметил, что никакого компьютера на столе не было. А были там только микрофон, динамик, телефоны селектора и огромная радиостанция.

Генерал – крепкий, суровый и статный – каким и должен быть генерал-полковник, сосредоточенно слушал мяуканье, которое исходило попеременно и совершенно точно из разных кошачьих глоток. Только что мяукал фальцет молодой кошечки, а теперь протяжно завывал крупный деревенский кот. Каждое мяуканье предварял щелчок селекторного переключателя. После очередного такого щелчка вместо мяуканья раздался отрывистый лай. Генерал-полковник нахмурился и громогласно гаркнул в микрофон:

– Болотный кот, ёб твою мать!

Лай тотчас сменился попискиванием кошки, заприметившей за окном воробья.

Борис посмотрел на склоненную голову генерала. Волосы у него были густые и черные, но с проседью. Гладко выбритое лицо выглядело сосредоточенным. Черноглазый человек в гражданском наконец оторвал взгляд от Бориса и, склонившись к генералу, что-то ему прошептал.

– Вы не вышли сегодня на работу, – сказал генерал-пол-

ковник, поднимая на Бориса пронизывающий взгляд.

Очевидно, в первую очередь это был вопрос, хотя вопросительной интонации Борис не уловил.

– Мне предоставили недельный отпуск, – выдавил Борис, продолжая лихорадочно соображать.

Генерал никак не отреагировал на заявление Бориса, светлые глаза просто изучали его.

Сидевший рядом мужчина со шрамом снова сказал что-то на ухо генералу.

– Сколько у вас дел?

– Девять на данный момент.

– Вам дают специальные дела?

– Специальные?

– Убийства и насилие в отношении несовершеннолетних?

Специфичность.

– Никак нет... То есть в основном убийства, разбои, насильственные преступления. Как у всех.

– Что можете сказать о своем руководителе?

У Бориса отлегло от сердца.

– Подполковник Колмогоров ответственный командир...

Мужчина со шрамом снова зашептал на ухо генералу.

– А-архипов, – произнес генерал.

А вот теперь Борис ощутил настоящее облегчение. Во-первых, потому что прежний его начальник, подполковник Архипов, его недолюбливал, и тому была причина, связанная с «отрицанием». А во-вторых, потому что Борис сам

недолюбливал Архипова. Но, естественно, напрямую клеветать на него он не станет – это было бы слишком недальновидно. В любом случае, Борис, понял, что интерес он здесь представляет косвенный и насколько мог – расслабился.

– Про подполковника Архипова ничего плохого сказать не могу. Ответственный про...

– Полковник Архипов дал на вас определенную... хм, характеристику.

Борис побледнел. А генерал-полковник на его глазах совершил нечто невообразимое. Услышав очередное мяуканье в динамике, он вдруг сощурил глаза, сдвинул брови и, ловко играя интонацией, протянул в микрофон:

– Уиииииааауууууу.

Ни дать ни взять – кот, которого ухватили за хвост. У Бориса глаза на лоб полезли. Мужчина со шрамом продолжал строго смотреть на Бориса, как ни в чем не бывало.

«Может, это я с ума схожу?», подумал Борис.

Генерал еще пару раз мяукнул в микрофон и снова обратил внимание на Бориса. Взгляд все такой же – строгий, начальственный, не без легкого огонька безумия человека, большую часть жизни носящего погоны.

– Так вот по делу пропавшего ребенка... Анны Меркуловой.

Отрицание, вспомнил Борис, метод психической защиты... Бориса охватила паника. Ему едва удавалось внешне оставаться невозмутимым.

– Что можете пояснить?

– Это дело закрыто.

– Вы нашли ее?

Генерал встал. Он был крепок, и форма на нем сидела как влитая – очевидно, сшита на заказ мастером знающим свое дело.

Борис тоже начал вставать, но генерал махнул рукой.

– Не вставайте! – он обогнул свой широкий стол и, оставившись у края, напротив Бориса, стал методично постукивать пальцем по столешнице. – Ее отвезли за тысячи километров. Как вы узнали, куда именно?

– Тело не найдено.

– Но?

– Дело в том, что там изначально был ложный мотив.

– Ложный?

– Похищение с целью выкупа – это попытка преступника замести следы.

Постукивание участилось.

– И как вы поняли, что оно было инсценировано?

– Из-за кроссовок. На фотографии, которую я нашел на странице языковой школы, сделанной в парке за три месяца до похищения, она была в желтых кедах, а на месте похищения нашли один розовый кроссовок.

– И?

– Желтые кеды в доме я не нашел и решил, что она была в них в момент похищения. В понедельник шел дождь, а

Борис состроил страдальческое выражение лица.

– Сейчас ваше будущее зависит от того, какой выбор вы сделаете.

– Товарищ генерал-полковник...

– Мяууу!

Борис выругался про себя.

– Итак?

– Я нанес удар трубой по голове, пока он был пристегнут...

– Зачем?

– Потерял контроль, ведь это был ребенок...я...

– Зачем?

– Мне нужно было узнать: стройка или цементный завод, времени оставалось мало.

– Зачем?

– Простите?

– Мяуууу! Зачем, если она была уже мертва?

– Но убийца...

– Зачем?! – повысил голос генерал. – Вы же знали, что Архипов уже закрыл дело.

– Его брат...

– Еще немного и вы совершите ошибку. Ваша характеристика у нас перед глазами. Мы знаем, что вы не бунтарь, что вы звезд с неба не хватаете, боитесь начальства, прикрываете нужные дела, отпускаете убийц... Так зачем вы – благоразумный, трусливый и лишенный принципов, решились на

безрассудный поступок, если знали, что это ни на что не повлияет?

«Зверь, зверь, зверь, думал Борис, проклятая мелкая собачонка, мелкая тварь».

– Я не мог остановиться, – сказал Борис решительно, – я должен был знать, куда он ее запрятал. Я знал, что это либо завод, либо стройка и времени оставалось мало. Это нужно было мне. Только мне.

Борис чувствовал себя отвратительно – будто его раздели догола перед этим генералом, а мелкая собачонка, похожая на терьера, еще и нагадила на него.

Однако генерал и тот второй мужчина смотрели на него теперь как-то иначе. С интересом, как будто...

Мужчина со шрамом встал, подошел к Борису и, не спуская с него глаз, положил перед ним на стол большую, отпечатанную на хорошем принтере фотографию.

Борис опустил взгляд. На него смотрела красивая девушка. Брюнетка, тонкие изящные черты лица, аккуратный подбородок, большие глаза. Фотограф запечатлел ее по пояс, девушка подняла руки, схватив в охапку свои черные волосы над головой. Если бы в этот миг ее лицо освещала улыбка, она была бы неотразима.

– Вы знаете кто это? – спросил генерал.

Конечно, Борис знал кто это. Понял мгновенно. Последние пять минут на него смотрели точно такие же глаза-льдинки.

Борис кивнул.

– Можете забрать эту фотографию и повесить у себя над кроватью, хотя спать вам доведется в ближайшее время мало.

Борис снова кивнул.

– Вы возглавите группу по поиску моей дочери. Официально вы в составе оперативной межведомственной группы по расследованию теракта, но действовать будете автономно с одной задачей. Приказ о переводе вас в ФСБ в звании на ступень выше только что подписан. У вас в подчинении будут два человека. Если понадобится больше – рассмотрим. Курировать будет полковник Макаров, – генерал указал на мужчину со шрамом.

Борис смотрел на генерал-полковника.

– Вопросы есть?

– Да, то есть... Когда она пропала?

– По делу вам все объяснит полковник Макаров. Еще что-то?

У Бориса был еще один вопрос. Главный вопрос, но он не мог его задать. Впрочем, генерал ответил на него сам, когда Борис в сопровождении полковника Макарова покидал кабинет.

– Майор Виндман.

Борис обернулся.

Генерал подошел к нему, он был почти на голову выше Бориса, посмотрел в глаза.

– Не пытайтесь быть следователем. Вы здесь не за этим.
Вы понимаете, о чем я?

– Я... не...

– Вы хреновый следователь, Виндман. Нам нужен только
ваш зверь.

Глава 22

На этот раз Пустовалову снился спокойный сон. Как он и хотел, тьма во сне развеялась, осталась лишь вода. Он плыл почти на самом дне водоема. Мимо высоких стеблей, похожих на зонтики растений, поглядывая на воздушную гладь наверху. Все вокруг дышало безмятежностью. Он был недосягаем для опасности, как будто находился по другую сторону телеэкрана.

Но чернота снова вырвала его. Кто-то переругивался в темноте.

– Да хватит ныть! – кричал кто-то на кого-то.

Десять часов в подземелье без света – у любого поедет крыша.

– Я не могу идти!

Пустовалов узнал голос, оставаясь в полудреме. Но она уже не прижималась к его плечу. И ее голос звучал не здесь. Из-за акустики этого странного места трудно было понять, где, но не здесь.

– Здесь нет сквозняков! Нет выходов! Все замуровано!

– Мы все умрем?!

– Хорош орать!

– Мы ходим по кругу!

– Заткнись!

Где же наш вожак, подумал Пустовалов, снова провали-

ваясь в бездонную яму сна. Голоса отдалялись.

Кто-то грубо толкнул его в плечо.

– Хватит дрыхнуть.

Пустовалов потянулся, слыша, как неподалеку кряхтит Харитонов. Ему было непросто. Должно быть, действие обезболивающего прошло, значит, вернулись боль и страх. И клаустрофобию никто не отменял. Пустовалов тоже ощущал дискомфорт. Здесь явно не хватало кислорода – его постоянно клонило в сон.

– Идем так же?

Голос Виктора.

– Все по плану – вдоль стены! – хрипло спросонья пробасил Харитонов. – Все готовы?

– Готовы, – сказал Виктор.

– Готовы, – прозвучало сзади.

– Да, – сказал Пустовалов, поднимаясь и доставая из-под колен рюкзак. Отдых явно пошел ему на пользу. Хотелось пить, но чувствовал он себя лучше, и главное, ступни перестали гореть. Должно быть, часа три он проспал точно.

– Двинулись.

– Эй! А как же я?

– Черт!

– Это Даша!

Действительно, это был голос Даши, только теперь она находилась явно дальше, метрах в пятидесяти, и голос ее разносило эхо, наводя на неприятную мысль об огромном про-

странстве вокруг.

– Что ты там делаешь?!

– Я, кажется, заблудилась!

– Зачем ты ушла так далеко?!

– Я ходила в туалет.

– Ну, иди сюда! – крикнул Харитонов.

– Не могу!

– Что значит «не могу»?

– Не знаю.

– Дура! Иди на голос! – закричал Олег.

– Пошел ты!

– Она спятила, – сказал Ромик, – догонит.

Харитонов не двигался. Ромик натолкнулся на Виктора.

– Просто иди на голос! – крикнул Виктор.

– Я пробовала, но ушла еще дальше. Кажется, здесь что-то не так со звуками.

– Точно спятила.

Однако Пустовалову тоже показалось, что голос Даши раздавался с разных сторон. Значит, это ему не приснилось.

– Слушай, приятель, откуда вообще ты взялся? – неожиданно спросил Пустовалов.

– Ты мне? – переспросил Олег.

– Ну, кто там трындел про метро? Ты местный призрак или кто?

– Я не трындел, а рассказывал.

– Так откуда ты вылез?

– Это ты вылез! Чего прицепился?

– У тебя есть зажигалка или что-нибудь такое?

– Нет! Смартфон сдох. Но могу дать подержаться за член.

– Борзый ты какой-то для гостя.

– А тут у вас семейные связи что ли?

– Кое-что нас уже связывает. Роман, дай хоть ты зажигалку.

– Она куда-то делась, не могу найти.

Пустовалов не поверил ему и подумал о Даше. Она сейчас где-то там, в темноте и одиночестве. Иногда старые детские страхи возвращаются под видом новых кошмаров.

– Ну и как нам ее искать? – спросила Катя. – Она же хрен знает, где, судя по голосу.

– Даша, твоя «Сказка» работает? – Крикнул Пустовалов.

– Ага... В смысле только дисплей.

– Включи его.

– Вот. Включила.

Пустовалов покрутил головой.

– Я ничего не вижу. Подними над головой и медленно повернись вокруг своей оси.

– Хорошо.

– Ну?

– Повернулась.

Вокруг была кромешная тьма.

– Ничего...

– Здесь какая-то стена.

– Наверное, это колонна или пилон, – догадался Пустовалов, – пройди вдоль нее до угла и повернись снова.

– Сейчас.

Прошло несколько секунд.

– Ну?

– Если это колонна, то слишком большая, – голос вроде теперь звучал еще дальше, – или я уже свернула, но не заметила.

– Блин. Что делать? – спросил Виктор.

– Иди за ней, – съязвил Олег.

Из любопытства Виктор шагнул от стены, продолжая касаться ее кончиками пальцев. Неожиданно к горлу подкатил страх. Оторвать руку от стены стало вдруг невероятно сложно – как сигануть в пропасть, заполненную водой.

– У нас нет времени, – разозлился Харитонов и крикнул: – Послушай, мы ждем минуту, если у тебя не сломана нога или еще что-то, то иди на мой голос!

– Но я не могу! Не знаю, куда идти.

– И мы не можем! – крикнул Роман.

– Но что нам делать? Разбрестись всем? – поддержал его Олег.

– Диффузоры, – сказал Виктор.

– Что?

– Здесь необычная геометрия пространства, она рассеивает звуки, из-за этого трудно понять, где источник.

– То есть между нами и ней есть какая-то преграда? –

спросил Пустовалов.

– Это же очевидно.

– Слушай, ты в порядке? Ничего не сломано?! – крикнул Харитонов.

– В порядке! – прилетел Дашин ответ.

– Тогда иди. Как дойдешь до стены, иди влево, догонишь нас. А пойдешь в другую сторону, может, тебе повезет больше! Здесь у всех равные шансы.

– Но... но... Ладно, я поняла.

– Поняла?

– Да, идите.

– Пойдите, вы серьезно? – испугалась Катя. – Оставим ее одну?!

– Да пошли уже! – разозлился Ромик. – К черту ее.

– Идите, – отозвалась Даша. – К тому же, кажется... телефон, заработал.

– Заработал?

– Картинка изменилась.

– Тот самый космический? – насторожился Харитонов.

– Да. Идите, я крикну, если что-нибудь появится.

– Черт!

Неожиданно Пустовалов отошел от стены.

– Эй, кто? Куда? – бросил Ромик, услышав удаляющиеся шаги.

– Хитрая дрянь, – не без доли одобрения прошептал Харитонов.

– Даша! – крикнул Пустовалов. – Ты где?

– Тут! – раздалось далеко слева.

– Вот придурок! – прозвучал разочарованный голос Олега.

– Ты что-то много болтаешь для полутрупа, – произнес Харитонов.

– А, ну я не знал, что тут спасательный отряд с армейской иерархией.

– Если ты не понял, мы тут все в одной лодке.

– Я-то как раз понял.

– Пока не заметно.

– Очень странно, потому что это ведь не я предлагаю прыгать из нее.

– Свои предложения засунь себе в задницу, иначе я тобой займусь. И это не шутка, на случай если ты совсем тупой.

– Ладно, я понял, кто тут альфа-самец.

Пустовалов углублялся во тьму, вытянув руку. Метров через десять рука коснулась кирпичной кладки. Пустовалов провел по ней кончиками пальцев. Это был пилон, с шириной грани примерно в один метр.

– Где?

– Здесь.

Пустовалов двинулся дальше относительно пилона, хотя голос Даши звучал теперь левее. Метров через десять он набрел на еще один пилон.

Голос Даши звучал уже ближе. Дойдя до следующего пи-

лона, он аккуратно переступил через камень и повернул на девяносто градусов. Как он и предполагал, вскоре рука коснулась очередного пилона. Голос Даши как будто звучал из-за него.

Она вскрикнула.

– Что?

– Тут кто-то есть!

– Это я.

Пустовалов прошел за пилон, продолжая двигаться по прямой. Теперь он слышал шуршание ее одежды.

Только голос ее звучал внизу.

Пустовалов вытянул обе руки и стал ступать совсем медленно, буквально как старик, по полступни. Неожиданно живот его уперся в преграду. Он опустил руки – это был шершавый металлический прут.

– Ты где?

– Здесь.

Голос звучал прямо под ним. Он присел на корточки, нащупал ребро откоса.

– Ты в яме.

Пустовалов повел руку вдоль ребра, почувствовал запах вишневой колы, рука его коснулась волос девушки.

Он тут же пролез под ограждением и спустился рядом с Дашей.

– Не бойся.

Пустовалов схватил ее за руку.

– Здесь ведь нет милиционеров и кассирш, – сказала она ему в грудь.

– Но и злых старух тоже.

– Я думала, что иду к стене, но пошла в другую сторону.

– В темноте так бывает.

Удерживая Дашу за руку, он двинулся вдоль откоса в обратную сторону, подозревая, что девушка спустилась, минуя ограждения и правда – метров через пятнадцать ограда заканчивалась, и откос сменился наклонным подъемом по направлению к стене. Добравшись до ближайшего пилона, он быстро сориентировался.

Через минуту они вернулись к остальным. Даша заняла место между Катей и Пустоваловым, и колонна молча двинулась дальше. Каждый думал о себе, о своей жизни и, конечно же, верил в лучшее – такова человеческая природа, но надежду разъедали усталость и жажда. Безысходность и тьма питали страх, а неприятные мысли точили разум. Жизнь или смерть? Неведение – недооцененный враг. Одно из двух, но истина как всегда находилась где-то между крайностями – двое из этих заблудших останутся здесь навсегда.

Глава 23

Пока черный «Ауди» добирался до особняка в Потаповском переулке, где, как узнал Виндман, у него теперь был собственный кабинет, полковник Макаров вводил его в курс дела.

Виндман зевал, испытывая что-то вроде отходняка после пережитого стресса, стараясь при этом не сильно раскрывать рот, и вполуха слушал скучный распорядок дня девушки-интроверта. Оживился он только, когда Макаров передал ему ключи от служебного «Форда Мондео» с буквами «ЕКХ» на номерном знаке.

– А бензин? – спросил Виндман, убирая ключи в карман.

– Сохраняйте чеки.

В особняк прибыли примерно в то время, в которое Борис планировал прилечь после шашлыка и отцовских баек на старую детскую кровать, чтобы исполнить давнюю мечту о послеобеденном сне. Настроение чуть приподнял современный кофейный автомат, замеченный в коридоре, и общий вид просторного кабинета в полупустом здании Управления по ЦАО, включавший в себя два окна с видом на уютный дворик, два стола с телефонами внутренней связи, шкаф, кулер и огромный МФУ «Кайосера» у стены.

За одним из столов сидел спортивного вида парень с умным дружелюбным лицом.

– Это капитан Гончаров, ваш помощник, – сказал Макаров и не без неприязни взглянул на Виндмана. – Изначально на ваше место планировали другую кандидатуру. Соответственно его роль теперь тоже меняется. Будет оказывать, если понадобится, силовую поддержку.

Макаров протянул Борису допотопный мобильник без логотипа.

– Второй помощник – Кудинов. Лейтенант. В этом телефоне он под номером два. Звоните ему в любое время, но гонять по пустякам не стоит. Он по техчасти. Работает быстро, но автономно. Теперь ваша очередь, майор.

– Моя? – удивился Виндман.

Макаров посмотрел на Бориса как на больного.

– Мне нужен план вашей работы. Допросы, осмотры – все по шагам.

– Ничего этого, думаю... не нужно.

– В каком смысле?

– Вы довольно содержательно описали все обстоятельства, и у меня нет оснований считать, что информация искажена. В условиях дефицита времени этого пока достаточно.

– Вы точно знаете что делать?

Виндман сдвинул брови и повернулся к Макарову.

– Извините, товарищ полковник, разрешите уточнить, где моя семья?

– Их доставили к вам домой. Не беспокойтесь: ваше материальное и карьерное положение существенно улучшится,

если хорошо сделаете свою работу.

– А если не сделаю?

– Считайте, что у вас нет на это права.

Виндман хмуро оглядел кабинет, остановил взгляд на Гончарове.

– Как зовут?

– Яков.

– Слушай, Яков, вот тебе первое задание: собери все видеоматериалы по последнему маршруту этой девочки.

Яков, сдерживая улыбку, перевел взгляд на Макарова.

– Это... лучше, наверное, к Кудинову, – сказал он.

Макаров покачал головой.

– Ничего. Я скажу ему, – улыбнулся Яков и вышел из кабинета.

– К вам на допрос сейчас везут подчиненную Дарьи и ее гражданского мужа, – сказал Макаров, – они видели ее последними.

– Это зачем?

Макаров хмуро посмотрел на него.

– Если бы я не видел ваше дело, то никогда бы не поверил что вы следователь, – выдал он после паузы.

– Как сказал ваш начальник, я – хреновый следователь.

– Не прибедняйтесь. Но и не обольщайтесь, вы пока себя никак не проявили.

– Вы, как я понял, не очень одобряете решение начальника относительно меня. Я не жалею, но все-таки это был не

мой выбор.

В это время в кабинет вернулся Яков.

– Сделает в течение десяти минут, – сообщил он.

– Увидимся через два часа, – Макаров взялся за дверную ручку, но Виндман остановил его.

– Послушайте, теракт ведь был в тот же день?

– Да. Кстати, на следующий день поступило много заявлений по пропавшим без вести.

– Что?! – Виндман вдруг оживился. – Целый час мне в голову накачивают ненужную информацию, а первую важную вещь я узнаю только сейчас! Простите, но...

– В этом, в общем, никакой тайны нет, – пожал плечами Макаров. – Такие заявления регистрирует полиция.

– Может, есть еще что-то необычное?

– Это вы у меня спрашиваете?

Виндман повернулся к Якову.

– Хорошо, тогда вот тебе не техническое задание: собери всю информацию обо всех странных вещах, произошедших в городе за последние два дня.

– Это, что шутка? – с недоверчивой улыбкой спросил Яков.

– Ну, конечно, я же здесь главный клоун.

– Возьмите себя в руки, – сказал Макаров.

– И где я должен ее собирать?

– Везде! – Виндман вскинул руки. – Полиция, санэпидемстанция, росприроднадзор, роскосмос, спортлото.

– И что я должен искать?

– Я же сказал – что-то странное. Включи интуицию. Ты же следователь?

Парень снова посмотрел на Макарова, но тот лишь закатил глаза, покачал головой и покинул кабинет.

За ним осторожно вышел и Яков.

Виндман не стал его останавливать, впрочем, ему не дали опомниться – зазвонил новый телефон с входящей «двойкой».

– Это Кудинов, – сообщил безэмоциональный голос в трубке, – видеофайл на диске «Тэ».

Виндман сел за стол, где сидел Яков, подергал мышку. Диск «Тэ» искать не пришлось. Кроме него на черном рабочем столе больше ничего не было.

– Файл ноль-ноль-один.

Борис щелкнул мышкой и сразу увидел изображение девушки в коридоре помещения с верхнего ракурса.

– Вы уверены, что это все?

– Абсолютно. Все камеры, которые зафиксировали ее с тех пор, как она вышла из мастерской, и до момента исчезновения.

– Все?

– Дороги, банки, бизнес-центры, магазины, перекрестки, мосты, дома, эстакады, транспорт.

– «Безопасный город»?

– Не только.

– Где она исчезла?

– Последнее место, где система распознала ее – торцевые камеры нижнего зала станции метро «Авиамоторная». Камера на четвертой колонне и на перроне. Она вошла во второй вагон поезда. Но видео из вагонов у нас нет.

– Почему?

– Из-за теракта что-то крутили с тяговыми и резервными подстанциями. Были перебои с электроснабжением метрополитена.

– То есть у нас нет картинка вагона, но есть картинка где она вышла?

– Она должна была выйти на Третьяковской. Но не вышла ни там, ни на предыдущих станциях.

– То есть она осталась в поезде? Она могла изменить внешность?

– Система распознавания лиц работает в связке с СОПМ. Сигнал ее телефона пропал почти сразу, после того, как поезд въехал в туннель, но самое странное, как вы понимаете, что сигнал от «Сказки» тоже пропал в это время.

После этих слов в трубке воцарилось многозначительное молчание.

– Что?

– Извините, я так понял, что из-за этого вас и вызвали.

Виндман задумался и осторожно спросил:

– Я должен что-то... промяукать?

– Простите?

– Это секретная информация?

– Да, но... нет, если вы о связи. Это линия защищена, можете говорить прямо.

– Так что за «Сказка»?

– Аппарат спутниковой связи.

– Ого. У нее был такой аппарат?

– Да. И он не мог просто «исчезнуть», как обычный телефон. При отключении он должен в любом случае послать сигнал с координатами. Последние сведения о локации те же – нижний вестибюль станции «Авиамоторная». Время – час ноль две. Но сигнал послан не был.

– О чем это говорит?

– Чисто технически такое возможно, если она на глубине более пятисот метров, либо все военные спутники вышли из строя.

– Понял, спасибо.

– Будут какие-нибудь указания?

– Да. Проверьте всех, кто вошел в тот же вагон, в том числе на предыдущих станциях. Вы можете пробить их по картотеке?

– Да, по GSM-сигналам и биометрии лиц могу установить всех.

– Мне нужен список тех, кто в этот момент был с ней в вагоне, и еще установите точные локационные и временные границы этого сбоя ну и вообще... обращайтесь внимание на все, что покажется вам странным.

– Понял.

Виндман отключил телефон и щелкнул по видеофайлу, состоявшему из склеек микрофильмов. Первая же склейка заинтересовала его. Он просмотрел ее три раза, после чего нажал на паузу и увеличил кратность.

В это время в кабинет вошел Яков.

– Доставили тех двоих, – сообщил он. – Отправить их?

– Нет, приведи сюда.

– Кого первого?

– Обоих, – сказал Виндман, – нет времени.

– Понял.

– Слушай, у тебя тут что, свой кабинет где-то есть?

– Нет.

Виндман нахмурился.

– Слушай, а ты мяукающий язык знаешь?

– Какой?

– Ладно, неважно. Приведи этих.

«Эти» вошли неуверенно – им только что сообщили причину их привода. Девушка с хорошей фигурой и наигранной озабоченностью на простоватом лице и долговязый парень.

Виндман усадил их перед столом и задал несколько вопросов, выяснив, что девушка работала у пропавшей Дарьи полгода, а до этого три месяца подрабатывала официанткой в грузинском ресторане, а еще раньше училась на художника-оформителя текстильной промышленности в Иваново. Что парень – ее земляк, работает менеджером по продажам

в автоцентре, что летом они поженятся и возьмут ипотеку.

Внешность и вопросы Виндмана казались безобидными, и молодые люди заметно расслабились.

– И как работа, устраивает? – спросил Виндман, откидываясь в кресле.

– Вполне, – ответила девушка.

– Даже несмотря на работу по выходным?

– Это из-за новых заказов. Обычно мы не работаем в выходные.

Виндман бросил взгляд на экран монитора.

– Вы ведь с ней ровесницы?

– Кажется, да.

– Общаетесь помимо работы?

Девушка улыбнулась, чуть расслабившись.

– Нет-нет, она не такой человек.

– Какой не такой?

– Не очень-то любит общаться.

– Но вы ведь проработали у нее полгода. В три раза дольше, чем все ее предыдущие работницы.

– Да? Я не знала.

– Значит, вы ей нравились, Елена? Почему?

– Явно польщенная девушка улыбнулась.

– Наверное, дело в моем терпении.

– Для работы с Дарьей это важное качество?

– Оно важное для любой работы.

Виндман обратил внимание на парня.

– А вы работаете в автосалоне?

– Да, в Автостарте «Киа», рядом с Белой дачей.

– Неужели? – «удивился» Виндман. – Я покупал «Киа» прошлой осенью.

– У нас? – оживился парень.

– На Каширке. Вы тоже ездите на «Киа»?

– Конечно. Но на подержанной. Деньги нам нужны для ипотеки.

– Так почему вы не подвезли ее?

Оба не спешили отвечать. Кажется, неожиданный вопрос на фоне непринужденной атмосферы застал их врасплох.

– Мы предлагали, но она сказала, что не хочет стоять в пробках, а на метро она доберется за пятнадцать минут.

Виндман бросил взгляд на экран монитора – в тот угол, где было указано время.

– В половине первого ночи?

– Да, из-за нападения стояло все шоссе до центра.

– Нападения?

– Ну, тот теракт...

– Мы весь вечер слышали эти сирены с шоссе. Такие, знаете, когда даже скорые не могут проехать.

– У нее ведь была своя машина?

– Даже две, – сказала девушка, – одна с водителем-охранником, но ей она почти не пользовалась.

– Почему?

– Не любила почему-то.

– А вторая?

– Вторая на покраске. Она заказала аэрографию.

Виндман взял со стола ручку и стал перебирать ее пальцами.

– Вы говорите, что она не любит общаться. Ее можно назвать странной?

– Думаю да, но не в плохом смысле, просто она творческая личность.

От Виндмана не ускользнула едва заметная усмешка парня.

– А могла ли она, допустим, внезапно, куда-нибудь уехать?

– О, да! Это очень в ее стиле, и такое с ней уже бывало.

– Без предупреждения?

– Да, именно так! Причем, телефон она выключала, и только через два-три дня выяснялось, что она в Италии на каком-то фестивале или во Франции.

– То есть, можно предположить, – рассуждал Виндман, поглядывая на Якова у двери, – что в минувшее воскресенье она проснулась и решила, почему бы не отправиться, например, в... Италию?

– Я думаю, скорее всего, так и произошло, – согласилась девушка.

– Тем более, денег у нее, наверное, хватает...

Снова почти неуловимая усмешка на лице парня.

Виндман бросил ручку на стол и, взглянув на Якова, про-

говорил сквозь зубы:

– А кому-то теперь разгребать.

На этот раз ухмылку парень почти не скрывал.

– Ну, а друзья у нее были?

– Не могу сказать, она же ничего не говорит о себе.

– Не считает нужным?

Девушка промолчала, но глаза ее дали утвердительный ответ.

– А можно ли сказать, – осторожно начал Виндман, – что она высокомерная?

– Не знаю...

Виндман посмотрел на парня.

– А к вам она относилась высокомерно?

Парень пожал плечами и усмехнулся.

– Понятия не имею. Но мне вообще все равно, я же с ней не работаю.

– Кстати, не могу не спросить. Ваши зубы – это виниры или лазерное отбеливание?

Парень на этот раз широко улыбнулся.

– Все об этом спрашивают, на самом деле я просто чищу их четыре раза в день.

– Четыре раза?! – простодушно удивился Виндман.

– Военная привычка. Я служил на флоте, и кормили нас вонючими морскими чудовищами, так что приходилось, иначе либо голодаешь, либо блевать тянет.

– Ого, я тоже служил на флоте. Думал, с тех пор кормежка

стала лучше. Тебе сколько? Двадцать пять?

Парень засмеялся.

– Двадцать шесть. Так мне и перед отправкой говорили – на атомной лодке кормежка как в ресторане.

– Ну, держи карман шире.

– Да везде так.

– А я уж подумал, вам боссы «Киа» выделяют на отбеливание, чтоб продажи росли.

– Ага, как же! Да если бы и выделяли, меня бы все равно жаба задушила спонсировать таджикских стоматологов. Я не из тех, кому бабла девать некуда...

– Бабло всем девать есть куда.

– Ну, не скажите. Кто-то по двенадцать часов без отпуска вкалывает, а кому-то папа на карту кладет.

Виндман захохотал, и парень тоже засмеялся. Девушка так и не решила – улыбаться ей или нет. Для приличия она улыбнулась и с опаской посмотрела на своего парня – все же смеяться ей явно не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.